

Александр Черенов
СТАЛИН ЖИВ!

Пятьдесят третий... и дальше

Александр Черенов

**СТАЛИН ЖИВ! Пятьдесят
третий... и дальше**

«Издательские решения»

Черенов А.

СТАЛИН ЖИВ! Пятьдесят третий... и дальше / А. Черенов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518654-6

5 марта 1953 года И. В. Сталин умер в результате то ли убийства, то ли преступной халатности ближайшего окружения: Берии, Хрущёва, Маленкова и «подельников». Но его можно было спасти. А если бы это случилось? Какой была бы история СССР? В этой книге Сталин остаётся в живых: вмешивается счастливый случай в лице одного необычного сотрудника охраны. Здесь почти всё — правда: факты, события, люди... с поправкой и в переложении на выжившего Сталина и за исключением собирательного «счастливого случая».

ISBN 978-5-00-518654-6

© Черенов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	24
Глава четвёртая	34
Глава пятая	42
Глава шестая	50
Глава седьмая	56
Глава восьмая	62
Глава девятая	70
Глава десятая	78
Глава одиннадцатая	83
Глава двенадцатая	89
Глава тринадцатая	99
Глава четырнадцатая	104
Глава пятнадцатая	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

СТАЛИН ЖИВ!

Пятьдесят третий... и дальше

Александр Черенов

© Александр Черенов, 2020

ISBN 978-5-0051-8654-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Если бы Сталин не умер в 53-ем...

К вопросу истории в сослагательном наклонении...

Глава первая

Громада большого города – не для зимы. Столицы – особенно: не степь – не разгуляешься. Теснота, «геометрия», засилье домов и людей. А ещё миллионы глоток, исторгающих углекислоту, миллионы пар обуви, истязающих снег и превращающих его в грязное месиво, сотни заводских труб, «удобряющих» отсутствующий простор тоннами реагентов. Что и говорить: не лучшая компания для зимы. Тяжело ей приходится в городе. Как ни старается, а дать себя по максимуму не выходит: парниковый эффект.

Конечно, даже низкие возможности зимы совсем, уж, принижать не стоит. Она старается, и порой выдаёт достойный продукт: холод, метель и даже «обильные осадки» в виде настоящего снега. Да и городские закоулки дают ветрам немалые возможности пофантазировать на тему «геометрии полёта».

Но всё это не более чем потуги на самоё себя. Не норма жизни, но подвиг. А на ежедневный подвиг себя не наскребёшь. Особенно тяжело приходится старушке на излёте. Как ни упираться, а супротив календаря не попрёшь. Даже несмотря на хрестоматийный образ февраля, таковой лишь для вольной природы.

Февраль пятьдесят третьего, в общем и целом, соответствовал реноме: оказался близок к классическому. Тому самому:

«Дуют ветры в феврале,
Воют в трубах громко,
Змейкой мчится по земле
Белая позёмка».

Старик февраль вёл себя достойно. Он показывал, если не всё, то многое из того, на что был способен: «давал зимы и жизни». Улицы, мостовые и площади «обзавелись» высоченными сугробами, бороться с которыми до их «естественной кончины» не было ни сил, ни смысла. Небо регулярно осыпалось, если не полноценным снегом, то достойной изморозью. Мороз вёл себя в соответствии с инструкцией: шевелился и трещал. Метели пахли тем, чем им и положено пахнуть в феврале: полноценным «минусом». Под ногами качественно скрипел основательно промороженный снег. Весь город добросовестно выставлял в инее. Дворники с куда большим энтузиазмом скребли прихваченные градусом щёки, чем заваленные «дарами природы» улицы и дворы. Так что, о «погибаю, но не сдаюсь!» не было и речи, разве что применительно другим: его жертвам.

Но, как той верёвочке, сколько февралю ни виться... в смысле: ни длиться, а больше двадцати девяти суток из себя не выжмешь. Да и последние дни – не зима, а сплошное мучение для февраля. Увы: каким бы нормально холодным, нормально снежным и нормально ветреным он ни был, а к финишу начал сдавать. Нет, ещё не полномочия: в потенции.

По большому счёту, равно как и по любому другому, у зимы уже не было шансов. Некогда вызывавший уважение, а теперь всего лишь остаточный, потенциал её расходовался исключительно на отдельные факты рецидивов «нормальной» погоды.

Только и весна не слишком настаивала на своих правах. С одной стороны – де-юре – чего настаивать: и так наступит на днях. Со дня на день. Хотя бы по календарю. С другой – де-факто – как настаивать при таких скудных основаниях? Ведь это какой непроизводительный расход сил! Но уже на небо зачастили серые косматые тучи – типовой предвестник весны. Уж солнце протыкало лучами завесу и нахально заявлялось с самого утра, пусть и ненадолго, до первых туч. Уже по карнизу стукнула первая капель. Уже обречённые снежно-ледовые «kozyрьки» рухнули с крыш вместе с такими же «оптимистичными» сосульками.

Неотвратимо приближалась оттепель. Да, что, там, приближалась: нагло заявила во дворы. Именно заявила, а не заглянула – так, словно давала понять бедолаге-февралю:

«Весна идёт, весне – дорогу!». В переулках снег размяк, потемнел, протаял. Ветер изменил не только направлению, но и себе: из сурового бойца стал каким-то мягким и пахучим романтиком. Снег на мостовых, благодаря совместным усилиям «неправильного» градуса, ботинок и протекторов превратился в неэстетичную грязь. Местами оголился и задымился асфальт.

Конечно, февраль не сдавался: боролся. Уже не «за», а «из»: не за жизнь, а из принципа. Поэтому дневные победы выглядывающей из-за «рубежной даты» весны он старательно минимизировал к утру. На то, чтобы обратить их в поражения, уже не хватало духу. Работать приходилось исключительно по ночам, но к утру он «приводил в чувство» градус и хотя бы подмораживал дневные лужи. Иногда оттепель не выдерживала натиска и отступала. Следы её пребывания февраль старательно обрабатывал последним резервом снега. Тогда очищенное от туч небо становилось глубоким и чернильно-синим, а над городом повисали яркие звёзды – пророки утреннего морозца.

И морозец не подводил своих пророков: его присутствие – это, уж, как водится. Поэтому и само утро последних дней февраля было чистым, розовым от бодрящего «минуса», с хрустящим ледком на мостовой, с пресным запахом подмороженного снега.

А потом вдруг опять заявлялся промозглый «околомартовский» ветер. И, как результат этого, то ли намёка, то ли рецидива, то ли наглого вторжения – растаявший сырой пласт гололёда, низкое, пасмурное, тяжёлое небо, и отвратительное настроение на весь день.

Но это – в городе. А за городом было классическое царство Берендея. Недаром пелось в старинной песне: «Это в городе тепло и сыро, а за городом – зима, зима, зима!». Здесь воздух был лёгкий, морозный, хрустальный. Промёрзший наполовину пруд грел душу каждого любителя подлёдного лова. И, если над городом тяжело нависали серые тучи, то здесь небо было, как на другой планете: чистым, глубоким, с переходом от бледной голубизны до почти ультрамарина. И пусть от растёртой берёзовой почки пахло свежей зелены – верная примета грядущей весны – это лишь придавало дополнительный колорит лыжной прогулке. Снег прекрасно держал – и форму, и лыжи, и лыжника. И всё это даже в тот день, когда хрустально звенело первой капелью.

Именно поэтому у хозяина – Страны Советов, а по совместительству и дачи – было хорошее настроение. Он был доволен и погодой, и видами. Нет, не на урожай: из окна. А он любил посидеть, особенно после баньки, на открытой веранде, в латаной-перелатаной дохе и лохматой шапке с опущенными клапанами. Ему не нравился город с его неправильной, неустойчивой, то промозглой, то слякотной «зимой в переходной стадии». Ему не нравилось, когда замечательный ледок уже к полудню превращался миллионами ног и тысячами протекторов в непрезентабельное месиво.

А здесь, за городом, на так называемой Ближней даче, у него было больше оснований для хорошего настроения, пусть и не на каждый день: оно ведь не определяется одной лишь погодой и видами из окна. Но сегодня, в последний день рядового – не високосного – февраля – у него было хорошее настроение. И он делился ним с гостями. Кроме настроения, он делился с ними радушием и всем, что к нему полагается и прилагается.

Гостей было немного – всего четверо. Этот «коллектив» в силу естественных и неестественных... словом, исторических причин, образовался в последние несколько месяцев. Образовался – и уплотнился до формата «в наш тесный круг не каждый попадал». Лица были все знакомые, не новые. Хозяин в последнее время не приветствовал новые знакомства, и не стремился к ним. Более того, даже круг старых значительно сократил. Поэтому за столом и находились сейчас только постоянные завсегдатаи дачные посиделок у Хозяина: Лаврентий Павлович Берия, Георгий Максимилианович Маленков, Никита Сергеевич Хрущёв и Николай Александрович Булганин.

А самого Хозяина дачи звали... Хозяин. С заглавной буквы. Но так звали его только посвящённые. Для всех остальных он был Сталиным. Чаще – товарищем Сталиным. Реже – Иосифом Виссарионовичем.

Пять человек сидели за большим, персон на двадцать, круглым столом, расположенным точно посередине большой, просторной залы. Мягко говоря, тесно не было, и места хватало. Но претенденты на свободные места претендовали напрасно. Никто – в лице Хозяина – их не ждал, а появившихся «нежданных» не приветствовал. Например, изредка – в числе гостей или же самостоятельно – на дачу в Кунцево заявлялся давно уже не «железный нарком» Климент Ефремович Ворошилов. Завидев «первого маршала», Хозяин и не скрывал неудовольствия по поводу «нежданного и незваного». В конце концов, Климент Ефремович понял – сам или с помощью «доброжелателей» – что поговорка «незванный гость хуже татарина» совсем даже не литература. Он немного подулся – так, чтобы никто не видел – и зарёкся появляться на даче без приглашения. Но, поскольку ожидаемого приглашения так и не последовало, зарок остался в силе уже «в новой редакции»: не появляться и не ждать.

Так количество гостей на «званных обедах» осталось неизменным. Именно эти люди «на текущий момент» являлись «ближним кругом» Хозяина. Такое положение начало складываться ещё до последнего – Девятнадцатого – съезда партии, а уж после октября пятьдесят второго закрепилось окончательно. Прежние «масштабные застолья» с приглашением всех членов Политбюро, и не их одних, безвозвратно ушли в прошлое.

Стали достоянием истории, то есть. Но не историков, разумеется: тем о них знать не полагалось. Хотя последствия этих неофициальных мероприятий и их значение для судеб страны порой оказывались более весомыми, чем самые громогласные торжества.

Многое повлияло на изменившиеся вкусы Хозяина. Да, раньше он исповедовал принцип «шире круг!» Он любил масштабность неофициальных мероприятий, на которых «гремело и текло» не хуже, чем на посольских раутах или приёмах в честь героев-стахановцев. Но ведь ещё древние говорили: «времена меняются – и мы меняемся с ними». С течением времени Хозяин менялся – менялись и его вкусы. И это определялось не только тем, что он перестал быть «добрым молодцем», каковым не являлся даже в дни «молодчества». Да, «новый формат кондиций» уже не позволял ему выдерживать шумное застолье. Но главное заключалось в другом. Это главное, оно же другое, и определило выбор им количества гостей и персоналий.

Последние события внутрипартийной и государственной жизни только умножили «мировоззренческое достояние» Хозяина: осторожность, осмотрительность, сначала местами, а затем и сплошь переходящие от бдительности к недоверчивости. Дело уже дошло до того – а с ним вместе дошёл и Хозяин – что даже Молотов, ближайший соратник на протяжении десятилетий и почти что друг, как вышел из доверия, так и не вернулся обратно. Итог: на Ближнюю дачу его уже не звали. А если он и появлялся там, не приветствовали. А для соратников это было, куда хуже, чем не получить приглашение на очередное, пусть и такое редкое в последние годы, заседание Политбюро. И не по причине отменного меню здешней кухни, а потому что «настоящее Политбюро» заседало не в Кремле, а на Ближней даче Хозяина.

Но Вячеславу Михайловичу следовало пенять не только на «пензионерскую маниакальность» вождя. На себе тоже не стоило экономить: «заслужил, однако». «По линии пятен». Тех самых, которые есть и на Солнце. А Вячеслав Михайлович Солнцем, мягко говоря, не был. Положа руку на сердце, приходилось с сожалением признать, что у Хозяина имелись основания для недоверия и «с отставлением от стола».

Что же касается близости к нему того или иного руководителя, то она не только не облегчала судьбу последнего, но, напротив, даже отягощала её. Так, Молотову на Пленуме, состоявшемся сразу же по закрытии съезда, Сталин указал в формате «не в бровь, а в глаз» за попадание того «под каблук» жены-еврейки. Следствием этой близорукости, которую Вячеслав Михайлович напрасно пытался выдать за несчастный случай на бытовой почве, явилось выбал-

тивание, по мнению вождя, его первым заместителем секретов государственной важности. Выбалтывание имело место, как за обеденным столом, так и на супружеском ложе.

А тут ещё чёрт дёрнул Вячеслава Михайловича неназойливо, но неоднократно лоббировать интересы еврейской диаспоры, что выразилось в его поддержке идеи образования в Крыму еврейской автономии. И пусть Вячеслав Михайлович всего лишь «ретранслировал» чужие мысли, и пусть он при этом максимально сглаживал острые углы, которые торчали из каждой буквы этого проекта, легче от этого ему не стало. Экономить на «раздаче орехов» Хозяин не стал – и Вячеславу Михайловичу «досталось». И совсем даже не «от щедрот», а по-купечески щедро.

На Пленуме «отпустили товару» и Микояну. Определённый «новоявленным Фрумкиным», Анастас Иванович был «уличён» Хозяином в неправильном понимании вопросов налогообложения в сельском хозяйстве, а вместе с Молотовым – в чрезмерном восхвалении западной экономической мощи, в неверии в собственные силы и чуть ли не в пораженческих настроениях. Попытки обоих «подсудимых» в своём «последнем слове» оправдаться тем, что они не сами напросились в Америку, а были командированы с целью «изучить» и «перенять», успеха не имели. Более того: их слова лишь укрепили «здоровые слои партии» и прочей широкой общественности в том, что «дыму без огня не бывать». Как и дачным посиделкам с участием Молотова и Микояна.

Следствием этого явилось не только то, что Вячеславу Михайловичу и Анастасу Ивановичу пришлось чаёвничать соло, у себя на дому. Дополнительно к этому – самому страшному – наказанию Хозяин предложил не избирать Молотова и Микояна в состав Бюро Президиума ЦК. Этот новый руководящий орган, созданный «мимо Устава», представлял собой узкий круг высших руководителей партии и государства. Но «по линии сокращения доверия» Хозяин пошёл ещё дальше – и дошёл до «руководящей пятёрки». Те, кто сейчас находился за столом, и составляли эту «пятёрку». Разумеется, в этом формате Молотова и Микояна, тем более, «не облекли доверием». Хозяин так прямо и заявил об этом, когда пару раз оба, как ни в чём не бывало, появились на заседании «усечённого» Бюро, и преспокойно уселись за стол. Ну, решили «прикинуться пиджачками» – исключительно с целью зондажа настроения Хозяина. Зондаж удался, но лишь с точки зрения факта, а не результата.

На первый раз Хозяин оказался джентльменом: завидев незваных гостей, он лишь скрипнул зубами и сделал вид, что ничего не заметил. В том числе, и парочку «наглецов». Последние же, неправильно истолковав характер пыли от стёршихся зубов Хозяина, расценили это знаком примирения, и, как ни в чём не бывало, активно «включились в процесс».

Но уже после второго заседания «не вынесла душа». Нет, не поэта: «невынесение души» не является исключительным правом литераторов. И Хозяин наглядно продемонстрировал это сразу же после заседания. Свидетелями «невынесения» оказались два дружка: Берия и Маленков.

– Почему эти двое ходят на заседания? – сверкнул линиялым, но всё ещё сверкающим глазом Хозяин. – Я что-то не помню, чтобы мы принимали их в члены Бюро! Передайте им, чтобы они не испытывали моего терпения: оно у меня не бесконечное! Эти люди вышли из...

– Употребления?! – с надеждой просиял взглядом Берия. Он был не прочь «заняться трудоустройством» вчерашних соратников. Далеко за пределами «сто первого километра» и «ниже уровня моря».

Хозяин задумался: предложение Лаврентия представляло определённый интерес, но только на перспективу. Вопрос её временных параметров он собирался решить буквально на днях.

– Нет: из моего доверия.

Это было не совсем то, что хотел услышать Лаврентий Палыч, но на безрыбье и «выход из доверия» – состав преступления. То есть, отчаиваться Лаврентию Палычу

не следовало: всё ещё могло быть.

Пожелание вождя было немедленно доведено до сведения получателей и «ещё более немедленно» выполнено: Молотов с Микояном окончательно попали в опалу. Одновременно с этим «попаданием» они попали и «на карандаш» Лаврентию Палычу: в хозяйстве у этого трудолюбивого человека ничего не пропадало. Даже, если и пропадало бесследно...

Сразу же, как гости заняли места за столом, Марфа Бутусова, хозяйничавшая сегодня на кухне, поставила возле каждого из них стеклянные графины, наполненные золотистой жидкостью. Она не нуждалась в дополнительных инструкциях Хозяина: ассортимент и регламент посиделок были неизменны. Если же Хозяин намеревался «расширить» их, то для этой цели задействовалась сестра-хозяйка, она же домоправительница, Валентина Истомина. Сегодня был «постный день», он же «рыбный», застолья не предполагалось, поэтому за столом отрабатывала Бутусова.

Фрукты – яблоки, лимоны и мандарины – стояли на столе уже к моменту появления неразлучной четвёрки. Хотя правильнее было бы сказать, «неразлучной „троицы“ и примкнувшего к ней Булганина». Николай Александрович всё время держался несколько в стороне. Точнее, это «троица» держала его несколько в стороне от себя, и не подпускала слишком близко для того, чтобы стать «четвёркой». По её мнению, Булганин не вполне «соответствовал и вписывался». Он, хоть и был зачислен Хозяином в маршалы, но равного со всеми веса даже за счёт «маршальского жезла» не приобрёл. Ну, вот не освоил он ещё мастерство подлинного «кремледворца»: интриговать, наушничать, «подсиживать», притаптывать, подминать, выживать за счёт «ближнего своего», заводить врагов при каждом удобном и неудобном случае. Он, конечно, старался, но в качестве «настоящего политика» не состоялся. Состоялся он только в качестве «выдающегося политического деятеля, верного ученика и соратника», да и то лишь на страницах очередного тома Большой Советской Энциклопедии.

Обычно на таких посиделках друзьям приходилось следить не только за собой, но и друг за другом: самому «не ляпнуть, чего лишнего» и не пропустить «ляпа» друга. Ну, как это и заведено у настоящих друзей.

Но сегодня можно было слегка расслабиться... троим из приглашённых: Лаврентий Палыч искренне расстроился. Вечер, можно сказать, пропал зря. В плане сбора оперативной информации о друзьях. Следовательно, знакомство с ними в ещё более тесной обстановке – в одном из нулевых этажей здания на площади Дзержинского – вновь откладывалось на неопределённое время.

Почему товарищи посчитали возможным так легкомысленно подойти к вопросу застолья? Ответ на этот вопрос лежал на поверхности... стола: единственным продуктом, подходившим на роль закуски, можно было считать нарезанный на кусочки и разложенный по тарелкам сыр. А единственная бутылка, подходившая на роль спиртных напитков, стояла перед Хозяином. Это было столовое вино «Телави» «нулевой крепости», которому Иосиф Виссарионович стал отдавать предпочтение в последнее время. Да и предпочтение он делил – почти в равных пропорциях – между половиной рюмки «Телави» и половиной рюмки кипячёной воды.

Вот и сейчас он разбавил «Телави» водой – хотя, чего там разбавлять! – и тем самым, негласно объявил о «начале мероприятия». Гости, как по команде, потянулись к графинам и стали наполнять стаканы.

Первым, как всегда, «приложился» Хрущёв. С большим трудом ему удалось скрыть разочарование, и вывести на лицо некое подобие улыбки, кислой и слабой одновременно. Ну, как то винцо, которое он был обречён пить до глубокой ночи.

Реакция Никиты Сергеича не осталась незамеченной Лаврентием Палычем. Ничто сущее не имело шансов остаться незамеченным им. Берия насмешливо покосился на «друга», сверкнув простыми стёклами пенсне, которое он носил, явно «добирая» солидности. Простые стекляшки и в самом деле придавали ему respectable вид.

Оценив этот взгляд, в том числе, и впрок, Маленков и Булганин расхохотались. Вполне беззлобно. Но особенно беззлобно хохотал сам автор взгляда. Он был мастером по этой части. То есть, он умел хохотать так беззлобно, что от зависти лютой злобой исходили самые злобные хохотуны.

Но Хрущёв не принадлежал к числу завистников. Он был, хоть и простак, но не дурак. А, если и дурак, то умный. То есть, дурак себе на уме. Он верно оценивал потенциалы сторон, и понимал: лучше поделиться с Лаврентием дружбой, чем мясом, кожей и «прочим ливером». Тем более что делёж предполагался односторонним. По этой причине он тоже поучаствовал «в общем веселье на тему самого себя», пусть даже всего лишь сконфуженной улыбкой. Якобы сконфуженной, ибо близко знавшие его люди на эту «простоту» не «покупались»: себе дороже.

– Не расстраивайся, Микита: ты своё ещё доберёшь. Чуть позже.

Замечание Хозяина было «не в бровь»: Никита Сергеевич и в самом деле не являлся «специалистом» по части вин, предпочитая им водку – и в неумеренных количествах. «По линии» крепких спиртных напитков он никогда не отличался воздержанностью. Проще говоря, напивался, как говорят в народе, «до поросычьего визга». Если уж не у Сталина в гостях, то потом – у Берии или Маленкова, с которыми близко сошёлся ещё до войны. Там же, у них, он и отсыпался после этих попок «без задних ног».

Услышав реплику Хозяина, Булганин не выдержал и прыснул в кулак. Не хотел: сорвался. Но в адрес Хрущёва такая реакция была ещё допустима. Это в отношении Лаврентия Пальча Николай Александрович никогда бы не позволил себе подобной вольности. Даже «в формате срыва»: не сорвалось бы. Потому, что и «срыв» – не дурак.

Но на этот раз не только пронесло, но и получилось: он был одобрен. Именно таким – одобрительным – взглядом Сталин «упал» на Булганина. Хозяину нравилось, когда люди выражали свои чувства непосредственно, а не в порядке «озвучивания домашних заготовок». Лицедейство он приветствовал только в театре.

Теперь – «после санкционирования» – улыбались все. И все по-разному. Сталин – добродушно. Булганин – по-прежнему непосредственно, без задних мыслей. Хотя у него и с «передними» были проблемы. Берия – тоже по-прежнему, насмешливо. Маленков – снисходительно. А сам «Микита» – сконфуженно. Якобы. Но уже одно то, что Сталин называл Хрущёва «Микитой», свидетельствовало как о добродушном настроении Хозяина, так и о том, что сегодня разговоров на серьёзную тему, тем паче, с «оргвыводами» для гостей, не последует.

Так и вышло: гости обменивались с Хозяином и друг другом невинными шутками, делились последними новостями из мира театра и кино. Берия говорил о том, что ждёт, не дождётся, когда начнётся чемпионат страны по футболу: всем было известно, что Лаврентий Пальч являлся страстным поклонником «Динамо» – конечно же, тбилисского.

Правда, гости шутили с умом. В былые времена шутка со Сталиным нередко заканчивалась для шутников прежде, чем... заканчивалась шутка. Нынешние времена, хоть и «утратили статус былых», но здравомыслия не отменяли. По этой причине оно и не утратило актуальности.

Сам Хозяин много шутил на отвлечённые темы, и по всему, чувствовал себя, если и не превосходно, то вполне удовлетворительно. Взглянув на настенные «ходики», он даже поднял рюмку, которую «мучил» несколько часов, и предложил отметить наступление календарной весны. Все дружно «хватили соку» за осуществление возлагавшихся на весну надежд.

Гости, слегка опасавшиеся, что Сталин опять начнёт их «экзаменовывать» на предмет знакомства с «Экономическими проблемами социализма в СССР», а тем паче, «домогаться» её критического разбора, могли теперь вздохнуть с облегчением. «Обед-ужин», как обычно, затянулся далеко за полночь. Лишь напоследок, уже около четырёх часов утра, что вполне укладывалось во временные рамки подобных мероприятий, Хозяин напомнил Хрущёву о том, что ждёт того к себе завтра, то есть, уже сегодня, к четырнадцати часам, с предложениями по под-

готовке Пленума ЦК. Пленум намечалось посвятить, в том числе, и вопросам сельского хозяйства, где Никита Сергеевич считался одним из авторитетов.

Правда, «на дорожку» Хозяин не пожалел «ложки дёгтя».

– Только ты, Микита, не поднимай больше вопроса об «агрогородах».

Под кривые ухмылки компаньонов Хрущёв вынужден был покраснеть. Но так как дальше намёка Хозяин в своих оскорблениях не пошёл, да и улыбался вполне добродушно, Никита Сергеевич якобы виновато – а это он умел делать мастерски – улыбнулся и развёл руками, словно одним уже этим «бия себя в грудь».

И кривые ухмылки, и «аллюзии» Хозяина, и «биение в грудь» имели под собой основания. До последнего съезда Никита Сергеевич неоднократно предлагал укрупнение колхозов и совхозов до размера «агрогородов» в качестве меры для кардинального улучшения положения в сельском хозяйстве. Предлагал не только на посиделках, «между рюмок», но и официально, на заседаниях Политбюро.

Понимания со стороны Хозяина Никита Сергеич не встретил. А, если и встретил, то лишь такое:

– Наш уважаемый Никита Сергеевич в своём искреннем желании улучшить положение дел в деревне готов подвести эту самую деревню «под монастырь».

Когда же Хрущёв, красный как рак, намеревался протестовать на тему «не так поняли», «понимание» со стороны Хозяина приняло и вовсе категоричный вид. Никита Сергеич оказался «совсем понят».

– Мы так Вас поняли, товарищ Хрущёв! – определил Сталин Никиту Сергеича. «На лобное место». – Так! Потому, что, предлагая создавать так называемые «агрогорода», Вы обрекаете десятки тысяч деревень на ликвидацию! Ведь вся жизнь Ваших «городов» будет сосредоточена вокруг центральных усадеб. Отдалённым деревням просто не останется другого выхода, как вымирать. Не обязательно в прямом смысле. Но и то, что люди «просто» начнут разбегаться – немногим лучше! В результате мы получим миллионы вчерашних колхозников и рабочих совхозов, бежавших из деревни в город! А кто будет растить хлеб? Кто будет разводить скот? Кто будет кормить страну? А, товарищ Хрущёв?

Это было одно из наиболее миролюбивых возражений Сталина. В иные моменты он высказывался куда резче и определённое, вплоть до обвинений автора этой идеи в фактическом вредительстве. А однажды он прямо обвинил перетрусившего Хрущёва в приверженности бухаринским идеям, в отсутствии у того подлинно марксистских убеждений. А уж когда Иосиф Виссарионович заявил о том, что Ярошенко, критиковавший сталинский основной закон социализма, писал своё письмо под диктовку Хрущёва, тот едва не «нагрузил штаны». Оно и понятно: такое обвинение всегда – не только в прежние времена – было чревато «оргвыводами». И хорошо ещё, если только «с занесением». А ведь могло быть и с вынесением – ногами вперёд. Тем паче, что люди «друга Лаврентия» всегда готовы. Как те юные пионеры.

Сегодня же Иосиф Виссарионович был настроен почти «на дружбу между народов». В целом, он неплохо относился к Никите Сергеевичу, полагая того, пусть и не Сократом, но весьма деятельным руководителем-практиком. Да и оснований не доверять этому простоватому на вид и простодушному в поступках «мастеру гопака» у него не было. Никаких. Разве что в смысле «избыточно тесной» дружбы с Берией – человеком «себе на уме».

Ровно в четыре Сталин чересчур откровенно посмотрел на часы. Не понять этот взгляд было чревато ещё большей откровенностью в свой адрес – и гости решительно загремели стульями. В сквозном коридоре, ранее являвшемся одной из спален и впоследствии ликвидированной по настоянию Хозяина, Берия обернулся к вытянувшемуся по стойке смирно полковнику МГБ Хрусталёву, не так давно – точнее, после отстранения от должности генерала Власика – прикомандированному к охране Сталина.

– Хрусталёв, проводи!

Далёкий от бархатного, голос Лаврентия Палыча заставил Хрусталёва вздрогнуть всем телом. Но спустя мгновение он уже подавал маршалу пальто и шляпу, а спустя пару минут услужливо открывал дверь бериевского «Мерседеса», доставившего гостей на дачу.

Пропустив вперёд себя Маленкова, Хрущёва и Булганина, Берия сел последним. Бережно поддерживая Лаврентия Палыча под локоток, Хрусталёв профессионально отработал дополнительной ступенькой «Мерседеса»...

Глава вторая

Двадцать восьмого февраля тысяча девятьсот пятьдесят третьего года ровно в десять часов утра, Семён Ильич Браилов, майор государственной безопасности – указом от двадцать первого августа тысяча девятьсот пятьдесят второго года были вновь установлены спецзвания для сотрудников МГБ – заступил на очередное дежурство. Дежурил он на Ближней даче товарища Сталина, в охране которой состоял уже не первый год. Точнее, третий – с тысяча девятьсот пятидесятого года.

Назначение его состоялось вскоре после того, как Сталин, подозрительно оглядев лица своих охранников, ещё более подозрительно оглядел Берию:

– Что ты меня окружил одними грузинами? Ни одного русского лица!

– Батоно, чвэни цховрэба... – начал Берия, но был тут же остановлен сталинским «но пасаран» совсем не в духе «дружбы между народов»:

– Говори по-русски!

«Великодержавный шовинизм» из уст стопроцентного грузина опять дал себя знать очередным поползновением на права национальных меньшинств. Но Лаврентий Палыч не только не счёл возможным обидеться, но даже счёл нужным улыбнуться. Если, конечно, растяжку его змеиных губ можно было засчитать за улыбку.

– Это всё – преданные Вам люди, товарищ Сталин! Исключительно преданные!

Текст о преданных грузинах давался уже, разумеется, по-русски, хоть и с неистребимым «грузино-бериевским» акцентом.

– А русские, что, не отличаются преданностью? – отработал «Защищайтесь, сударь!» Хозяин. – Или на это способны только грузины?

После такого выпада Берия просто обязан был «схватиться за пронзённую грудь», что он незамедлительно и сделал.

– Простите, товарищ Сталин: не доглядел...

Теоретически Лаврентий Палыч мог и не «напрашиваться на комплимент»: кадровый вопрос не входил в круг теперешних его обязанностей. Берия давно уже не курировал ГУО – Главное управление охраны. С того самого времени, как десятого января тысяча девятьсот сорок шестого года он подписал акт приёма-сдачи дел по НКВД, и новым наркомом внутренних дел стал генерал Круглов. А Управление охраны возглавил генерал Власик, прикомандированный к охране Сталина ещё в тридцать первом году.

Но, пусть вопрос и не входил в «круг», Лаврентий Палыч по собственной инициативе расширил его. Взял, так сказать, на себя повышенные обязательства. «Двинул путём» Стаханова и многостаночниц Виноградовых. На свой лад, конечно. В форме переложения благородного почина на вопросы внутренней политики. Как человек дальновидный и практичный, Берия решил «обставить» вождя своими людьми. Правильнее даже будет сказать, окружить и охватить. Ну, так, как окружают и охватывают противника, чтобы уже не вырвался. Для этого он «всего лишь порекомендовал» Николаю Сидоровичу некоторые кандидатуры на «замещение вакантных должностей» в охране Хозяина.

Власик, тоже человек практический и дальновидный, решил без особой на то нужды не ссориться с Лаврентием Павловичем и не отвергать предложенные кандидатуры. Конечно же, он сразу обратил внимание на весьма специфический их подбор: в кандидатах состояли одни только представители «братских кавказских народов». Наружу сметливый генерал просиял «дружественной улыбкой», но за спиной уже держал лопату. Сапёрную. Так сказать, «орудие двойного назначения»: и для работы с землёй, и для работы с головой. Хотя и «двойное назначение» – «в одну сторону»: «земляные работы» предполагались только

«по линии подкопа». Под Лаврентия Палыча. Так, что до момента востребования Николаю Сидоровичу пришлось включиться в тактическую игру.

После разноса, учинённого Хозяином «брату Лаврентию», у Власика были развязаны руки. И он стал подбирать в охрану уже славян. И не просто славян, а славян из числа хорошо знакомых ему работников органов и тех, кто был чем-либо обижен или в чём-либо обойдён Лаврентием Палычем. Известно ведь: «враг моего врага – мой друг!»

В поисках кандидатур – заменить решено было всех – Николай Сидорович не сразу обрёл свой взор на Браилова. Способствовала этому чистая случайность: хронический остеохондроз плеча настолько извёл всесильного начальника охраны Сталина, что тот был вынужден обратиться за помощью в Лечсанупр: занятие самолечением – по примеру Хозяина – до добра явно не доводило.

Там Власик и познакомился с Браиловым. В считанные дни тот «поставил руку» Николая Сидоровича «на ноги». И использовал Семён Ильич отнюдь не традиционные пиявки и согревающие компрессы из арсенала Лечсанупра, а неведомые здесь методы терапии, несомненно, восточного характера. Даже Власик, будучи «явно не профессором медицины» – со своими шестью классами образования – смог догадаться об этом по странно пахнущим мазям в стеклянных банках, по одурманивающему травяному сбору, по тонким и длинным, с зазубринами по всей длине, иглам и по многому другому, чего генерал в жизни своей не видел.

Разговорились. Власик поинтересовался – просто так, «без задней мысли», не «по службе» – «трудовой биографией» врача-чародея. И тут выяснилось, что скромный труженик Лечсанупра – кадровый сотрудник МГБ, прикомандированный к медицинскому учреждению ещё в сорок шестом году.

– Затянулась командировочка, – усмехнулся Николай Сидорович. – Что так?

– Вопрос не по адресу, – также не остался без усмешки «врач-чародей». – Об этом лучше спросить у Лаврентия Палыча.

Ироническая усмешка плавно, так, перешла в кривую.

– Хотя, лучше не спрашивать...

Упоминание имени «друга», да ещё в таком контексте и таким тоном, не могло не оказать благотворного влияния на процесс формирования отношения Власика к «чародею» из МГБ. И к концу лечения, а заодно и разговора, оно уже вчерне сформировалось. Николай Сидорович даже не стал задавать уточняющих вопросов. Да и зачем ему нужно было это делать, если он без проблем мог выяснить подробности биографии Браилова в управлении кадров МГБ, куда был вхож, как к себе домой?

Закончив процедуры, Николай Сидорович не забыл «спасителя и благодетеля». Тем более что биография последнего вызвала уважение: в его послужном списке значилось, что с тридцать второго по сорок пятый год Браилов проходил вначале по учёту ИНО ОГПУ – Иностраный отдел Объединённого Государственного Политического управления, а затем – по учёту Главного управления разведки НКВД и НКГБ. В его личной карточке была всего одна строка: «находился на агентурной работе».

«Тринадцать лет „за бугром“ – это тебе не хрен собачий!» – восторгнулся про себя Николай Сидорович. Уточнять характер и место выполнения агентурной работы, как и всякий здравомыслящий человек, он не стал: кому положено – знают. А для принятия решения достаточно было и того, что он узнал. Тем более что он узнал главное: «чародея» «затёр» Берия, а, значит, этому человеку можно доверять. Хотя бы настолько, чтобы определить его в охрану вождя.

Если бы генерал-лейтенант Власик узнал, что его «протеже» имел два высших образования, и оба они были получены за границей, да ещё и докторская диссертация защищена там же, он бы восторгнулся ещё активней. А если бы к тому же узнал, что его новый знакомый в недавнем прошлом был офицером СС в чине оберштурмбанфюрера и работал в РСХА –

Главном управлении имперской безопасности в Берлине, то нашёл бы новоявленному протезе местечко и получше. Как минимум, нагрузил бы его вопросами не только охраны тела вождя.

Семён Ильич Браилов действительно имел два высших образования, и оба «оттуда»: одно – в Германии, в Берлине, другое – в Швейцарии, в Женеве. Но учиться молодой комсомолец Сеня Браилов начал ещё в Москве, в Первом Медицинском. Он даже успел доучиться там до пятого курса. Но, едва только начался очередной семестр, пятикурсника Браилова неожиданно вызвали в комитет комсомола института. Там секретарь комитета и сообщил ему, что с ним хочет поговорить «товарищ из ОГПУ».

Обстоятельный разговор на тему «папы, мамы и текущего момента» закончился тем, что медику-дипломнику сделали предложение: сосватали на оперативную работу «в органы». Большого желания бросать учёбу Сеня не имел, но почему-то сразу понял, что отделаться от этого «товарища» и от «товарищей этого товарища» ему уже не удастся.

Каково же было его удивление, когда он узнал, что работать ему предстоит не дома, а за границей. Отказываться было уже поздно, и молодой чекист продолжил учёбу уже по другому профилю. В течение нескольких месяцев он учился всему тому, что должен уметь делать любой агентурный работник: иностранный язык, радиodelo, парашютное дело, вождение транспортных средств, шифровка, дешифровка, рукопашный бой, владение холодным и огнестрельным оружием, применение химикатов и ядов, ориентирование на местности, маскировка, выживание в экстремальных условиях.

Но это было далеко не главным из того, чему его учили. Более того, совсем не главным: ему так прямо и сказали об этом его учителя. Главным же было другое, отнюдь не из арсенала шпионской романтики: умение вести скрытное наблюдение, умение самому уходить из-под наблюдения, умение вести сбор и анализ информации, умение завязывать нужные знакомства, не вызывая подозрения – и так далее и тому подобное.

Единственное, что в данных обстоятельствах служило хоть каким-то утешением, было согласие руководства на продолжение им учёбы по избранной специальности за рубежом. Правда, с одной существенной оговоркой. Даже с двумя: «в свободное от основной работы время» и «параллельно с ней». Так сказать: в формате совмещения профессий и должностей.

Браилов «изыскал резервы», «запараллелил» их – и «совместил»: закончил Военно-медицинскую академию в Берлине. Закончил с отличием, после чего удостоился приглашения к совместной работе от самого профессора Вернера – светила германской военной медицины.

У профессора уже работал один ассистент – китаец по фамилии Лю. От него Браилов – тогда уже Вальтер Цорн – и набрался дополнительных сведений по линии нетрадиционной медицины. Таковой, разумеется, только для Европы. Конечно, если бы московское начальство узнало о «побочных интересах» агента, оно вряд ли одобрило бы такое «непроизводительное распыление сил». Но Семён Ильич «хорошо замаскировался», «план давал» – и начальство так ничего и не узнало.

Через год по настоянию профессора Браилов-Цорн отправился продолжать учёбу в Женеве. Теперь московское начальство уже не могло не узнать: переезд. Скрипя зубами и скрепя сердце, оно огорчилось самоуправством агента, но не возразило. В Москве уже понимали, что фюреры рейха теперь обязаны будут «клюнуть» на грамотного специалиста. Такова диалектика бытия. И на этот раз «интересы диалектики» полностью совпадали с планами московского руководства.

Воспользовавшись одним согласием, Браилов-Цорн «выбил» из Москвы и другое: на получение им в Женеве второго высшего образования. Разумеется, параллельно с агентурной работой и продолжением медицинского образования. Обоснование: целесообразность. На специалиста с двумя дипломами фюреры «упадут» в два раза быстрее. И это уже не диалектика: арифметика. В итоге, за два года он получил высшее юридическое образование, сдав экзамены за полный курс экстерном.

Ни молодой разведчик, ни его московское начальство не ошиблись в расчётах. Вскоре наци потребовались квалифицированные правоведа взамен «верноподданных», но безграмотных мужланов из СА.

Закончив обучение в аспирантуре, Браилов на французском языке защитил докторскую диссертацию, не получив при этом ни одного «чёрного» шара. Когда молодой доктор наук с двумя высшими образованиями вернулся в Берлин, его уже не могли не заметить: немного людей в партии и СС могли блеснуть такими достижениями. Браилов верно сориентировался в меняющейся обстановке: времена, когда партайгеноссе чванились «солдатским бельём», стремительно уходили в Лету. Теперь карьеру делали совсем другие люди.

Так Вальтер Цорн, стопроцентный ариец с безупречной биографией и внешними данными – хоть выставляй в антропологическом музее в качестве образца арийского генотипа – получил приглашение на работу в СД. Точнее, в зарубежную разведку Службы безопасности. Умному и фотогеничному – туда и дорога. Это превосходило самые оптимистичные надежды Москвы. Там, наконец, перестали огорчённо кричать при знакомстве с бухгалтерией расходов: забрезжил не только возврат кредитов, но и основательные дивиденды. Пять лет тратились, ждали – и вот, в тридцать восьмом, Цорн стал оберштурмфюрером СС, что соответствовало обер-лейтенанту вермахта. Правда, было ему тогда уже двадцать восемь лет. Не ахти, какое высокое звание для таких лет. Но в СД умели ценить толковых людей, и уже после польской кампании Вальтер Цорн примерил знаки отличия гауптштурмфюрера.

И, если до поступления в СД работа его ограничивалась ролью связующего звена между Центром и резидентом в Берлине, то, оказавшись в службе безопасности, Браилов-Цорн был уже самоценной единицей. И теперь уже к нему направляли связных и радистов.

Действительно, информация, которую с тридцать восьмого года стал передавать в Центр Семён-Вальтер, была настолько значимой, что игнорировать её при всём недоверии к сведениям подобного рода в Москве уже не могли. Критиковали, грозились, намекали на непролетарское происхождение, требовали перепроверки и подтверждения, но не игнорировали, и даже предпринимали некоторые шаги в плане реагирования.

Шаги были разного характера: дипломатического, военного, хозяйственного, агентурного. А всё потому, что информация, передаваемая Браиловым, была разнообразной по содержанию. Без внимания разведчика не оставалось ничего, что могло представлять оперативной интерес: у доброго хозяина в хозяйстве ничего не пропадает.

Ценность информации не снижалась даже тем обстоятельством, что Цорн работал не на русском направлении. Сферой интересов сотрудника СД был Запад. Точнее, Франция, хотя в поле его зрения попадали и немаловажные сведения по другим регионам – в том числе, и по Советскому Союзу. Но основным направлением оставалась всё-таки Франция: в Берлине учли, что Цорн свободно владеет французским, учился в Женеве и даже диссертацию защищал на французском.

В силу близости к источникам оригинальной информации Браилов передал в Москву сведения первостепенной важности. Например, о том, что Франция не намерена заключать с Советским Союзом оборонного пакта, и поэтому на переговоры в Москву направит делегацию из второстепенных чиновников, не имеющих полномочий для подписания договора. В том числе, и благодаря его информации, Советский Союз пошёл на заключение с Германией Пакта о ненападении, позволившего выиграть целых два года для подготовки к войне.

Именно Браилов во время советско-финской войны сообщил о том, что Францией и Англией принято решение высадить в районе Мурманска два экспедиционных корпуса – французский и английский – по сто тысяч солдат в каждом. Эта информация, в числе прочей, разумеется, заставила Сталина быстрее заканчивать с финнами.

Именно Браилов сообщил в Центр о том, что Франция и Англия не придут на помощь Польше и ограничатся лишь формальным объявлением войны. От него же Центр узнал о том,

что немцы, вопреки ожиданиям французов, решили обойти линию Мажино, оккупировав Голландию и Люксембург, и ударить по французским войскам с тыла и во фланг.

Хотя Браилов не состоял в русском отделе, информация о таком грандиозном событии, как поход на Восток, не могла утаиться в его стенах. Точной датой нападения Браилов не предполагал, но в сообщении указал главное: Гитлер решил напасть на Советский Союз летом сорок первого, не дожидаясь окончания кампании на Западе, то есть, ещё до планируемого разгрома Англии. А ведь именно нерешённость «английской проблемы» вызывала у советского руководства, в том числе, и Сталина, сомнения в достоверности передаваемой информации относительно намерений Гитлера.

После Дюнкерка, оккупации одной части Франции и создания марионеточного государства на другой, Цорна перевели в отдел, занимающийся Англией. С Францией – во Франции – всё было ясно, а Британия оставалась единственной воюющей против Германии силой. К тому же, туда эвакуировались все видные деятели Французского сопротивления, и в их числе генерал де Голль. Поэтому руководство СД решило сконцентрировать всё своё внимание на Острове.

Несмотря на то, что Цорн состоял в подотделе стратегического планирования Шестого отдела РСХА, ему приходилось неоднократно выезжать в «служебные командировки» во Францию, Бельгию, Голландию, Швейцарию, Люксембург. А после перевода на английское направление ему пришлось срочно «подналечь» на язык: руководство прозрачно намекнуло на то, что одним континентом география его командировок теперь не ограничится.

Деятельность разведслужб СД проходила в условиях жесточайшей конкуренции, а если совсем честно, почти не скрываемой вражды с родственными ей службами заграничной разведки Абвера и разведки МИДа. В результате Браилову-Цорну приходилось быть бдительным вдвойне, а то и втройне, чтобы избежать попадания «под колпак соратников-конкурентов».

И пока «над ним не капало». Напротив: он входил во всё больший авторитет. Узнав о том, что штурмбанфюрер – это звание Цорн получил в сороковом, после капитуляции Франции – в своё время на профессиональном уровне изучал яды и противоядия, тогдашний руководитель СД Рейнхард Гейдрих попросил его оказать содействие «в специальной подготовке» людей из подразделения, которым командовал тогда ещё гауптштурмфюрер Отто Скорцени.

Так Браилов познакомился с будущей «звездой» немецкого диверсионного дела, многие подвиги которого, в частности, освобождение в августе сорок третьего Муссолини, оказались либо «позаимствованными» у других людей, либо откровенно дутыми. Но о некоторых реальных планах любимчика Гитлера и протеже Гимmlера Браилову удалось вовремя предупредить Москву.

Правда, его «помощь» Скорцени носила эпизодический, фрагментарный, по большей части, консультационный характер, и вскоре Цорн вернулся к своим прямым обязанностям.

Московское начальство, равно как и берлинское, высоко оценивали профессионализм «своего» человека. Довольные результатами его «трудовой деятельности», руководители в Москве даже закрывали глаза на то, что далеко не всегда советскому разведчику удавалось вовремя предупредить, тем более – спасти, кадровых сотрудников и агентов британских разведслужб, выявленных, в том числе, и благодаря его работе.

Московское начальство рассудило правильно – вслед рассуждениям Цорна: нужно думать и о том, как ты выглядишь в глазах начальства. Немецкого, разумеется. Да и союзники, по большому счёту, не стоили таких жертв: сами-то они не спешили делиться секретной информацией. И «второй» фронт» не открывали. А «замещающая» его «тушёнка» была вовсе не благотворительной, и оплачивалась сполна, да ещё, как: золотом. Словом: квиты. А, если не квиты, то должок за ними, а не за нами!

Да и эсэсовское начальство Браилова Москва не собиралась недооценивать. Более того, понимала и его, и Браилова, и необходимость работы на СД. Ведь берлинское начальство агента

было суровым, требовательным и спрашивало со своих людей работу. Практические результаты. Это только в глупом кино и «овцы» – «товарищи по оружию» – «целы», и «волки» – начальство – «сыты». В реальной жизни так не бывает.

Поэтому иногда приходилось оставлять «соратника» «на съедение». Но «съедался» «мистер соратник» не зря: и ценная информация уходила в Москву, как полученная от англичанина, так и полученная от немцев, и руководство СД не обходило милостью успешного сотрудника. В результате уже в сорок третьем Цорн стал оберштурмбанфюрером, что соответствовало оберст-лейтенанту (подполковнику) вермахта. Грудь его украшали целых три креста – один даже Рыцарский, с дубовыми листьями, что в наградной практике фашистской Германии практиковалось крайне редко и неохотно: награда – всё же больше военная, фронтовая.

Смена руководства в Главном управлении, куда на место Гейдриха, «убывшего» после непредвиденного знакомства с террористами, пришёл Кальтенбруннер, не только не повредила служебному положению Цорна, но даже упрочило его. Кальтенбруннер в своё время окончил юридический факультет университета, даже успел поработать адвокатом, и очень гордился «такой родословной». И это было кстати. Для Браилова-Цорна. В общей массе малограмотных, пробивавшихся из самых низов эсэсовцев, человека с двумя высшими образованиями, участника многих «деликатных операций без членовредительства» не заметить было невозможно. Даже слепому. А Кальтенбруннер был ещё, как «зряч!» И он недаром получил своё повышение по службе!

Вскоре после того, как новый шеф РСХА стал обживать свой кабинет, Браилов-Цорн неожиданно получил вызов наверх. Человек неглупый и не без способностей, Кальтенбруннер сразу понял, что работать ему придётся, как во вражескому тылу. Гиммлер, немало претерпевший от своевольного и неподконтрольного Гейдриха, сразу же решил показать новичку, «ху» ist «ху». И не только здесь, на Принцальбрехтштрассе, но и в СС, и в целом в рейхе. Любимчик рейхсфюрера СС бригаденфюрер Шелленберг – начальник Шестого Отдела РСХА и прямой начальник Цорна – тоже «улыбался клыками». Он не только не пытался скрывать ангажированности, но даже бравировал ею. А тут и начальник Четвёртого отдела – тайной полиции – группенфюрер Мюллер начал «демонстрировать характер». Скучная жизнь явно не грозила новому шефу РСХА.

Положение Кальтенбруннера несколько облегчало то обстоятельство, что на него «уронил глаз» теперь уже всемогущий Мартин Борман – заместитель фюрера по партии, начальник канцелярии НСДАП и министр без портфеля. Внимание рейхсляйтера оставляло ново-явленному шефу СД некоторую свободу манёвра. Правда, лишь в узком пространстве между интересами обоих могущественных вождей рейха: рейхсляйтером и рейхсфюрером СС. Но это не было маневрированием между Сциллой и Харибдой: только одна из них «заказывала» обергруппенфюрера «к обеду» целиком. Вторая была умнее и умереннее, предпочитая уесть жертву частями и небожно. Поэтому Кальтенбруннер начал однозначно тяготеть ко второй.

Едва усевшись в кресло, обергруппенфюрер сразу же почувствовал острую нехватку лично преданных ему людей. Ну, или хотя бы тех, кому он мог доверять: «высота» и «специфика кресла» вынуждали к тому. Потому что падать оттуда можно было только в никуда. И нуждался он не в «ветеранах движения», а в людях умных, образованных и с положением. Поэтому, хоть и «не от хорошей жизни», но он очень скоро обратил внимание на сотрудника Шестого отдела Вальтера Цорна. Ну, вот, некуда ему было деваться. И, честно говоря, Цорн рассчитывал на это. Засиделся он в столоначальниках, да и «жила» оказалась «неглубокой»: кончалась. Требовался свежий источник: Москва заждалась оригинальной информации.

Однако сам он высовываться и не думал: чревато. И отнюдь не непониманием: усеко-влением головы. Поэтому, идя «на первое свидание» с новым шефом, Цорн-Браилов терялся в догадках: потеря или приобретение? Вознесут или уронят? «Доработался» или заслужил? Вариантов для будущего было много, а он для них один. Отсюда и такое напряжённое бие-

ние мысли, и такая неопределённость в мозгах. Вроде, нигде не наследил, а ощущение такое, словно идут по следу.

Бдительность – дело нужное, а в работе разведчика первостепенное. Но сейчас Браилов перебдел. Хотя... (это – насчёт перебдеть и недобдеть). Что же до Кальтенбруннера... Он тоже «соответствовал». Да, по своему характеру обергруппенфюрер был больше склонен к действиям решительным, чем к излишней осторожности: вся его биография свидетельствовала в пользу этого утверждения. Но непродолжительное пребывание в должности шефа РСХА заставило его быть осмотрительнее в поступках и высказываниях, не говоря уже о доверии к незнакомым лицам.

Поэтому, вопреки характеру и горячему желанию, он не сразу вышел на откровенный разговор с разведчиком из конторы Шелленберга, даже с учётом того обстоятельства, что ради этого разговора он и вызвал Цорна к себе. Обергруппенфюрер не мог не принимать во внимание того факта, что Шелленберг, будучи формально подчинённым Кальтенбруннера, явно тяготел к рейсфюреру и пользовался открытой поддержкой того. У шефа РСХА не было уверенности в том, что начальник Шестого отдела так просто согласится расстаться с Цорном. Да и он не знал пока того, насколько сильно Цорн был лично ориентирован на те или иные персоны в руководстве СС.

Это – совсем не маловажное обстоятельство, не учитывать которое могли себе позволить только дилетанты, а к их числу Кальтенбруннер не принадлежал. Правда, к их числу не принадлежали и все его коллеги по руководящим креслам, что сильно усложняло его работу.

Поэтому обергруппенфюрер не удовлетворился изучением досье Цорна и сведениями о нём от третьих лиц, и в течение сорока минут общался с кандидатом, тщательно «прощупывая» каждую складку его нутра, не говоря уже об «ингредиентах». И, только убедившись в том, что Цорн является надёжным – в представлении Кальтенбруннера – человеком, шеф РСХА сделал ему предложение стать офицером для особых поручений при своей особе.

Браилов-Цорн мог облегчённо перевести дух. Ведь после того, как мысли насчёт «колпака» «приказали долго жить», он переключился на другие: решил, что обергруппенфюрер намерен предложить ему стать «кротом» в «родной» конторе. А, что: дело – обычное в практике разведслужб. Правда, малопочтенное. Предложение же главы РСХА было не только вполне пристойным, но и являлось повышением по службе.

Имелся и ещё один момент для оптимизма: ещё до разговора с Кальтенбруннером Цорн почувствовал интерес Бормана не только к персоне обергруппенфюрера, но и к делам РСХА. А всеильный рейхсляйтер обладал информацией, не сравнимой с той, какую мог заполучить Браилов, продолжи он работу у Шелленберга. У Бормана были свои источники, которые можно было без всяких оговорок назвать разведкой партии.

С учётом того, что Кальтенбруннер однозначно принимал сторону всеильной «тени фюрера», это, как и противостояние Бормана и Гимmlера, сулило Браилову-Цорну немалые возможности. За такой «куш» можно было стерпеть и неудовольствие Шелленберга, и косые взгляды сослуживцев, и даже возможные провокации с их стороны в будущем.

Цорн согласился и не прогадал. Вражда и противоборство Бормана и Гимmlера вывела его на новый, стратегический уровень информации. Этому не помешало даже то обстоятельство, что уже с сорок четвёртого года влияние Кальтенбруннера стало падать. Особенно заметно это было на фоне усиливающихся «центробежных» тенденций в поведении Шелленберга и Мюллера, которые открыто демонстрировали всё большую независимость и едва ли не оппозиционность. Правда, к Мюллеру этот «упрёк» можно было применить в значительно меньшей степени. Ловкий пройдоха каким-то звериным чутьём понял, что в этой игре со временем ставку надо будет делать на партию, то есть, на Бормана. Поэтому он регулярно совмещал неистребимую склонность к аппаратным играм с «реверансами» в сторону Кальтенбруннера – к огромному неудовольствию рейхсфюрера. Оба, разумеется, давно и прочно вошли

в список «заклятых друзей» рейхсфюрера СС. В отличие от «кружка друзей рейхсфюрера», он, хоть и был неофициальным, но по значимости стоял для Гимmlера на первом месте. И списку рейхсфюрер уделял внимания больше, чем «кружку».

Цорну приходилось теперь учитывать и это обстоятельство. Ведь отныне он выполнял как поручения Кальтенбруннера, так и личные задания рейхслайтера. Это не только открывало доступ к новой, ранее недоступной информации, связанной с деятельностью вождей «третьего рейха», но и, как щитом, прикрывало Цорна от «дружеских поползновений» Гимmlера и Шелленберга. Оба этих деятеля вскоре уже знали о том, что Цорн отныне вхож к секретарю фюрера, а, значит, стал им «не по зубам». То есть, для «употребления» его «в пищу и последующего усвоения» требовалась уже серьёзная «кулинарная обработка».

Москва изумлялась характеру информации от Браилова: «Он, что: сидит за одним столом с фюрером?!» Но, к сожалению, этим изумлением благодарность руководства в адрес Браилова и ограничилась. Как это ни удивительно, но служебный рост Браилова по «основному месту службы» существенно отставал от служебного роста Цорна в РСХА. Лишь в начале сорок пятого года капитану Браиллову – уже целых полтора года оберштурмбанфюреру СС – присвоили очередное звание «майор». Просто «майор». Без добавления слов «государственной безопасности»: для сотрудников НКВД были введены общевоинские звания.

И наград Браилов имел куда меньше, чем Цорн. На пять наград рейха к концу войны у него приходилось всего три награды от НКВД: два ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды. Правда, в мае сорок пятого, уже после подписания Германией акта о безоговорочной капитуляции, майор Браилов был удостоен ордена Отечественной войны 1 степени.

Казалось, такого ценного сотрудника по возвращении на Родину ожидал стремительный рост карьеры, вплоть до «кабинета повышенной этажности» на Лубянке. Однако всё произошло с точностью «до наоборот». Совершенно неожиданно для себя Семён Ильич был отстранён от оперативной работы. Как оказалось, не без помощи «товарищей по службе». Предлог был из числа тех, о каких Браилов и подумать не мог. Его обвинили в том, что при поступлении на службу в ИНО ОГПУ он скрыл тот факт, что является близким родственником... болгарского царя Бориса Третьего, являвшегося приспешником немецкого фашизма! Никакие объяснения Браилова во внимание, естественно, не принимались: не для того обвиняли, чтобы выслушивать объяснения, не говоря уже о том, чтобы принимать их во внимание. Ну, или, хотя бы, учитывать «при вынесении приговора».

Поэтому и пропал втуне довод Браилова о том, что родители его вместе с тринадцатилетним сыном бежали из Болгарии сразу же после фашистского переворота тысяча девятьсот двадцать третьего года. Бежали потому, что отец Браилова – Илья Константинович, открыто придерживался левых взглядов, и был одним из виднейших социалистов Болгарии. Невостребованным оказался о довод о том, что Илья Константинович являлся лишь двоюродным братом болгарского царя, последний раз видевшим того в далёком детстве. Сын же его, двоюродный племянник царя – «седьмая вода на киселе» – никогда и не встречался с венценосным родственником!

Да что «размениваться на мелочи»: «в обвинительном заключении» затерялся даже тот факт, что Илья Константинович Браилов, комдив Красной Армии, в качестве военного советника воевал в Испании, где и погиб поздней осенью тридцать шестого, будучи посмертно награждён орденом Ленина!

В результате Семён Ильич должен был ещё благодарить судьбу за то, что она – руками подручных с Лубянки – обошлась с ним вполне корректно. В сравнении с другими «подшефными», конечно. Его не лишили ни звания, ни орденов, не уволили со службы, не исключили из партии, не отправили «на перековку» на Колыму, не «оптимизировали», а «всего лишь» командировали в Четвёртое управление НКГБ. Точнее, в токсикологическую лабораторию, возглавляемую полковником медицинской службы Майрановским. Ту самую, впоследствии

«широко известную в узких кругах» под номером «12». Там и состоялось знакомство Браилова с главным специалистом нашей разведки по части ядов и противоядий.

«Командирование» было, конечно, не случайным. Начальники Браилова учли тот факт, что Семён Ильич основательно знаком с вопросом, и успел поработать не только с китайцем Лю, от которого узнал немало «токсикологических» секретов, но и со специалистами Отто Скорцени, работавшими в том же направлении.

Григорий Моисеевич Майрановский был человеком, несомненно, способным и даже талантливым. Именно благодаря ему руководство НКВД-НКГБ заинтересовалось – для широкого применения – таким новым для себя оружием, как яды. Григорий Моисеевич не был ни самозванцем, ни «чьим-то племянником». Он был настоящим специалистом по части синтеза отравляющих веществ. Докторскую диссертацию – и ту он защищал по теме «Взаимодействие иприта с тканями кожи». И в звании профессора был утверждён по специальности «патолофизиология».

Разумеется, Майрановский был доволен тем обстоятельством, что к нему впервые направили не обычного «честного коммуниста», а профессионала с дипломом и опытом работы «по специальности». От него даже не скрыли тот факт, что новый сотрудник учился в Германии и Швейцарии, и одно время работал вместе с известным специалистом по диверсиям и террору Отто Скорцени.

Работать с Григорием Моисеевичем было интересно и полезно. Именно здесь Семён Ильич узнал, что по результатам опытов Майрановского с курарином «наверху» было принято решение широко использовать этот яд «в оперативной работе». О том, что исследования Майрановского носят исключительно прикладной характер, Браилов догадался уже по одному тому факту, что в лаборатории нередко появлялся генерал Судоплатов. Выяснить, что Судоплатов являлся одним из руководителей спецотдела по организации и проведению диверсий и террора, Браилову не составило труда.

Правда, работа в токсикологической лаборатории оказалась весьма непродолжительной по времени. Через несколько месяцев, уже в сорок шестом году, полковник Майрановский был отстранён от заведования лабораторией, и переведён в отдел оперативной техники МГБ на должность старшего инженера. Непонятное отстранение – и ещё более непонятный перевод. Только непонятным и то, и другое было лишь для дилетанта. Браилов-же сразу почувствовал, что это не перевод, а начало опалы, которая обязательно закончится традиционно: арестом и приговором Особого совещания. Вопрос был лишь в продолжительности опалы.

(А ргoros: Григорию Моисеевичу ещё «повезло». Он был арестован только тринадцатого декабря пятьдесят первого года, а осуждён так вообще лишь четырнадцатого февраля пятьдесят третьего. Да и осуждён «всего» к десяти годам лишения свободы: неслыханная «гуманность» по тем «суровым революционным», пусть и давно уже не революционным или же «вечнореволюционным», временам. Правда, дополнительно к этому девятнадцатого декабря того же пятьдесят третьего года предполагалось лишить его учёной степени доктора медицинских наук. Но всё это были мелочи по сравнению с сохранённой ему жизнью. Местом отбывания Майрановскому определили Владимирскую тюрьму. На свободу он должен был выйти в тысяча девятьсот шестьдесят первом году. Конечно, при наличии к тому надлежащих физических кондиций и «доброе» начальства. А то, вон, некогда всесильный Мехлис умер в больничке Лефортовской тюрьмы. И уже неважно, что похоронен он был с почётом и даже на Красной площади.).

Начавшаяся опала Майрановского коснулась и Семёна Ильича. Правда, на этот раз, в отличие от мнимого «близкого родства с царём», никаких обвинений ему не предъявлялось. Просто через несколько дней после удаления Григория Моисеевича из лаборатории, Браилова тихо и без шума перевели в Лечсанупр. Формальные основания для этого у руководства имелись: Лечсанупр входил в структуру МГБ, кадров не хватало, а своими дипломами и степенью

Семён Ильич дал «бдящим и надзирающим» достаточный повод для принятия соответствующего решения.

И потекли нудные медицинские будни. Конечно, без благодарностей Семён Ильич не остался и здесь. Правда, форма благодарности была не совсем той, на которую он всё ещё рассчитывал: исключительно материальной. И не только в денежных знаках, но и в натуре. В том числе, и «совсем в натуре». К сожалению, поблагодарило его не начальство, а всего лишь исцелённые им пациенты. Но, видимо, они были недостаточно «высокосидящими» для того, чтобы выволить его из «лечсанупрского» «заточения».

Помог, как всегда, случай – в лице тандема из начальника Главного Управления охраны генерал-лейтенанта Власика и его хронического остеохондроза. Поучаствовало в судьбе Браилова и неудовольствие Хозяина засильем «лиц кавказской национальности» в своём окружении. Так Семён Ильич – вечный, как казалось теперь, майор МГБ – попал в охрану вождя...

Глава третья

... – Хрусталёв, проводи!

Из окна соседней с залом комнаты Браилов наблюдал за тем, как полковник МГБ Хрусталёв чуть ли в три погибели гнулся перед Лаврентием Палычем. Браилов знал о долгом знакомстве этих лиц: ещё во время Потсдамской конференции летом сорок пятого Хрусталёв «трудился» под началом Берии. Многие связывало этих людей, и не ниточками, а канатами, поэтому Лаврентий Палыч и осмеливался доверить своё бесценное тело чужим рукам. Хотя бы как опоре или дополнительной ступеньке «Мерседеса».

Полковник сначала помог влезть в роскошный чёрный «Мерседес» Маленкову, Хрущёву и Булганину, а затем бережно, как драгоценную амфору, поддерживая под ручку Лаврентия Палыча, пособил и тому разместить внушительные тела на заднем сидении автомобиля. Когда Хрусталёв поравнялся глазами с дверной ручкой, Браилов заметил, как Берия выразительно посмотрел на него и коротко, но, как показалось Семёну Ильичу, многозначительно, кивнул головой.

Хрусталёв взяв под козырёк и держал до тех пор, пока машина с «кремледворцами» не скрылась из виду за КПП Ближней дачи. Затем он медленно повернулся – вместе с выражением озабоченности и даже страха на лице. Выражение не ограничилось мельканием на лице: оно словно прилипло к нему. Даже не пытаясь демонтировать его, полковник глубоко вздохнул, и направился в дом.

Марфа уже убрала остатки бывшего «пиршества», благо, что и убирать особенно было нечего. Разве, что графины с недопитым соком: фрукты всегда находились в вазе на столе – так пожелал Хозяин.

Сам вождь уже готовился отходить ко сну: на часах было четверть пятого утра. По давно заведённому порядку, то есть, без дополнительных инструкций, Хрусталёв доставил Хозяину пижаму, свежий номер «Правды» и закупоренную бутылку «Боржоми».

Пока Хозяин переодевался ко сну – он всегда это делал сам, обходясь без прислуги – Хрусталёв аккуратно развешивал в плательном шкафу сталинские китель и брюки – того самого фасона, который Сталин предпочитал надевать до присвоения ему звания маршала.

Дверь в зал оказалась неплотно запертой, и в образовавшуюся щель Браилов из коридора мог видеть всё, что происходило в зале. А там происходило всё то, что и происходило на протяжении уже нескольких последних лет: даже не взглянув на Хрусталёва, Сталин взял в руки газету и лёг на диван. Игнорированный полковник, работая «на пуантах», дематериализовался спиной к двери.

Войдя в комнату для охраны, Хрусталёв традиционно перевёл дух – и только во вторую очередь проверил наличие «личного состава».

– А где майор Браилов?

– Инструктирует наружную охрану, – доложил подполковник Лозгачёв. Параллельно с текстом он игнорировал неудовольствие Хрусталёва: помощник коменданта кунцевской дачи откровенно недолюбливал этого, по его словам, «холуя», и не считал нужным таить «чувства». – Виноват: майор Браилов!

В этот момент Браилов действительно вошёл в комнату. Даже «прикрывая» друга, Лозгачёв не «прикрывал» его: Семён Ильич и в самом деле отдавал последние распоряжения службе наружного наблюдения.

– Ждём Вас, майор.

Максимум, что мог позволить себе Хрусталёв, так это не удержаться от выражения неудовольствия. На правах начальника. Даже с желтью в отношении майора он старался не перебирать. Обращаться же к Браилову на «ты» необразованный Хрусталёв, несмотря на полковничьи

погоны и покровительство Берии, не отважился ни разу. А всё потому, что однажды Лаврентий Палыч намекнул ему на то, где и кем работал Браилов, и чьим близким родственником он является. Всего лишь намекнул, но с таким чувством, что у Хрусталёва: а) отвисла челюсть; б) пропало желание блистать на фоне «всего лишь майора». С тех пор у простолюдина Хрусталёва язык не поворачивался сказать «близкому родственнику царя» и «важному гестаповцу» «ты».

Браилов молча встал рядом с Лозгачёвым. Хрусталёв, доселе нервно кусающий дрожащие губы, вдруг просиял улыбкой. Точнее, неуклюже попытался сделать это: изуродовал ухмылкой правую щеку.

– Можете радоваться: Хозяин сказал, что сегодня ночью никого проверять не будет, ляжет спать и просит его до полудня не беспокоить! Так что, можете отдыхать!

Указательный палец Хрусталёва многозначительно сотрясся в воздухе.

– И чтобы никто не осмелился побеспокоить товарища Сталина раньше этого времени!

Новость была из разряда невероятных: никогда ещё Сталин не отдавал подобных распоряжений. Тем более что ни разу ещё Хозяин не изменил своему правилу каждую ночь – или под утро – проверять бдительность охраны. Никого спящим «на часах» ему, правда, за всё это время «застукать» не удалось, но от своей многолетней привычки Хозяин отказываться и не собирался. И вдруг такая милость!

Странному распоряжению, то ли Хозяина, то ли «за него», удивились не только Браилов с Лозгачёвым. Выразительно приподняв бровь, подполковник Туков молча переглянулся с майором Рыбиным и Марфой Бутусовой. Неожиданная метаморфоза с вождём никого не оставила равнодушным, но вопросов, разумеется, не последовало. Потому что «дураков нет». Хотя подполковник Лозгачёв всё же не удержался от того, чтобы не стрельнуть быстрым недоверчивым взглядом по лицу Хрусталёва, после чего, явно недоумевая, покосился на Браилова.

В таких случаях в романах обычно пишут, что герой едва удержал в горле крик изумления. В жизни, как и положено, в наличии не имелось ни крика, ни потребности в его удержании. И то: двадцать один год в органах госбезопасности – не один день. Чему-то они научили бы и агента-неандертальца, буде таковой состоял бы на довольствии в НКВД-МГБ.

Поэтому Семён Ильич даже бровью не повёл, когда Хрусталёв «выдрожал» из глотки очевидную ложь. Очевидную дважды: во-первых, Хозяин никогда не давал подобных распоряжений, да по своему характеру и не мог дать их. Во-вторых, отходя сегодня ко сну, Хозяин вообще не разговаривал с Хрусталёвым, и в этом Браилов мог поклясться хоть на Библии, хоть на Коране, хоть на «Капитале»!

Зачем Хрусталёву понадобилось сочинять это? Вот об этом действительно следовало подумать. Но думать, то есть, осуществлять мыслительный процесс, из всей охраны могли только двое: Семён Браилов и Пётр Лозгачёв. Рыбин и Туков были неплохими, в общем, ребятами, дело своё знали, не подличали, но способностями к абстрактному мышлению Господь их явно обнёс. Возможно, и не по злему умыслу: на всех не наберёшься. Бутусовой же такие способности и вовсе не были нужны в силу специфических особенностей её службы.

Как бы там ни было, но начальник распорядился, а и дело подчинённого выполнять приказ. Все тут же занялись постельными принадлежностями. Браилов первым расположился на кушетке, смежил веки и ровным дыханием показал Хрусталёву именно то, что тот и ожидал увидеть и услышать: здоровый сон безмозглого подчинённого. Такому разведчику, как Семён Ильич, обмануть, пусть и профессионального, но всего лишь «цербера», не составило труда. Убедившись в том, что приказ выполнен в точности и беспрекословно – в части отхода ко сну – Хрусталёв молча закрыл за собой дверь. Как старший по званию и должности, он имел отдельную комнату: «заслужил, однако».

Когда из комнаты Хрусталёва донёсся характерный топот полковничьих сапог, Семён Ильич иронически покосился на дверь. Полковник, как он считал, предусмотрительно неплотно прикрыл её, оставив зазор между ней и дверным косяком сантиметра в три шири-

ной. Наверно, таким способом он хотел дополнительно убедиться в том, что его подчинённые не нарушают приказа. Но через пятнадцать минут Хрусталёв уже сам храпел так, что впору было обкладывать дверь и стены подушками в качестве звукоизоляционного материала.

Выждав для верности ещё пять минут, и убедившись в том, что Морфею отдался не только Хрусталёв, но и все сотрудники охраны, Браилов осторожно поднялся с кушетки и выглянул в коридор. В коридоре было тихо и пусто: не велено же. Неслышно – Лозгачёв за этот шаг прозвал его «Барсом» – Семён Ильич ступил на ковровую дорожку. Здесь, на даче, ковровые изделия были всюду. Но ковёр – настоящий, огромный, пушистый – был только в зале, где Хозяин принимал гостей и где он сейчас спал.

Вот и дверь комнаты Хрусталёва. Браилов приоткрыл её так, что не скрипнула ни одна железка: осторожный и недоверчивый Хрусталёв нарочно не разрешал смазывать петли дверей, к чему сотрудники охраны относились с пониманием. Полковник лежал на раскладушке – сам отказался от кушетки – и громко храпел. Не притворно, а, напротив, со смаком, то бишь, с горловым рокотом и носовым присвистом.

Но не это удивило Браилова: полковник был, хоть и в галифе, но в одной нательной рубашке. Китель его был аккуратно повешен на спинку венского стула, сильно побитого временем, задницами гостей и неумеренным энтузиазмом прислуги. И хоть он был в галифе, но сапоги его стояли у ножки стула, а на ободке того были аккуратно развешены серые – в прошлом белые – байковые портянки.

Это было неслыханным нарушением инструкции. Сотрудникам охраны, также как и солдатам караула отдыхающей смены, категорически запрещалось во время отдыха и сна снимать верхнюю одежду и обувь. Даже ремень – и тот не разрешалось снимать: дозволялось лишь немного, на пару дырочек, ослабить его.

И уже не удивила, а сильно удивила Браилова стоявшая на прикроватной тумбочке початая бутылка грузинского коньяка «Самтрест». Это было уже не безобразие – это было ЧП! В иной редакции – подвиг. Или шаг безумного. Но прежде Хрусталёв в совершении подвигов – любых, в том числе, и такого рода – замечен не был. Вся его жизнь «проходила на передовой». Он отказывался «разделить компанию» даже тогда, когда ему предлагали сделать это члены Политбюро! Потому что служба! Исключение он делал лишь для товарища Сталина и товарища Берии. Но так как это только он делал исключение для Хозяина, а тот не делал исключения для него, то «принять» ему довелось лишь однажды.

Из рук Лаврентия Палыча, в знак внезапно вспыхнувшего особого расположения могущественной «тени Хозяина». Хотя и тот «приём» он сделал, мысленно попрощавшись с отсутствующей роднёй: особое расположение Лаврентия Палыча всегда носило краткосрочный характер. Чаще всего, оно заканчивалось одним и тем же: знакомством с интерьерами «нулевых этажей» Лубянки. Реже венками «от скорбящих товарищей».

То есть, для того, чтобы всегда аккуратный и исполнительный, а ещё больше трусливый Хрусталёв отважился на подобную акцию, должны были иметься веские основания. Очень веские!

Поскольку задумываться на пороге разведчику категорически не рекомендовалось, Браилов неслышно прикрыл дверь, и лишь тогда задумался. Итак, Хрусталёв «распоясался». Во всех смыслах. Ладно, если бы Хозяин действительно распорядился насчёт отдыха. Но и тогда Хрусталёв «не посягнул бы на подвиг»! Ведь он и в «мирное время» – в неурочные часы, то есть – лишь с зелёной тоской поглядывал на тех, кто без задней мысли, и даже в её присутствии, мог слегка «позволить себе»! И, потом: как исправный служака, постоянно держащий в поле зрения личную перспективу – топора и плахи – Хрусталёв считал, что у людей из «конторы», приближённых к «телу», по определению не может быть «неурочного времени». То есть, «служба дни и ночи». По типу непрерывного производства. Как в металлургии. Но там «козла» делают из металла, а здесь могут сделать из человека. «Козла отпущения».

Вторая группа возражений Браилова была не менее убедительной: Хозяин не отдавал распоряжения насчёт «Вольно! Разойдись!» Не отдавал!!! И, тем не менее, Хрусталёв «позволил себе»! С чего бы вдруг такое «мужество и героизм»? Объяснение могло быть только одно: стопроцентная уверенность Хрусталёва в том, что Хозяин не станет «набиваться в третьи» – к полковнику и его бутылке. То есть, что он не проснётся. А такую уверенность Хрусталёву могло дать лишь то, что Хрусталёв мог дать Хозяину!

Браилова не «стукнуло», но результата «осенения» был аналогичным: на мгновение он качественно отработал монументом. Ему сейчас вспомнился странный взгляд Берии, которым тот одарил, а точнее, нагрузил услужливо переломившегося в поясе Хрусталёва. Тогда он показался ему всего лишь странным. Теперь он расценивал его иначе. Не только, как барский – на холуя, но ещё и как директивный. По сути, приказ. А как отреагировал полковник на «директиву»? Он ведь даже не смог законспирироваться: так и вошёл в дом с «неснятым выражением»! И лишь «в дороге» он частично восстановил начальственные кондиции!

Пока лишь нащупав отгадку, не будучи ещё уверенным в правильности выводов, Браилов направился к комнате, где отдыхал Хозяин. Дверь была плотно закрыта, но открыть её без шума опытному профессионалу не составило труда. Подобное любопытство не поощрялось. Более того: было чревато последствиями. Но только не сейчас. И в этом Браилов не сомневался, хотя и сам не знал, почему. Предчувствие? Возможно. Но, если и предчувствие, то лишь спонсированное анализом фактов. «Фундаментальное предчувствие».

Он не сразу просунул голову в образовавшуюся щель. Осторожно скользнул взглядом по всему видимому сектору. Ему не потребовалось много времени для того, чтобы уже в следующее мгновение склониться над лежавшим на полу Хозяином. Взрыхлять себе волосы под истерический вопрос «Что случилось?» – это обязанность героя романа. Поэтому Семён Ильич не стал ни «взрыхлять», ни впадать – ни в истерику, ни в ступор. Вместо этого он быстро и трезво оценил положение.

Хозяин был без сознания. И хотя глаза его были открыты, взгляд их не содержал и намёка на смысл. Нет, он не был безумным. Он даже не выражал ужаса. Потому что вообще ничего не выражал. Он был остановившимся, остекленевшим, не успевшим даже наполниться болью или хотя бы удивлением.

Но Браилов и не нуждался в «анамнезе со слов больного». Ему хватило и своего взгляда для того, чтобы понять, что именно случилось с Хозяином. Ещё профессор Вернер отмечал у своего ассистента Вальтера Цорна большие способности к диагностированию. «Вы – прирождённый клиницист, Вальтер!» – хвалил молодого ассистента обычно скупой на похвалы светоч германской военной медицины.

Вот и сейчас, отсканировав взглядом Сталина, Браилов уже не сомневался в диагнозе: он пару раз наблюдал подобную картину в лаборатории Майрановского. Однажды Григорий Моисеевич предложил ему... нет, не поучаствовать: всего лишь понаблюдать за течением одного опыта.

– Вам, коллега, это может пригодиться в жизни! – отработал Мефистофелем профессор. Как накаркал... а, может, прорёк.

Семён Ильич не стал отказываться, да и не мог: полковник являлся его прямым начальником. Через вмонтированный в стену глазок он наблюдал за тем, как Майрановский лично подсыпал в стакан с водой ничтожную толику кристаллического вещества белого цвета. После этого в комнату ввели какого-то субъекта антропоидной наружности, и Майрановский предложил ему «освежиться» стаканом воды. Спустя десять секунд началась реакция – и внутренняя, и внешняя. То есть, и антропоида – на стакан, и стакана – на антропоида. Примерно через две минуты «питекантроп» стал «достоянием прозекторской»: «освежившегося» можно было уже «освеживать».

Браилов на пару с Майрановским «орудовал ножом», и поэтому мог хорошо разглядеть все признаки отравления. Успел: яд квалифицированно мимикрировался под естественную причину. Ещё несколько часов – и ни один, даже самый опытный судебно-медицинский «Джек-Потрошитель» не усомнился бы в диагнозе: «острая сердечная недостаточность». Майрановский в очередной раз выказал себя достойным продолжателем дела семейства Борджиа...

«Но это – не курарин!».

Рассуждал Семён Ильич, уже укладывая Хозяина на диван: времени на холодное философствование не оставалось.

«Тот действует, куда быстрее, и никакие дозировки не замедлят его работы. А здесь явно синтетик с действием, растянутым по времени. Тоже одно из изобретений приснопамятного Григория Моисеевича...»

Взгляд Браилова упал на стол: кроме минералки – ничего лишнего. Бутылка была откупорена, видимо, лично Хозяином: «вскрышные работы» он не доверял никому. Рядом с бутылкой стоял пустой стакан. Это было ещё одним доказательством того, что Хозяин спокойно выпил «Боржоми», поставил стакан на поднос, и опять лёг на диван дочитывать газету. Если бы отработал яд мгновенного действия типа курарина или какого-либо цианида,

Хозяин не успел бы допить минералку, и стакан не стоял бы на столе, а лежал на полу: «классика». Семён Ильич вполне мог полагаться на свой опыт: нацистская Германия не оставляла без работы их с профессором Вернером прозекторскую.

Поэтому он сейчас твёрдо мог заявить – пока самому себе: применён яд замедленного действия. И яд именно такой, какой даёт картину естественного заболевания и смерти от естественных же причин.

В лаборатории Майрановского изучению ядов такого типа воздействия придавали особое значение. Григорий Моисеевич в своё время говорил, что его продукция относится к числу тех судьбоносных факторов, что коренным образом могут изменить течение не только отечественной, но и мировой истории. Течение мировой истории его продукция не изменила, но на судьбу Григория Моисеевича повлияла самым непосредственным образом: очень скоро профессора обвинят в личном «упокоении» ста пятидесяти душ, и не всегда «во имя науки»...

Браилов выглянул в коридор: тишина с пустотой по-прежнему делили его между собой. Поэтому он спокойно проследовал в одну из заброшенных комнат второго этажа, где никто не жил и не бывал.

Из потайного места, оборудованного за стенкой одного из шкафов, он извлёк плотно обёрнутую мешковиной сумку. Это была его личная аптечка. Напутствуя перед заступлением «на трудовую вахту», генерал Власик очень просил его совместить обязанности сторожа с обязанностями лекаря. Точнее: «лекаря впрок», «на всякий случай». Объяснение было на удивление простым и на удивление же честным: Хозяин не любит врачей. И лечиться тоже не любит. А ведь уже восьмой десяток пошёл. Власик даже попытался цитировать Вертинского: «Он стоит, как серебряный тополь... Сколько стоил ему Севастополь! Сколько стоил ему Сталинград!» Вывод: дорого обошлась война Хозяину. Давно уже не «добрый молодец», а врачам предпочитает самолечение. Сам себе ставит диагноз, затем посылает охрану в ближайшую аптеку со списком таблеток – и вся «медицина»!

Власик тогда совсем не по-служебному разговорился на тему «доброжелателей» в окружении Сталина, которые так «клацают челюстями – аж, звон в ушах»! А Хозяин, со слов генерала, с годами совсем перестал разбираться в людях. Даже профессору Виноградову позволяет лишь раз в году появляться на даче. Тот ездил бы и каждый день, да Сталин боялся медиков. В отличие от своих «ближних», хотя те заслуживали недоверия, куда больше...

... – Да, Николай Сидорович, – Браилов уже спешил с саквояжем вниз по лестнице, – похоже, что ты оказался прав. И ты, Григорий Моисеевич – тоже: вот и пригодилось...

В саквояже у Семёна Ильича было всё для того, чтобы оперативно «вытащить» самого безнадёжного пациента: от новейших западных препаратов до заслуженных ветеранов китайской традиционной медицины.

Наполнив шприц подходящим к симптомам противоядием, Браилов аккуратно сделал внутривенную инъекцию. Потом ещё одну. И ещё. Спустя несколько минут в глазах Хозяина что-то забрезжило. Может, даже жизнь. Хотя бы в виде отдельных признаков. Или даже проблесков. Теперь можно было заняться анамнезом: «заслушать товарища».

– После этого стакана?

Браилов решил максимально урезать вопросы – для лучшей усвояемости клиентом. На всякий случай он продублировал вопрос соответствующим взглядом, и наклонился над Хозяином, который неслышно шевелил всё ещё синюшными губами.

– Не напрягайтесь: если «да», то просто закройте глаза!

Веки Сталина дрогнули и медленно прикрыли глазные яблоки.

Семён Ильич извлёк из саквояжа полулитровую склянку, и набрал из неё коричневой жидкости в спринцовку. Приподняв голову Хозяина, он вставил стеклянную трубку в уголок рта, и сдавил пальцами резиновую грушу. Хозяину даже не пришлось глотать: древние китайцы обо всём уже позаботились.

Нет, Хозяина не вывернуло наизнанку. Снадобье имело другое предназначение: нейтрализовать действие токсинов в крови больного, а заодно освободить от них стенки желудка. Делать переливание крови в условиях дачи возможностей не было, потому что не было ни аппарата, ни санкции Хозяина на его использование. Тот во всём он усматривал, если не угрозу, то намёк. Но сейчас этого и не требовалось: древние китайцы умудрялись «вытаскивать из-за грани» при помощи одних только отваров и мазей. Им ведь неведомо было ни переливание крови, ни плазморефрез, которые и потом далеко не всегда отрабатывали за эликсир жизни.

Сейчас Браилов, как раз, и использовал одно из средств, позаимствованных восемнадцать лет тому назад у коллеги Лю. Действие этого средства должно было проявиться минут через двадцать-двадцать пять. Именно столько времени требовалось лекарству для того, чтобы через стенки желудка попасть в кровь. В этом отношении китайские снадобья не слишком отстали от современных препаратов, а те, в свою очередь, не слишком далеко ушли от «древнего Китая».

Около часа Семён Ильич хлопотал над Хозяином, сделав ещё несколько инъекций антидотов Майрановского и препаратов Лю. Не обнёс он заботами и сталинский атеросклероз. Уж с первых дней пребывания на даче Браилов определил весь «букет» недугов Хозяина, доминирующую роль в котором занимали атеросклероз и гипертония, обещавшие их носителю весьма серьёзные последствия.

Делал Семён Ильич свою работу, не суетясь, почти хладнокровно. В отличие от врачей Лечсанупра, ему не нужно было имитировать кипучую деятельность. Над ним не нависали ни «высокие чины», ни «дамкловы мечи». Поэтому ничто не отвлекало его от работы. И ещё он точно знал, что и как ему делать. Да и бумажки ему не нужно было подписывать. Те самые, которые обещали лекарю, «в случае чего», повторение судьбы «врача-палача» Левина.

Труды его должны были «увенчаться» – не таких «доходяг» поднимали – а потому и «увенчались». Лицо Хозяина начало постепенно утрачивать синюшный оттенок, даже губы слегка порозовели. По всем признакам выходило, что Браилову удалось предотвратить развитие болезни в паралич. Нормальная работа сердца и органов дыхания была восстановлена – и очень вовремя.

Теперь можно было вспомнить за усталость и за вспотевший лоб. Но, разумеется, «без отрыва от производства». То есть, под выяснение причин, благо, что Хозяин уже был в состоянии разговаривать, хотя бы и без слов: медикаменты знали своё дело. И Семён Ильич «продолжил допрос» вождя.

– Вы помните, что с Вами случилось?

– ???

Вместо ответа Хозяин сам задал вопрос. И не потому, что это ему было сделать легче, чем отвечать. Он был потрясён содержанием вопроса: значит, с ним что-то случилось!

– Вас пытались отравить, товарищ Сталин. Увы, но это – правда.

Семён Ильич решил: от того, что Хозяин узнает правду, хуже не будет. Не только Хозяину, но и ему. Сейчас правду-матку резать было не только можно, но и нужно. И чем скорее, тем лучше. В голове майора уже начал вырывать план действий, и с каждой минутой он всё отчётливее принимал окончательную форму. И это был план операции, а не то, что называется «мой ум созрел для мести».

– Я знаком с действием подобных ядов, товарищ Сталин. Я работал и с ними, и с противоядием от них. У Майрановского. Этот яд должен был создать достоверную картину кровоизлияния в мозг и последующего финала от естественных причин.

В знак того, что он принял информацию, Хозяин опять молча смежил веки.

– Но ни картины, ни финала не будет, товарищ Сталин. Точнее, не будет Вашего финала. В той «редакции», какую запланировали «доброжелатели». Мне удалось не только купировать развитие заболевания, но и провести детоксикацию организма.

– ??? – запросил подробностей Хозяин – и Семён Ильич не замедлил с ними.

– Ну, то есть, антитела, содержащиеся в препаратах, которые я ввёл в Вашу кровь, смогли уничтожить или, как минимум, обезвредить токсины.

В этот момент следовало покачать головой. Для пользы дела. Нет, не для того, чтобы подчеркнуть значимость «лично содеянного», а как врачу, профессионально анализирующему ситуацию. Да и Хозяина следовало оперативно «довести до готовности» с тем, чтобы он смог «проникнуться серьёзностью момента». Для развития этого момента в требуемом направлении. Поэтому Семён Ильич не стал экономить «на амортизации».

– Честно говоря, нам с Вами, товарищ Сталин, крупно повезло.

– ???

– Появись я на час позже и ничего уже нельзя было бы сделать. Даже с помощью этих чудодейственных препаратов. Потому что «чудодействие» их ограничено по времени. Увы, но такова правда жизни: «живой воды» пока не изобретено...

Кажется, Хозяин «осознал и проникся»: настолько выразительным был взгляд его выпцветших глаз. Поскольку, кроме чувства, в них содержался и вопрос, Браилов не замедлил с удовлетворением. Хотя он и знал, что Хозяин патологически не приемлет описаний всевозможных патологий. Но сейчас патология была не всевозможной, а персонально его. Да ещё постфактум. Оба – и Сталин, и Браилов – делали на это поправку. Поэтому Хозяин сейчас не только «санкционировал», но и «запрашивал». А уже поэтому Браилов и не опасался последствий за «избыточно гастрономические подробности».

– Кровоизлияние поразило бы жизненно важные участки мозга. Начался бы необратимый процесс: паралич конечностей, сердечная и лёгочная недостаточность. Да уже тогда, когда я Вас нашёл, по цвету Ваших кожных покровов и по хрипу из груди можно было констатировать значительное угнетение дыхания.

Он усмехнулся: для пользы дела было не только можно, но и нужно.

– Вот почему Хрусталёв на сон грядущий «откушали» коньячку.

Хозяин, стоически «заслушавший» медицинские пояснения Семёна Ильича, при упоминании фамилии Хрусталёва, да ещё в связи «с коньячком», «обозначил движение». В нормальном состоянии это телодвижение соответствовало бы определению «дёрнулся всем телом».

Браилов квалифицированно «сокрушился» головой.

– Да-да, товарищ Сталин: Вы поняли меня правильно. Это Хрусталёв подsunул Вам бутылку с отравленным пойлом. Но голову даю на отсечение, что сделал он это не по своей инициативе. Хрусталёв – всего лишь рука, которой двигал чужой мозг.

– ???

Хозяин явно запрашивал подробности. Тут их с Браиловым желания совпадали, и Семён Ильич нагрузил вождя не скупясь, «по полной». Особо он акцентировал внимание Хозяина на многозначительном взгляде Берии, которым тот «одарил на прощание» Хрусталёва. По сути, инструктировал «на дорожку».

Для того чтобы довести Хозяина до нужной кондиции, Браилону не потребовалось дополнительной информации. Сейчас воедино сошлись все составляющие: немощь вождя, «инструктаж» Берии, «устное творчество» Хрусталёва и последующее «недомогание» Хозяина целевым назначением «на тот свет». Всё это падало отнюдь не на камни, а на почву недоверия и подозрительности, которую столько лет унавоживали люди, события и факты. Сейчас эта почва была, как никогда, благодатной.

Браилону осталось сделать ещё один, последний шаг на пути к реализации задуманного, и он не стал «замирать ногой над порогом».

– Товарищ Сталин, Вы давали Хрусталёву распоряжение о том, чтобы охрана ложилась спать, и до полудня никто Вас не беспокоил?

Хозяин с широко раскрытыми глазами – не от недоумения, а совсем даже наоборот – медленно поелозил головой по подушке.

Браилов удовлетворённо кивнул головой.

– И я не слышал от Вас ничего подобного. Теперь Вы понимаете, насколько серьёзно наше с Вами положение.

– Заговор... – отработал губами Сталин. Отработал не потому, что посчитал даже выразительный взгляд недостаточным: слово вырвалось само. Ничего удивительного: мыслям уже было тесно в рамках взгляда, даже, несмотря на то, что Хозяин активно участвовал им в разговоре.

Резолюцию вождя Браилов не столько услышал, сколько дешифровал. Но «трудности перевода» не помешали ему не ошибиться.

– Заговор! – решительно подтвердил он вывод Хозяина. – И на этот раз настоящий.

Потрясённый анализом, Сталин даже не обратил внимание на неслыханную дерзость в исполнении охранника: тот де-факто ставил под сомнение достоверность всех прежних дел в отношении лиц, которым «грузили» покушение на особу вождя. Но Семён Ильич и в мыслях не имел намерения заниматься «оппортунизмом», тем более, в такой неподходящий момент. Да и Сталину было не до анализа, когда «такие дела».

– Думаю, товарищ Сталин, что нити заговора связывают не одних лишь Берию и Хрусталёва. Слишком мало их, и слишком мало их власти для того, чтобы отважиться на подобную акцию в таком «узком составе». Конечно, Берия, как наиболее талантливый... негодяй, в этом деле – главный.

В знак согласия Хозяин опять молча смежил веки.

– Но в сговоре с ним – наверняка и другие «товарищи» из «ближнего круга».

На этот раз для полноценной реакции одних век Сталину не хватило, и к демонстрации потрясения вынужденно подключились глаза. Увы, без потрясения уже нельзя было обойтись: ещё один момент истины.

– ??? – именно таким оказался формат потрясения. Вождь уже догадался. И не только догадался, но и сделал вывод. И не потому, что Браилов «неназойливо ткнул пальцем» на тему «не будем говорить, кто, но это был...». Хозяин не нуждался в подсказках даже в немощном состоянии: Сталин – этим всё сказано. Его аналитическому дару не могла помешать и мания-

кальная подозрительность. Напротив: в отдельных – и очень многих – случаях она даже помогла «в работе по выявлению».

– Именно об этом я и говорю.

Браилов приложил руку не только к словам искреннего сочувствия, но и к подрагивающей влажной ладони Хозяина. Ну, чтобы «разделить» и «поддержать».

– Наверняка в деле и дружки Берии, товарищ Сталин.

– ? – одним движением брови запросил вождь список.

– Все, кто сидел за этим столом.

Иллюстрируя текст, словно отсекая вождю пути к отступлению,

Браилов кивнул головой в сторону обеденного стола.

– Все! – специально для Хозяина выдал он «дубль»: для профилактики «нездоровых мыслей». У выздоравливающего и мысли должны быть соответствующими: здоровыми, вызывающими к отмищению и прочей творческой деятельности. В таких делах не должно быть места «отклонениям от линии» на тему «не может быть!».

– В той или иной мере – все, товарищ Сталин! Конечно, роли варьируются. Но в том, что зачинщик – Берия, сомнений и быть не может. Лишь он годится в «главные злодеи». Остальные – и Маленков, и Хрущёв, и особенно Булганин – жидковаты для такого дела. Но и они не «пешки»: соучастники. Соучастники умышления на главу партии и государства. Злоумышленники, то есть.

– Откуда?..

Труды Браилова не пропали втуне: Хозяин уже был способен не только на взгляды, но и на слова. Мысли его и вовсе «пошли косяком». Ничего удивительного: он был не рядовой пациент, а Сталин. И с точки зрения недомогающего обывателя, мысли его были неуместными. Ведь это лишь у того в подобные минуты они – на тему немощи и души. А Сталин – вождь, пусть даже и в «полупорционном» состоянии. А, значит, и мысли у него соответствующие – вождистские.

– Простейший анализ, товарищ Сталин.

Семён Ильич тактично заместил почти «уставным ответом» уже готовую сорваться с губ вольность а-ля Некрасов: «Откуда дровишки?» Забываться не следовало: и немощный, Сталин – это Сталин.

– Вы и сами уже сделали его.

– ?

Хозяин опять затребовал подробностей. Но количество вопросительных знаков в его взгляде наглядно свидетельствовало о том, что вопрос его был явно не формата «Да, что Вы говорите?!» и «Когда это я успел?»

– Эта «троица» всюду вместе. Да и Булганин старается от них не отставать. И если Берия что-то задумал, то это наверняка сделано с ведома и одобрения других, в интересах всей «гоп-компании». И потом, товарищ Сталин: работать в одиночку Лаврентий Палыч не в состоянии. Он – негодяй талантливый, но всего о двух руках: не Шива, однако. Ему нужны «подельники». А поскольку он отважился на... скажем так: «окончательное решение вопроса» – значит, решение принято. И принято всеми. Пусть не на отъём жизни: это Берия мог и утаить. Например, от Булганина. Как по тактическим, так и по гигиеническим соображениям: Николай Александрович вполне может «натворить в штаны». Но на захват власти решение принято всеми, и вне всяких сомнений.

Сталин побледнел. И опять, вопреки «нормативу», не от слабости и не от страха, а потому что окончательно расстался с иллюзиями. То есть, охватил проблему целиком. Разумеется, что ему стало «немного по не себе». Но не от того, от чего стало бы любому другому на его месте. Хозяин не был «любим другим», и ему стало не по себе не от осознания «личных перспектив», а от огорчения за дискредитирующую вождя слепоту: «кого пригрел на груди»?

Для сантиментов уже не было времени, и Браилов решительно вывел Хозяина из состояния «некоторой задумчивости», в других случаях – применительно к другим людям – обычно именуемой «умственным ступором».

– Сейчас у нас появился великолепный, и, может быть, единственный шанс разобраться со всеми негодями разом. И на этот раз доказательно.

Занятый анализом намёка Браилова, да ещё в условиях совмещения с остаточной «задумчивостью», Сталин вновь «отпустил» майору «неуставную дерзость» из откровенного намёка на «отдельные нюансы» былых процессов.

– Я слушаю Вас, товарищ Браилов.

Словно доводя вождя «до готовности», Семён Ильич оглянулся на дверь, и решительно припал к уху пациента.

– Берия и компания должны поверить в успех затеи. То есть Вам, товарищ Сталин, придётся «немножко умереть». Точнее: «поработать» умирающим. Ну, вроде бы я Вас не находил, и Вы тут основательно «доходили» в полном одиночестве всё расчётное время. Расчётное – по расчётам заговорщиков, конечно.

Веки Сталина «подумали немного» – и сомкнулись в знак согласия.

– Вы полагаете...

– Да, товарищ Сталин.

Браилов «не отработывал на перехват»: Иосиф Виссарионович сам «оставил местечко» для продолжения.

– Наверняка Берия приказал Хрусталёву отдержать нас от Вашей комнаты как можно дольше – с тем, чтобы помочь зелью справиться с Вами, и оставить медицину не у дел. Убеждён, что и сам он, и его подельники сделают всё для того, чтобы не только лично уклониться от присутствия, но и «попросить задержаться» врачей. И это не экспромт: так задумано.

Задропировавшись веками, Сталин несколько секунд «отсутствовал»: усваивал информацию.

– Что? – наконец, прошелестел он губами.

– Что я предлагаю?

Браилов неожиданно озорно улыбнулся.

– Предложение – одно: поможем «товарищам» раскрыться «по полной»! Тем более что для этого Вам не потребуется особого лицедейства. Вы сейчас достаточно хороши... в смысле: плохи для того, чтобы «умирать» вполне естественно, не прибегая к дешёвой имитации. От Вас требуется лишь одно: не открывать глаз, и дышать так, как Вы это делаете сейчас. На всякий случай, я Вас подстрахую снотворным. Всё остальное я беру на себя.

Сталин молчал недолго. Точнее, совсем не молчал. Едва только Браилов «взял всё на себя», он смежил веки. Молча, но красноречивее всяких слов. В художественном – и очень вольном – переводе взгляд его звучал примерно так: «Ну, что ж, Лаврентий: давно мы примерялись к глотке друг друга. Посмотрим же, кто дотянется первым».

Довольный тем, что Хозяин соответствовал ожиданиям, Браилов с чувством погладил того по вялой руке, и вышел. Пора уже было «работать» охранником: «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу»...

Глава четвёртая

...В двенадцать часов дня Лозгачёв многозначительно взглянул на хронометр: сейчас начнётся «движение». Именно так на даче определяли пробуждение Хозяина. Двенадцать часов было не просто нормативом «подъёма» Сталина, но и крайним сроком продолжительности его сна. Позже Хозяин никогда не вставал, даже недомогая по причине или без оной.

Однако признаки «движения» не обозначились ни в двенадцать, ни в час, ни в два. Лозгачёв прореагировал так, как и должен был, и не только по инструкции: забеспокоился. Своим беспокойством, теперь уже по инструкции, он поделился по инстанции: с прямым начальством.

Однако прямое начальство не разделило беспокойства подчинённого.

– Хозяин устал и отдыхает! – не сказал, а отрезал, Хрусталёв. Правда, голос его «в момент отрезания» заметно дрожал. Дрожал так, словно полковник и сам уже начал волноваться по поводу сверхнормативного отсутствия босса, но, подавая вид, мужественно старался не подавать его. – И не вздумайте тревожить его: это может стоить не только места, но и головы! Любому из вас!

Хрусталёв даже попытался облагородить свой взгляд начальственной суровостью. Но облагородить не получилось. И не только по причине неблагородного прошлого, настоящего и будущего. К огорчению полковника – на этот раз настоящему – сквозь маску напускной строгости явственно пробивался совсем не начальственный страх. А поскольку он никак не монтировался с текстом, то и остался непонятым сотрудниками охраны. Всеми, исключая Браилова, который наблюдал за начальственным псевдоражем Хрусталёва примерно так, как экспериментатор наблюдает за подопытным существом: изучая реакции того на внешние раздражители.

В два часа дня Хрусталёва сменил подполковник Старостин. А ведь обычно этот процесс происходил ровно в десять утра. Но сейчас, видимо, под предлогом «избыточной озабоченности» складывающимся положением дел, полковник решил подстраховаться. Явно с тем, чтобы не позволить никому из подчинённых до истечения «нормативного времени» «нарушить инструкцию» по части проникновения к Хозяину.

В обед же – таковой по «общегражданскому времени» – Хрусталёв сдавал дежурство с видимым облегчением, был радостно возбуждён и даже временами игриво насвистывал себе под нос «Иду к «Максиму» я, там жду меня друзья...». Самодовольство так и пёрло из него, совершенно не заботясь тем, насколько оно согласуется с неопределённостью момента. Даже стопроцентного охранника – служаку без мозгов – это не могло, как минимум, не озадачить. Пусть и неумышленно, но даже у непосвящённых складывалось впечатление, что полковник ведёт себя так, словно выдержал испытание. Оставался лишь один вопрос: какое именно?

Весь день первого марта никто в зал, где лежал Сталин, так и не вошёл. Непросто было вышколенным стражам нарушить годами соблюдавшийся порядок. Полагалось ждать руководящего указания. От Хозяина. Усердие не по разуму было чревато. И ведь было, и не единожды! Поэтому никто не посмел даже приблизиться к двери залы: а вдруг Хозяин именно в этот момент надумает выйти из комнаты? Можно было только представить, какое «угощение» ожидало смельчака – в иной редакции безумца?!

В том числе – и, прежде всего – по этой причине никто из товарищей Браилова и представить себе не мог, что Семён Ильич каждые два часа навещал Хозяина для проведения необходимых процедур. Результатом их явилось то, что и должно было явиться: около девяти часов вечера Сталин попросил есть.

– Вам сейчас бы куриного бульончика! – огорчённо вздохнул Браилов. – Но, увы!

Хозяин упал духом, и на этот раз Семён Ильич не стал мешать ему. В лечебных целях.

– Нельзя: на кухне, да и в охране сразу же догадаются. Поэтому, товарищ Сталин, испейте пока виноградного соку: тоже полезная вещь, особенно в Вашем состоянии.

Хорошо, что, прибираясь за гостями, Бутусова, то ли специально, то ли по забывчивости, оставила на столе один графин, в котором находилось ещё не менее полулитра красного виноградного сока. Сталин выпил чуть ли не полный стакан.

– Ну, вот и славно, – «закруглил обед» Браилов. Ему действительно был по душе вид больного, «налегающего», пусть и всего лишь на стакан сока: значит, «будем жить». Безнадёжный пациент уже всю демонстрировал бы безнадёжность.

В десять тридцать вечера Лозгачёв не выдержал.

– Слушай, Семён: печёнкой чуя неладное. Может, навестим Хозяина?

Браилов художественно нахмурился.

– А что ты меня спрашиваешь? Возьми и навести!

– Я?!

Лозгачёв даже побледнел, и куда выразительней хмари Браилова.

– Как-то... знаешь...

– Неловко? – ухмыльнулся Браилов.

– Боязно, – нахмурился Лозгачёв: намёк понял. – Может, ты? А, Семён Ильич?

Браилов поскрёб затылок, – а заодно «по сусекам»: нужно было дать качественное недовольство.

– Ну, а я с какой стати там появлюсь? Ладно, когда Хрусталёв уносит пижаму или приносит мундир... Или ты, когда приходит срочная почта... А мне что предложить Хозяину?

Лозгачёв упал духом: обязанность незамедлительно передавать Хозяину почту действительно лежала на нём. Сталин в последнее время работал с документами только на даче, лишь наездами бывая в Кремле.

– Кстати, ночью ведь что-то пришло?

Браилов доработал вопрос соответствующим взглядом. Лозгачёв растерянно смахнул пот со лба такой же потной ладонью: мужик не только честно трусил, но и честно переживал.

– Ну, пришло... кое-что...

Он вдруг с надеждой посмотрел на Браилова.

– Может, предложим Старостину? Так сказать: по инстанции? Как «старшому»?

Браилов усмехнулся. Для этого ему даже не понадобилось играть: Лозгачёв на сто процентов соответствовал нормативу охранника.

– С таким же успехом ты мог бы предложить сделать это Хрусталёву... «Старостину»!.. Вот если ему будет доложено что-то определённое, тогда он отважится позвонить Игнатьеву. И то «может быть»!

– Что же делать?

Лозгачёв растерянно «упал руками». «Падение» он сопроводил просительным взглядом в адрес Браилова. Взгляд этот больше соответствовал характеру мольбы, а не прошения.

– Ладно, Бог с тобой: схожу, – «капитулировал» Семён Ильич. – Придумаю что-нибудь на ходу.

Лозгачёв выдохнул с непритворным облегчением. Вряд ли потому, что опасную миссию удалось переложить на плечи другого. Для того чтобы так думать и поступать, он оказался неожиданно порядочным человеком: куда только глядели кадровики МГБ? Чувствовалось, что волнение его, как минимум, на пятьдесят процентов, касалось самочувствия Хозяина. У всех прочих охранников участие в судьбе личной задницы всегда преобладало, занимая в переживаниях, куда больше половины объёма.

– На всякий случай, подготовь бумаги, что ночью пришли для Хозяина, и будь начеку.

Инструктировать Лозгачёва на предмет незапланированного «явления» не было нужды. Остальных, тем паче. Никто из охранников и по приказу не рвался в апартаменты Хозяина:

вполне можно было нарваться на аудиенцию. Что, уж, тут говорить о «явлении по доброй воле»? Это ведь сродни явке с повинной!

На подступах к залу Браилов оглянулся. В коридоре никого не было. Войдя в кабинет, Семён Ильич первым делом закрыл дверь на щеколду, и только после этого подошёл к лежащему на диване Хозяину. Тот спал: Браилов не обманул насчёт «подстраховки» «в лице» снотворного. По причине этого «лица» другое лицо – Хозяина – было спокойным и умиротворённым. Хотя даже во сне, его периодически искажала гримаса боли: к Сталину вернулось не только сознание, но и осознание. Какого рода была эта боль, Семён Ильич пока затруднялся определить. Это могла быть и боль физическая: у Хозяина имелся целый букет заболеваний, в том числе и такое «неинтеллектуальное», как вздутие живота от плохо отходящих газов. Но это могла быть и боль душевная – от постижения, хотя бы на уровне подсознания: «как жить: кругом – одни негодяи?!».

Как бы то ни было, но гримаса была сейчас, более чем уместной: она идеально вписывалась в сценарий заговорщиков. Можно было уже и выходить... нет, не на коду: на следующий этап операции.

Браилов, физически очень сильный человек, мастер экзотических джиу-джитсу и ушу – дар не Божий, но Лю и персонального упорства – легко поднял на руки тело Хозяина, и аккуратно положил его на пол у прикроватной тумбочки. Рядом с телом он определил пустой стакан, предварительно ополоснув его жидкостью из бутылки «Боржоми»: пятьдесят миллилитров содержимого он взял на анализ сразу же после оказания первой помощи Хозяину. Бутылка же, якобы наполовину опорожнённая Сталиным, должна была оставаться на тумбочке, как доказательство того, что всё идёт в соответствии со сценарием ЗАО «Берия и Ко».

Картину «внезапного падения» Хозяина довершила развёрнутая «Правда», которую Браилов аккуратно разместил у ног вождя: якобы тот держал её на коленях в момент употребления «боржоми».

«Создав полотно» с Хозяином в центре композиции, в качестве окончательного штриха Семён Ильич плеснул немного виноградного соку между ног Хозяина, вряд ли к удовольствию последнего, зато к ожидаемой радости злоумышленников. Теперь они просто обязаны были поверить в то, что всё идёт по плану: «объект» «сходил в штаны» – нормальная реакция любого «нормального отравленца». Это было даже не «кашу маслом не испортишь», а нормативное количество «масла».

Удовлетворившись содеянным, Браилов степенно направился к входной двери. И только оказавшись в коридоре, он напустил на себя испуганно-встревоженный вид, который отретивировал ещё на подходе, в зеркале, и дал голос:

– Все сюда: Хозяину плохо!

Опасаться того, что Сталин проснётся от его крика и топота ног охранников, не стоило: за качество снотворного, отнюдь не аптечного происхождения, Браилов мог поручиться головой. Доза, хоть и не была лошадиной, управилась бы и с лошадью.

Топот ног не заставил себя ждать: охранники были «на взводе» и ждали только команды. Первым, роняя на ходу запечатанные пакеты и отдельные листы бумаги, примчался Лозгачёв. Едва увидев лежавшего на полу Сталина, он бессильно прислонился к дверному косяку: подкосились ноги. Подкосились, как у любого нормального слуги при виде некондиционного состояния обожаемого господина. По белому, как полотно, лицу его тонкими, но вполне убедительными струями, побежал малодушный пот.

– Ладно, Петя, довольно изображать кисейную барышню! – правдоподобно раздражился Браилов. – Помоги лучше поднять Хозяина и перенести его на диван!

Когда Лозгачёв подхватил тело Сталина под руки, тот неожиданно слабо застонал, не открывая глаз. Картина пребывания без сознания была стопроцентно достоверной.

«Вот это очень кстати!» – одобрил Браилов Хозяина, водворяя ноги того обратно на диван.

– Семён Ильич, что с товарищем Сталиным?

Голос Лозгачёва дрожал от неподдельного страдания: честный и простодушный, он ещё не научился подделывать его.

– Ты ведь спец?

Вопрос требовал активного включения Браилова в работу, и он наклонился над Хозяином. Некоторое время он старательно работал «по линии диагностики». Работал специально для Лозгачёва и тех своих коллег, которые не отважились просочиться в апартаменты Хозяина всем корпусом, выглядывая из дверей лишь отдельными фрагментами. Наконец, он разогнулся, и посмотрел на Лозгачёва печальными глазами. Конечно, глаз своих он видеть не мог, но ему хотелось верить в то, что взгляд их был именно печальным. Он ведь поработал над образом, и не хотел, чтобы тот не оправдал его ожиданий.

– Судя по внешним признакам, налицо кровоизлияние в левое полушарие головного мозга на почве гипертонии и атеросклероза.

– А?

На более «развёрнутый» вопрос Лозгачёв оказался неспособен. Научность диагноза, если и не «убила» его, то пришибла изрядно. По этой причине он не только прибавил в потоотделении, но и начал заикаться.

Научность Браилова не пропала втуне, и теперь он мог спокойно (обречённо, то есть) вздохнуть, и с сожалением развести руками.

– Развивается правосторонний паралич с потерей сознания и речи. Сам ведь слышишь, как он хрипит...

Совершенно раздавленный случившимся, а ещё больше разъяснениями Браилова, Лозгачёв затряс головой.

– И что... будет? А?

Последние остатки надежды слабо брезжили в его глазах, «местами» переходя в религиозную веру. Ему очень хотелось надеться и верить в то, что ничего страшного в положении Хозяина нет, и друг Семён обязан укрепить его в этой вере. Но друг Семён почему-то «не соответствовал».

– Кровоизлияние в мозг постепенно распространяется на все жизненно важные центры, и человек медленно и мучительно умирает от удушья. Проще говоря, от острой сердечной и лёгочной недостаточности.

– Брось ты свою терминологию! – совсем не картинно потрясся Лозгачёв, блестя слезами, отнюдь не скупыми и не мужскими. Он, хоть и не умирал мучительно от удушья, но безжалостными словами друга мучился не меньше потенциального обречённого. – Можешь ты мне прямо и по-русски ответить: товарищ Сталин будет жить?

Браилов молча помотал головой. Для большей выразительности он даже собрался шумно потянуть носом, но в последний момент передумал: это «понизило бы градус трагичности».

– Нет?!

У Лозгачёва подкосились не только ноги, но и голос.

– Товарищ Сталин обречён...

Браилов уронил голову на грудь, и уже из этого положения еле слышно закончил:

– ...Он умирает...

Некоторое время Лозгачёв добросовестно отработывал «телеграфным столбом» – так, словно он был не в состоянии осилить «перевод». Но тем он и отличался от большинства коллег, что свято исповедовал принцип «делу время, потехе час». Исповедовал даже тогда, когда и не ставил перед собой такой цели: мозги ему замещали «автопилот», интуиция, «шестое чувство», «внутренний контролёр». Поэтому ничего удивительного не было в том, что, отстояв

столбом, он оказался способен на истерический вопль, в переводе на «гражданский» язык звучащий примерно так:

– Какого же хрена мы тут – ни хрена?! Может, ещё удастся спасти Хозяина!

Он обернулся к стоявшему в дверях Старостину.

– Звони Игнатьеву! Ну, что стоишь, как пень: ты ведь старшой!

Подполковник Старостин, в своё время, как и Хрусталёв, прикомандированный к охране Сталина, и действительно замещавший сейчас полковника, едва не козырнул Лозгачёву и выскочил в коридор, по пути чуть не снеся Рыбина. В отличие от Лозгачёва, майор всё ещё продолжал столбенеть так основательно, что даже материки подполковника не смогли оторвать его «от работы».

– Товарищ министр, – через минуту эхом разнёсся по коридору дрожащий на каждом звуке голос Старостина. – Докладывает подполковник Старостин. У нас... ЧП.

Подполковник обратился к Игнатьеву не по званию, так как тот был первым и единственным руководителем органов госбезопасности, который пришёл «с гражданки», из отдела ЦК, и которому так и не присвоили никакого звания: ни воинского, ни специального.

Вероятно, Игнатьев, не только министр государственной безопасности, но и начальник Управления охраны, начал выяснять у Старостина, какого рода ЧП приключилось на «объекте», потому, что подполковник растерянно – словно министр мог его видеть – развёл руками, после чего такую же добросовестную растерянность выдал в трубку:

– Мы нашли товарища Сталина лежащим на полу в зале. Он без сознания. Майор Браилов говорит...

Наверняка, амбициозный, высокомерный, но недалёкий интриган Игнатьев не пожелал выслушивать соображений «какого-то, там, майора». Это было понятно уже потому, что Старостин непритворно подавился заготовленным текстом, и, переориентировавшись на ходу, честно отработал за «вторую составляющую» выражения «я начальник – ты дурак».

– Так точно, товарищ министр, – неподдельно струхнул (прямо в трубку) Старостин. – Понятно, будем ждать.

Подполковник осторожно положил трубку на рычаг, и рукавом кителя смахнул пот со лба: такой разговор по расходу калорий был сопоставим с получасовым истязанием себя двухпудовой гирей.

– Ну, что он сказал? – покосился на телефонный аппарат Браилов. И спросил, и покосился не в порядке личного интереса: ничего интересного очевидный, и единственно возможный ответ не представлял. Но нужно было «подготавливать товарищей» – с тем, чтобы духовный упадок «был на высоте».

Старостин незастенчиво проглотил застрявший в горле комок.

– Сказал, что созвонится с руководством... Велел ждать его звонка, а до того времени ничего не предпринимать.

Браилов хмыкнул, и, не снимая иронического выражения с лица – оба уже срослись друг с другом – покрутил головой. Опять же, не только для себя, но и для Старостина тоже. В «воспитательных целях, однако».

– «Созвонится с руководством»... А оно что: медицинский консилиум? Или Игнатьев – не министр и начальник охраны, а так: «погулять вышел»? «Велел ждать»... Это вместо того, чтобы немедленно выслать сюда врачей!

– Т-с-с!

Старостин испуганно покосился на входную дверь.

– Чего ты трясёшься? – не изменил иронии Браилов. Не мог изменить, даже, если бы и захотел. – Никого там нет, и в ближайшие часы не будет. Сам ведь знаешь, как у нас любят «увязывать и согласовывать»!

Старостину и не пришлось стараться для того, чтобы сделать ещё более страхолюдные глаза: сами сделались. В его понимании всё сказанное Браиловым «заслуживало внимания» – соответствующих органов – этак лет на десять лагерей, минимум.

В напряжённом ожидании прошло не менее полутора часов. Браилов не беспокоился по поводу самочувствия Хозяина: тот обязан был «самочувствовать» себя хорошо. Ведь Семён Ильич отработал не по инструкции МГБ, а по Лю и Вернеру. Правильно, то есть, отработал: не как чиновник в белом халате, а как врач. Досрочное пробуждение Хозяина было исключено. И не только потому, что это нарушило бы сценарий: снотворное – не в укор патриотизму – «происходило» не из советской аптеки. Тем более, не из той, что за ближайшим углом, в которой предпочитал «самолечиться» Хозяин.

Поэтому сейчас Браилов полностью сосредоточился на грядущих событиях. А в том, что они последуют – и очень скоро, то есть, в точном соответствии с замыслом «режиссёра» – он ничуть не сомневался. Конечно, Семёну Ильичу желательно было бы обзавестись надёжным союзником, но Лозгачёв – единственный таковой из всей охраны, да и то в перспективе – пока ещё «не созрел» для откровенного разговора...

К исходу девяностой минуты с окончания разговора Старостина с Игнатьевым, наконец, раздался долгожданный звонок. Старостин, в продолжение всего этого времени «барражировавший» в непосредственной близости от телефонного аппарата, трясущейся рукой схватил трубку.

– Подполковник Старостин! – голосом, дрожащим подставить руке, доложилась он. Правильно доложилась – и по форме и по существу. Всякие «Алло!» и «Слушаю Вас» были исключены априори. Сюда, на Ближнюю дачу Хозяина, «человек с улицы» позвонить не мог даже теоретически. Этим телефоном пользовались лишь те, кому это было положено по должности: руководители партии и государства, а также непосредственное начальство из Управления охраны.

Глаза всех присутствующих устремились на обескровленное лицо Старостина.

– Да... Да...

С каждым новым «да» тональность голоса подполковника всё больше менялась с мажорной на минорную.

– Я понял, товарищ министр... Да... Так точно: будет исполнено...

В трубке давно уже гудели гудки, а Старостин всё ещё дрожал с ней в руках, словно контуженный. Браилов усмехнулся, даже не пытаясь маскировать усмешку: события развивались точно по плану. Теперь уже он не исключал того, что и Игнатьев, в последнее время набравший силу, не был зрителем в этом «действе». Даже в качестве «последней спицы в колеснице»: и без последней – всё равно некомплект.

– Ну, что он сказал?

Лозгачёв непочтительно дёрнул Старостина за рукав кителя. Тот даже не стал вздрагивать: надрожался за разговор.

– Министр сказал... что... он не смог дозвониться до товарища Маленкова... Велел ждать...

– Опять ждать! – взорвался честняга Лозгачёв. – Чего ждать? У моря погоды? Пока товарищ Сталин не... это самое?! И какого хрена он звонил Маленкову, когда надо было звонить врачам?! Да положи ты трубку на место!

В манере, далёкой от начальственной, Старостин тут же водворил трубку и даже по ошибке вытянул руки по швам. Пусть на какое-то мгновение, но вытянул.

– Ну, что будем делать?

Глаза Лозгачёва метались от одного лица к другому. Бутусова, Рыбин и Туков честно отводили глаза в сторону: ну, вот, не мыслители они были. Если бы Лозгачёв приказал, кого привести – и даже «привести в исполнение» – другое дело, а так... Пока Лозгачёв «совер-

шал обход глазами», Старостин оперативно вспомнил, что он – начальство, и первым, хоть и неопределённо, пожал плечами. Уже как старший по должности: не в порядке ответа, а «руководяще указуя»:

– А что делать? Надо ждать. Придумывать что-то сейчас – на свою же задницу...

Резон в этих словах был, и немалый, но Лозгачёв уже рвался к мысли. Он перестал маячить, но не перестал работать начальником: ну, вот, вошёл в роль. А, войдя в неё, он первым делом «расстрелял глазами» Старостина.

– Чего? – не понял тот, по привычке скользнув взглядом по ширинке. Но «проблемное место» было в порядке. – Чего ты?

– Дозвонись до Маленкова! – жарко задышал ему в лицо Лозгачёв. – Сам, не дожидаясь, пока это когда-нибудь сделает Игнатъев!

Едва лишь услышав подобное предложение, Старостин моментально опозорил всех актёров «ужастиков». По части достоверности.

– Что ты, что ты?! Ты в своём уме, или нет?! Я, ничтожный сторож, маленький подполковник, буду звонить второму лицу в руководстве?! Вот так, вот, запросто?!

Лучше бы он этого не говорил: Лозгачёв совершенно забыл про Устав. Это позволило ему оскорбить ВРИО начальства не только словом, но и действием: он схватил подполковника за грудки.

– Да не запросто, Старостин! Не запросто: ты ведь – старший охраны! И случай – чрезвычайный! Кому ещё звонить, как не тебе?!

Намёк был даже не прозрачный: убойный. Но Старостин не хотел умирать: ни от намёка, ни от результатов самодеятельности. К «убою» он был явно не готов. А если намёк, что и «убил», то лишь последние остатки и без того гипотетического мужества у подполковника.

– Нет, нет и нет! – высокохудожественно замотал он головой. – И не проси! Я себе не враг! И никому из вас не позволю... в смысле... ну, быть себе врагом! Мне, то есть! Потому, что мне же первому и достанется «по первое число», а заодно и по все следующие! Скажут, ни хрена Старостин не умеет организовать работу!

В известном смысле он был прав: потому что это «скажут» было бы оргвыводом – со всеми «вытекающими» и «втекающими». И «вытекало» бы исключительного из одного Старостина, пусть даже без кавычек и всего лишь в штаны. Но Лозгачёва было уже невозможно убедить, и он презрел не только доводы Старостина, но и его персону. Оплевал «руководство» взглядом, то есть. Для начала взглядом: потом уже шли не они.

– «Организовать работу», говоришь? Ну и гад же ты, Старостин! Сволочь и гад! Тряпка поганая!

И он смачно сплюнул аккурат на сапог подполковника-«гада».

Такого нарушения должностной инструкции подполковник стерпеть не мог. И то: если бы мимо, а то прямо на сапог!

– Да я тебе за такое... знаешь, что?!

Рука его скользнула по бедру, но сделала это, в лучшем случае, рефлекторно. Годами натренированный жест здесь, на даче Хозяина, носил, исключительно демонстрационный характер: сотрудники, находящиеся в доме, ходили без оружия – так, уж, было заведено.

– Ладно, будет вам петушиться, – поставил точку Браилов: уже было можно и нужно. Товарищи отработали свои роли на «пятёрку», и создали основательный задел для его творческой деятельности.

– А чего он? – по-мальчишески обидчиво выкрикнул подполковник, словно не ограничившись отведёнными рамками, но всё ещё «в пределах сценария». Для полного сходства не хватало только шмыгнуть носом и размазать кулаком по лицу выступившие слёзы. Но, «доработав эпизод», Старостин надул губы и отвернулся от Лозгачёва.

Последнего афронт ВРИО начальства совершенно не смутил подполковника. И не только потому, что начальство было ВРИО. Похоже, что он действительно был озабочен лишь тем, как помочь Хозяину.

– Семён Ильич, может, ты?

– Позвонить Маленкову? – не изменил усмешке Браилов.

– Да нет! – раздражённо махнул рукой Лозгачёв. – Что толку звонить? Я... в смысле... может, ты сам посмотришь товарища Сталина? Ты же врач!

Браилов на время отставил усмешку.

– Я ведь уже смотрел. При тебе. Забыл, что ли?

– Я не о том!

Лозгачёв буквально повис на рукаве у Браилова.

– Попробуй что-нибудь сделать! Ну, хоть что-нибудь!

– «Хоть что-нибудь»...

Семён Ильич пропустил на лицо немного скепсиса, который также рвался поучаствовать в творческом процессе.

– А что я могу сделать – без лекарств, без инструментов, без оборудования?! Без разрешения, наконец?... Ну, без последнего я бы ещё как-нибудь обошёлся... А без всего остального?! У меня даже пиявок нет для элементарного кровопускания, чтобы понизить давление в крови!

– Вот именно! – солидаризировался с Браиловым Старостин: всегда приятно сознавать, что не один ты «в навозе». По этой причине он даже позволило себе разбавить «мужественно-обречённый» взгляд торжествующей иронией по адресу Лозгачёва.

Услышав «приговор», тот «упал» досрочно, ещё «до пули». Тем стороны и ограничили «участие в судьбе Хозяина».

Прошло ещё два часа, прежде чем «ожил» телефон. Старостин обеими руками схватил трубку, и плотно прижал её к уху.

– Маленков! – прикрыв трубку руками, испуганно округлил он глаза по адресу Браилова. – Да, товарищ Маленков: я... Да, так точно... Никак нет, товарищ Маленков: ничего мы не «накручиваем»... Всё обстоит именно так, как мы доложили товарищу Игнатьеву... Понял...

Последнее слово Старостин выдавил из себя еле слышным шёпотом. Медленно, автоматическим жестом, он водворил трубку на рычаг. Никому уже и не требовался текст – всё сказала физиономия Старостина – но подполковник всё же «счёл себя обязанным».

– Сказал, что поищет Берию... А до того велел ничего не предпринимать...

– Ты что-нибудь понимаешь?!

Лозгачёв смотрел на Браилова почти уже понимающими глазами.

– Хозяин «доходит», а они созваниваются друг с другом?!

Семён Ильич не ответил подполковнику, но взгляд, которым он скользнул по лицу того, был исполнен удовлетворения: кажется, и в этой части события развивались по сценарию...

Глава пятая

...Примерно через три часа после звонка Маленкова за окном послышалось урчание мотора. Старостин кинулся к двери: по звуку работающего двигателя он сразу же узнал «мерседес» Берии.

И он не ошибся: отодвинув в сторону услужливо согнувшего подполковника, Берия медленно выбрался из автомобиля. За ним последовали Маленков и Хрущёв. На лицах всех троих было написано явное неудовольствие от того, что их побеспокоили в неурочное время, да ещё, вероятнее всего, по поводу «без повода».

– Ну, что вы тут насочиняли?

Уже входя в двери, Берия не поскупился на брезгливый взгляд по адресу Старостина. Тот вытянул руки по швам.

– Вот...

Он с трудом проглотил традиционно образовавшийся в горле комок.

– Подполковник Лозгачёв... значит... доложит...

Лозгачёв сделал строевой шаг вперёд.

– Товарищ Берия, около четырёх часов тому назад мы, обеспокоенные долгим отсутствием «движения», решили войти в комнату товарища Сталина, и обнаружили его лежащим на полу без сознания.

– Кто это «мы»?

Холодно блестя стёклами пенсне, Берия обвинил Лозгачёва своим знаменитым удавым взглядом. Подполковник, бледный и без того, побледнел ещё больше: выдержать такой «охват» было очень непросто. Тем более что за подобным взглядом обычно следовало продолжение в виде «оргвыводов» и, к сожалению, «однонаправленного действия».

– Мы... с майором Браиловым... То есть... вначале майор Браилов... в затем...

Берия не дал Лозгачёву договорить, и, резким жестом отодвинув его в сторону, сделал шаг в направлении Браилова.

Семён Ильич не стал демонстрировать излишнего усердия по части чинопочитания, и лишь слегка подобрался.

– Значит, это Вы «решили» и «обнаружили»? – недобро усмехнулся Берия. Для того чтобы дать качественно недобрую усмешку, ему не требовалось усилий. Хотя бы потому, что человеком он был недобрым, а, значит, и все недобрые его проявления шли от души, а не от актёрства.

В отличие от Лозгачёва, Браилов спокойно выдержал взгляд Лаврентия Палыча, и не «упал в обморок про себя». Хотя взгляд Берии не сулил ничего хорошего уже лично ему.

– Так точно: я.

– А кто Вам позволил нарушать указание старшего охраны?

«Неосторожно, Лаврентий Палыч, – открытым текстом усмехнулся Браилов. Из глаз в глаза, то есть. – Откуда ты можешь знать об этом указании? Ведь Хрусталёв дал его не только после того, как якобы получил распоряжение от Хозяина, но уже и после того, как ты уехал?»

– Согласно Положению об Управлении охраны, утверждённом приказом министра государственной безопасности номер...

– Ладно!

Берия раздражённым жестом оборвал начавшего доклад Браилова. И раздражение его вызвала не ссылка на Положение, действительно существовавшее и действительно обязывавшее. Ещё до текста он ознакомился с содержанием возражений оппонента по его глазам – и возражений, куда более серьёзных, чем ссылка на «формальный» документ. Поэтому Лаврентию

Пальчу и пришлось свернуть «разбор полётов», и закругиться «в формате перспективы». Перспективы для «виновника ревностного исполнения служебных обязанностей».

– Мы ещё поговорим на эту тему. В другое время. Я не забуду...

Он буквально впился глазами в лицо Браилова, и слышным лишь им двоим шёпотом, с чувством в голосе добавил:

– ...Я никогда ничего не забываю... господин оберштурмбанфюрер...

Обойдя Браилова, словно тот был всего лишь неодушевлённым препятствием, Берия заглянул в залу. Из коридора. Даже не проходя внутрь. Видимо, то, что он там увидел, его вполне удовлетворило, потому, что он посмотрел на Лозгачёва – почему-то именно на него – уже с весёлой ироничностью.

– Ну, вот: товарищ Сталин просто отдыхает! Устал человек! А ты, паникёр, шум поднял, чуть ли не на весь белый свет!

Уже по пути к выходу он обернулся к Старостину, который семенил за ним в образе побитой собаки.

– И не вздумайте звонить в Лечсаупр: нечего позориться ещё больше, чем вы уже опозорились!

Выйдя на крыльцо, он на ходу обрадовал Маленкова и Хрущёва, которые, видимо, от избытка такта или стеснительности, так и не удосужились войти в дом:

– Егор, Никита – поехали! Нечего слушать этих дураков!

«На посошок» он обернулся к бледному, как полотно, Старостину.

– Смотрите, тут, у меня!

Исполозовав взглядом «тяжело раненого» Старостина, он пытался сделать то же самое и с Браиловым, но, «поскрежетав по металлу», лишь сверкнул напоследок «зазубринами», ещё раз намекнув на отсутствии у себя амнезии. Вскоре «мерседес» высокого начальства миновал КПП и скрылся из виду.

Старостин – «голова обвязана, кровь на рукаве» – медленно повернулся к охранникам.

– Слышали?

Ответом ему было удручённое молчание всех четверых: Браилов, как пятый, уже отсутствовал в наличии.

– А где майор Бр...

Старостин не успел озвучить вопрос, так как из залы донесся крик Семёна Ильича:

– Сюда! Хозяину стало хуже!

Все пятеро – со Старостиным во главе – ворвались в комнату. То, что они увидели там, потрясло их: лицо Хозяина приобрело синюшный, классически мертвецкий оттенок. Он с трудом дышал и хрипел.

– ???

На вопрос расширенного формата Старостина уже не хватало. Браилов художественно удручился.

– Типичная картина кровоизлияния в мозг: начали отказывать лёгкие и сердце...

– Что же делать?! – в истерике метнулся по зале Старостин. – Что же делать?! Что же делать?! Чёрт меня дёрнул угодить сегодня на дежурство!

Какими бы недостойными ни казались со стороны возгласы подполковника, но никто и не подумал осуждать его, как минимум, вслух. Ведь в этот момент он в точности следовал негласной инструкции: «живые думают о живых». Вот он и думал. О себе, пока ещё живом. А Хозяин отработывал лишь поводом для этих мыслей: создавал картину и дополнял её со стороны других – тех, которые «не живые».

– Иди звонить Игнатьеву: нечего, тут, скакать зайцем!

– ??? – на полускоке замер Старостин.

– Хватит уже согласовывать – пусть вызывает врачей!

Подполковник вздрогнул, первым делом традиционно «отделался» от комка, неэкономно облился потом – но всё же дал текст:

– Да-да, ты прав, Семён Ильич!

И он судорожно метнулся к двери.

– А вы...

Браилов перевёл взгляд на Тукова, Бутусову и Рыбина.

– Немедленно на кухню: вскипятите воду, приготовьте водку, коньяк и полотенца для компрессов. А тебя, Петя...

Он повернулся к изумлённо тарашившемуся на него Лозгачёву.

– ... я прошу остаться со мной.

«Кухонный наряд» немедленно отбыл к месту назначения. Как только стало возможным констатировать, что «не слышны в саду даже шорохи», Лозгачёв немедленно «разгрузился»:

– Семён Ильич: какой кипяток? Какие компрессы? Даже я, дуб стоеросовый, и то понимаю, что это «мёртвому припарки»? Зачем ты их туда послал?

– А ты предпочёл бы, чтобы я послал их «по другому адресу»?

– ???

– Чтобы они не мешали нашему разговору?

Лозгачёв ещё больше округлил глаза, но в следующее мгновение уже «запирал» рот громадной ладонью. В виду «достижения потолка» глаза уже больше «не округливались», хотя для этого были все основания: на него внимательно смотрел только что умиравший Сталин, и нормально при этом дышал.

– Да, Петя, это не галлюцинации!

Браилов мягко положил руку на плечо друга и потенциального соратника, пытавшегося ему пальцем неинтеллигентно показывать на Сталина. Полубезумные глаза подрабатывали ему художественным вращением. Язык же подполковника в выражении чувств не участвовал – и совсем не по причине незначительности повода: не функционировал.

– Против товарища Сталина враги устроили заговор. На этот раз настоящий: ты ведь знаешь, как я отношусь к подобным обвинениям?

Лозгачёв, всё ещё «отсутствуя в себе», «автоматом» потряс головой. Скептическое отношение майора к процессам такого толка ему было хорошо известно из иронических взглядов Браилова на упоминание об очередном, но, как всегда, неудачном, «умышлении на товарища Сталина».

– И, всё, что ты видел, Петя – это не театр. Точнее, не всё, что ты видел – театр.

– ???

– Я действительно нашёл Хозяина лежащим на полу без сознания. И в его организме действительно начали развиваться те процессы, о которых я тебе говорил. Только причина их была отнюдь не естественного характера.

Вот теперь Лозгачёв заговорил – от догадки.

– Ты хочешь сказать, что Хозяина...

– «Накормили!»! Точнее, «напоили!»! Ядом «от Майрановского»!

«Яд «от Майрановского»! Ну, словно, парфюм «от Коко Шанель»! В другое время они с Лозгачёвым посмеялись бы этому невольному эпигонству, но другое время либо уже прошло, либо ещё не наступило.

Лозгачёв, по причине добросовестного потрясения не обративший внимания на забавную аллюзию, открыл рот для реплики, но Браилов уже «закрывал его обратно».

– Не время для расспросов, Петя! Скажу тебе только одно: жизнь Хозяина – вне опасности. Всё, что нужно было сделать, я уже сделал. Остальное мы должны сделать вместе...

– ???

– Ты правильно меня понял: вместе с тобой, Петя!

Лозгачёв тут же «отработал Старостиным по линии комка в горле».

– Что я должен делать, Семён?

Заполучив союзника – вопрос подполковника уже можно было считать «подписью под договором» – Браилов приобнял того за плечи.

– Только одно: помочь разоблачить заговорщиков.

– Кого?

– «Знакомые всё лица», – хмыкнул Семён Ильич, посверлив Лозгачёва выразительным взглядом.

Глаза Лозгачёва, едва придя в норматив, опять распахнулись до предела.

– Берия?!

– И компания!

Уставившись взглядом в угол, Лозгачёв, как человек сообразительный и «не сегодня заброшенный на Землю», потрясался недолго.

– Вообще-то, что-то подобное я предполагал с самого начала... Жду твоих распоряжений!

Семён Ильич удовлетворённо хлопнул подполковника по плечу: консенсус дошёл до точки. До той, за которой он уже переходил в фазу приказов. И Браилов не только не стал мешать переходу, но и ускорил его.

– Приготовь на всякий случай оружие: пистолеты, автоматы, гранаты. Пистолет – лучше браунинг – держи при себе.

– ???

– Думаю, пригодится.

Лозгачёв с готовностью кивнул головой.

– Как только «кухонный наряд» вернётся, немедленно двигай в «оружейку»!

Лозгачёв перевёл взгляд на Хозяина. За санкцией. И правильно: одно дело, если бы вождь работал деталью интерьера – и совсем другое, когда он присутствовал при инструктаже. И, судя по выражению его глаз, не одними ними, но и мозгами тоже.

– Выполняйте, – смежил веки Хозяин. – Рад, что Вы оказались верным человеком...

– Товарищ Сталин, да я за Вас...

Расшифровать «готовность» не удалось: помешала традиционно предательски навернувшаяся слеза. Хотя, в данном случае, вряд ли предательски: вовремя и кстати. И всколыхнувшиеся в неслышном рыдании плечи тоже были уместны. Во всяком случае, Хозяину это должно было понравиться, даже при том, что Лозгачёв давал чувство не по роли, а от души.

В этот момент в залу ворвался Старостин. Для доклада.

– Насилу дозвонился! Ещё и нарвался на матерки: дескать, чего Вы там дурака валяете! Но потом министр, всё-таки сказал, что созвонится с врачами. А что у вас?

И тут он заметил, как вздрагивают плечи стоящего к нему спиной Лозгачёва.

– Неужели так плохо? – «упал» он «духом» на Браилова.

Семён Ильич мрачно кивнул головой, в душе благодаря Лозгачёва за то, что тот «дотянул с плечами» до появления Старостина. Сейчас он вместе с ними – Лозгачёв с плечами, то есть – активно и полноценно работали на достоверность сценария.

– Плохо. Можно сказать, безнадежно...

На пороге – в момент «вторжения» Старостин не озаботился дверью – появился «кухонный наряд». Двое несли тазы, дымящиеся кувшины с горячей водой, полотенца. А подполковник Туков был вооружён бутылками с водкой и коньяком.

– Это ещё зачем? – якобы удивлённо, «приподнялся духом» Старостин. – Глинтвейн, что ли, собрались делать?

Марфа Бутусова предварила ответ комбинированным – осуждающе-скорбным – взглядом.

– Это – для компрессов Хозяину. Майор Браилов распорядился.

– А-а-а, – уже совсем объединился с духом Старостин, – это другое дело. Такая медицина – без «несанкционированных» инъекций, мазей, не говоря уже о механизмах, «бальзамом» проливался на страдавшую душу запуганного страхами и начальством чиновника. – Думаю, что за это своеволие нас не поругают. Тем более что мы всегда можем сказать, что среди нас есть врач по образованию, который нам и подсказал это средство. Верно, товарищи?

Браилов усмехнулся: загодя побеспокоившись об алиби и свидетелях, подполковник не изменил ни себе, ни требованиям момента, не говоря уже о требованиях должности.

Вскоре – за таковое работало часовое опоздание – появился Хрусталёв. Только нельзя было сказать, что он заступил на дежурство. Точнее, нельзя было сказать, что он пришёл сменить Старостина. То есть, появился он в формате: «и не то, чтобы «да», и не то, чтобы «нет». А ведь подполковник так надеялся на то, что ему, наконец, удастся переложить груз со своих плеч на чужие. Это, в свою очередь, позволило бы ему надеяться и на то, что, может, быть, ещё удастся пожить. Хоть сколько-нибудь. Потому что «оргвыводы» по такому делу – исключительно одного свойства: организовано выводящими в расход.

Объяснив задержку – начальство ведь не опаздывает – тем, что его неожиданно вызвал министр, Хрусталёв сказал, что он – «в курсе», и поэтому убедительно просит подполковника Старостина, в виду исключительных обстоятельств, задержаться на службе на неопределённое время. Обронив лицо – вместе с надеждами – подполковник, разумеется, «поблагодарил за доверие».

Примерно через час за окном вновь заурчал мотор автомобиля. Старостину, «задержавшемуся на неопределённое время» «по просьбе» начальства, опять не потребовалось выглядывать в окно: и так было ясно, что приехал Берия.

Однако в этот раз подбежать к автомобилю, чтобы лично открыть дверцу «мерседеса» для «высочайших особ» не удалось: настолько стремительно Берия последовал в дом. Его неизменные спутники Маленков и Хрущёв едва поспевали за ним. На этот раз они почему-то решили «не воздерживаться по линии вхождения».

– Опять ты?

Берия недовольно покосился на Старостина.

– А где Хрусталёв: ему давно уже пора сменить тебя?

– Я здесь, товарищ Берия.

Вынырнувший из-за угла коридора Хрусталёв почтительно изогнулся перед Лаврентием Палычем. Но, видимо, этого ему показалось мало, если он, не моргнув глазом, нагло соврал:

– Я давно уже здесь. А подполковника Старостина я, в виду исключительных обстоятельств, попросил немного задержаться.

– Добро, – буркнул Берия, уже входя в зал. Подойдя к телу Хозяина, он неторопливо «обследовал» его внимательным глазом. По результатам «обследования» можно было с уверенностью сказать: зрелище неподвижного вождя не доставило ему огорчения.

– Посинел-то, как, – удовлетворённо констатировал Берия, оглаживая взглядом кожные покровы вождя. – Задыхается, что ли?

Тут же, как бы спохватившись, он «сокрушённо» покачал головой.

– Да, надо вызывать врачей. Уже пора.

«Через одиннадцать часов после того, как мы позвонили Игнатьеву!» – выдал Браилов открытым текстом... закрытого типа. – «И как двусмысленно прозвучало твоё „уже пора“! Хозяин „дошёл до нужной кондиции“, процесс уже принял необратимый характер, и теперь на сцену можно выпускать бесполезных врачей! Молодец, Лаврентий Палыч!»

Берия отвернулся от ложа и, видимо, опять забывшись и перепутав роли, жизнерадостно выдал:

– Хрусталев: машину!

Остановившись у входной двери, он что-то пошептал на ухо Маленкову. Выслушав друга, тот согласно кивнул головой и вторым подбородком.

После того, как ушёл Берия, Маленков недолго отработывал экспонатом: не стоялось и не сиделось. Поэтому вскоре он «отправился в путешествие» по залу. Конечно, для него с его комплекцией это было утомительное занятие, и ему приходилось то и дело прикладываться рыхлым плечом то к дверному косяку, то к стене. Хрущёв же всё время молча стоял у стены, в самом углу. Создавалось такое впечатление, что оба они не только боялись подойти к ложу, на котором «умирал» Хозяин, но даже избегали взглядов в ту сторону. Ни тот, ни другой не обладали и половиной той решительности, что в избытке наличествовала у Берии.

Наконец, часа через три Берия привёз врачей. Вероятно, совместил приятное с полезным: доставку – с перерывом на обед. И не важно, что время было далеко не обеденное.

– Насилу удалось собрать всех! – огласил он просторы залы жизнерадостным восклицанием. Не то, что ни толики скорби – ни единого намёка на минор – не содержалось в его голосе. – Но сейчас они приступят к делу.

Он поискал глазами Браилова.

– Майор, встречайте гостей: Вы ведь у нас – дока по медицинской части!

Голос Лаврентия Палыча был полон ядовитой иронии. Но, за исключением яда, беззлобной: чувствовалось, что Лаврентий Палыч доволен тем, как развиваются события. Наверняка, он был уверен в том, что никто и ничто не могут ему помешать довести дело – а с ним и Хозяина – до конца. До конца Хозяина. По этой причине можно было ограничиться минимумом внимания к Браилову. До «окончательного решения вопроса» последнего.

Семён Ильич почти незаметно – для микроскопа – отработал головой «Есть!», и вышел в коридор. Если бы только Берия видел торжествующий блеск его глаз: сам того не желая, Лаврентий Палыч организовал разговор Браилова с прибывшими медиками тет-а-тет. Как минимум, создал для этого все условия.

Проводив новоприбывших в ванну, где они могли вымыть руки, Семён Ильич дождался, пока профессор Тареев первым вошёл в помещение, и закрыл за ним дверь.

– В чём дело?

Профессор Мясников и профессор Лукомский, ничего не понимая, обменялись встревоженными взглядами, после чего оба, почти одновременно, посмотрели на Браилова. Тематика разброса их мыслей была предельно широкой: от гипотезы на тему «нетрадиционных» наклонностей майора через покушение и до конфеданса.

– В чём дело, Семён Ильич?

Мясников, обратился к Браилову по имени-отчеству неспроста. Так же, как и Лукомский, он был хорошо знаком с Браиловым: несколько лет совместной работы в Лечсанупре, что-нибудь, да значат. Оба профессора успели оценить Браилова как высококлассного терапевта, одного из лучших специалистов учреждения. Их положительному отношению изрядно «порадела» и осведомлённость о некоторых эпизодах «медицинской» биографии Семёна Ильича: попасть под начало профессора Вернера – венец для очень многих.

– Я знаю вас обоих, как очень порядочных людей, – «перешёл в режим шёпота» Браилов. Спонсируя внимание, он даже огляделся по сторонам. – Поэтому я буду говорить с Вами предельно откровенно.

Оба врача сразу же насторожились, а Лукомский даже выдал пальцами качественную дрожь. Как и все высокопоставленные медики, «допущенные к телам», профессора, страсть, как не любили секреты: от них дурно пахло. И всегда в одну сторону: в сторону медиков.

– Вы должны в присутствии Берии, Маленкова и Хрущёва заявить о том, что у товарища Сталина – инсульт с кровоизлиянием в мозг на почве атеросклероза и гипертонии.

Браилов наклонился к самому уху Мясникова, так что Лукомскому пришлось согнуться в три погибели и «мобилизовать» все слуховые возможности для того, чтобы «заслушать инструкцию».

– Вы также должны определить у больного правосторонний паралич с потерей сознания и речи. Если вы к этому добавите, что у больного проявились тяжёлые нарушения деятельности сердца и дыхания, это также не будет лишним. Но самое главное...

Браилов «отклеил» губы от уха Мясникова, и многозначительно «доработал» указательным пальцем.

– ... Вы должны сказать Берии, что больной обречён.

«Пройдя инструктаж», Мясников изумлённо уставился на «инструктора». И изумление его было совсем не того свойства, на какое рассчитывал и к какому был готов Браилов.

– Что такое? – забеспокоился Семён Ильич. Лукомский усмехнулся.

– Да всё дело в том, уважаемый Семён Ильич, что не далее, как полчаса назад мы уже прослушали наставления, почти дословные Вашим!

– Берия? – не изумился Браилов: уже понял, да и некогда было.

– Он.

Семён Ильич покривил щекой, и покачал головой.

– Бывает же такое! Прямо единство и борьба противоположностей!

Теперь уже Мясникову и Лукомскому пришлось обменяться «свежей» порцией удивленных взглядов. Теперь уже они оказались не готовы к реакции бывшего коллеги. Но Лукомского озарение «постигло» чуть раньше. Правда, оно не приняло утвердительной формы, почему и облеклось в вопрос.

– Единство противоположностей? – доработал он бровями. – Вы хотите сказать, что...

– Да! – не стал «тянуть с выстрелом» Браилов. Но, поскольку Мясников не торопился с озарением, Семёну Ильичу пришлось вновь «перезарядить оружие». – Берия хочет смерти Хозяина – я хочу его жизни. Берия устроил встречу Хозяина с «курносой» – я помог Хозяину избежать встречи. Сталин вовсе не умирает, хотя до сих пор сказываются последствия интоксикации организма. Для устранения всех их понадобится время и длительное лечение. Но уже «в рабочем порядке».

Браилов внушительно посмотрел на застывших с округлившимися глазами профессоров.

– Для разоблачения «дружеских поползновений» Берии и его подельников мне нужна ваша помощь. Вы должны засвидетельствовать наличие у больного всего того, что и ожидает услышать от вас «дорогой Лаврентий Палыч». Уверяю: этим вы обрадуете не только его.

– Яд должен был дать картину кровоизлияния в мозг?

Голос Мясникова был сух и деловит: профессор уже «включился».

– Да.

– Мы готовы, – «подписался» за обоих Мясников. – А профессора Тареева мы сами «доведем до кондиции».

Он взглянул на часы.

– Однако, пора!

Браилов усмехнулся.

– Не думаю, что Лаврентий Палыч будет корить Вас за опоздание...

...Все три профессора деловито осматривали больного под бдительным оком изнывающего от нетерпения Лаврентия Палыча. Берия действительно изнывал и не скрывал этого. Едва ли не через каждую минуту он «разряжался раздражением»:

– Ну, что, что? Что скажете?

Наконец, любопытство его было удовлетворено. В точном соответствии с инструкциями Мясников объявил «приговор»: инсульт с кровоизлиянием в мозг.

– А ещё что? – продолжал допытываться Берия: видимо, ему недостаточно было столь лаконичного заключения. Он ждал «утешения» по полной программе – с «букетом» и даже «оранжереей».

Теперь уже Лукомский озвучил общую позицию насчёт паралича, нарушений работы сердца и дыхания. И лишь тогда Берия удовлетворённо перевёл дыхание. Примерно так, как на его месте сделал бы симпатизант Хозяина по получению информации о том, что кризис миновал. Лаврентию Палычу осталось теперь удостовериться в том, что «кризис миновал», но лишь в том смысле, что он уже «перешёл Рубикон», за которым Хозяину можно было со спокойным сердцем помахать белым платочком и передать его тело лодочнику Харону. Для доставки «по месту назначения».

– А жить он будет?

Голос, которым Лаврентий Палыч озвучил вопрос, не подходил не только для демонстрации сочувствия к человеку: он не годился даже для случаев из ветеринарной практики. Тут Берия, конечно, недоработал. Но его можно было, если не простить, то хотя бы понять: «сегодня жизнь моя решается: сегодня Нинка соглашается!»

Мясников очень натурально развёл руками и печально вздохнул.

– Обычно, в подобных случаях, руководствуясь соображениями врачебной этики, мы вынуждены говорить близким родственникам неправду: дескать, жить будет, но трудоспособность вернётся не скоро...

Если бы он видел в этот момент лицо «родственника»!

– Но собравшиеся здесь – не родственники и не кисейные барышни, а соратники товарища Сталина, его верные ученики и первые лица государства. Поэтому я скажу правду: товарищ Сталин обречён...

Как ни старался Берия, но с «оглашением приговора» он так и не смог «убиться взглядом»...

Глава шестая

Постепенно на дачу съехалось всё Политбюро. Ну, так, как в прежние времена дворяне съезжались на «приёмы»: в персональных экипажах и с личными кучерами. Поправка на время была несущественной: экипажи заменили авто, а кучеров водители. Но два других отличия были серьёзней. Первое: съезжались не на бал. Второе: съезжалось именно Политбюро, а не «свежеизбранный» Президиум ЦК. О «приёме» были оповещены лишь те лица, которые являлись членами руководящего органа до последнего съезда. Неофитов не было. За небольшим исключением в лице, точнее, в лицах, Сабурова, Первухина и Пономаренко.

И это было показательно. Настолько показательно, что даже Лозгачёв, далёкий от кремлёвских интриг человек, отметил про себя этот факт. Но уже без удивления: факт «удачно» вписывался в ту информацию, которой с ним поделился Браилов...

Анастас Микоян, обиженный на Хозяина за отстранение от участия в «чайных церемониях», глядел теперь на синюшное лицо Сталина без малейшего сострадания. И то: столько довелось перенести... без чая и дворцовых сплетен! По этой причине «форма соответствовала содержанию». То есть, взгляд не отделялся от убеждений, являясь всего лишь их выражением. Микоян не только смотрел без сострадания, но и не испытывал его. Теперь он мог не скрывать годами таившиеся «чувства» к вождю. Ему уже незачем было демонстрировать то, чего не было в наличии.

А вот «новому Хозяину» не мешало продемонстрировать не только своё «фэ» к «убывающему», но и свой замечательный язык, лакирующий поверхность начальственных сидилиц, куда почище разрекламированных химикатов. А всё потому, что человеком Анастас Иванович был до невероятности «гибким». «Бегущим в дождь между струйками» – в определении своих же «коллег по цеху». Иные называют это беспринципностью, но это уже вопрос терминологии, «индивидуального подхода» и субъективных взглядов на совесть. Как бы там ни было, но известный персонаж комедии Карло Гольдони – ну, тот самый: слуга двух господ – обязан был устыдиться своих скромных достижений. Ведь Анастас Иванович умудрялся служить не двум, а всем господам – и всем с одинаковым успехом.

Вот и теперь он всё больше тёрся возле Берии, преданно заглядывая в змеиные глазки «предбудущего вождя». На такие дела у Микояна был нюх служебной собаки. Правда, случались и незадачи, и Анастас Иванович не улавливал запах навоза, в который ему вскоре надлежало погрузиться, и совсем даже не ботинком. Но сейчас всё было за то, что он поставил на «верную лошадь».

– Похоже, отруководствовался наш вождь, – поделился он ядовитой усмешкой с ухом Берии. Тот поощрительно улыбнулся земляку-кавказцу. Он и раньше принимал от Микояна даже откровенный, нехудожественный подхалимаж. Ничего удивительного в доброжелательном отношении Берии к заискиваниям Анастаса Ивановича не было: как все сильные личности, тем паче, диктаторского типа, Лаврентий Палыч был «падок». На то, на что следует падать всегда предельно осторожно и предельно дозированно...

Булганин – неплохой человек, но не руководитель – жался к куда более деятельному Хрущёву. Тот был сегодня оживлён сверх обычного. И, если в отсутствие Берии Никита Сергеевич отработывал «вещью в себе», то с появлением Лаврентия Палыча он уже не таил себя, «вулкана». И оживление его не носило характера суматошного, лихорадочного, традиционно свойственного людям, на глазах у которых «уходит эпоха». Если у них в такие моменты надежда на чудо смешивалась с озабоченностью по части предстоящих траурных хлопот, то оживление Никиты Сергеевича было явно другого порядка. Оно носило, скорее, характер предстартовой лихорадки у спортсменов, когда всё поставлено на карту и через короткий промежуток вре-

мени всё должно решиться. Создавалось такое впечатление, что Никита Сергеевич ждал лишь команды – или наступления решающего момента – чтобы начать действовать.

Молотов и Каганович прибыли одновременно, но не вместе. Даже из разных мест: для того, чтобы прибыть «рука об руку», они «слишком сильно любили» друг друга. Но сейчас оба были едины в удручённости и даже горе. Оба не таили содержимого душ – по линии чувств, разумеется: дураков «заголяться по полной» в Кремле не держали. У Молотова даже кончики поседевших усов опустились книзу, а Каганович и вовсе не скрывал слёз. И слезы эти были проявлением искренних чувств, а не водой, текущей из глаз Булганина, потому, что «так положено».

Плакал и Ворошилов, которого известили в последнюю очередь. Может, плакал он, в том числе, и по этой причине тоже. После войны Климент Ефремович неуклонно выбывал, пока, наконец, не выбыл – и «ближний круг» стал для него дальним. Несбыточной мечтой, то есть. Сталин уже не считал нужным скрывать иронии в отношении «первого маршала». Да и тот немало постарался для этой трансформации взглядов, особенно, в начальный период войны. А ведь до войны они с Хозяином часто пели дуэтом. И в прямом, и в переносном смысле. У Климента Ефремовича был не только выдающийся политический нюх, но и, пусть небольшой, но приятный голос и неплохой слух. Да и мужик он был компанейский: мог, как говорится, и попеть, и «попить».

Если бы не война: как она подкосила доверие Хозяина к Клименту Ефремовичу! Одно дело – махать шашкой с трибуны, да ещё в мирное время. И совсем другое – руководить военным хозяйством в условиях систематического дискомфорта, создаваемого до неприличия умелым противником! Тут уже и «души прекрасные порывы» – первым в атаку – не помогали. Потому, что «где должен быть командир?» Вот, тот-то и оно...

А Климент Ефремович оказался не на месте. Или место оказалось не для Климента Ефремовича. А такие «несоответствия» производят нехорошее впечатление даже на собутыльника. И, ладно, если бы это был «несчастный случай», а то ведь практика бытия.

В конце концов, врага одолели и без руководящего начала Климента Ефремовича. Но «авторитет» – «в формате мнения» – был уже создан. Как результат, в последние годы его «мастерство» и услуги по части «организации досуга» Хозяину уже не требовались. А работать, как до войны, хотя бы в плане одного лишь энтузиазма, Ворошилов, которому уже пошёл восьмой десяток, больше не мог. Сталин же теперь нуждался не в собутыльниках, и даже не в соратниках, а в сотрудниках. То есть, в людях дела. Таких, например, как Сабуров и Первухин, которые хорошо проявили себя в войну, и теперь стремительно приближались к заветному «кругу».

И плакал-то Ворошилов, больше глядя не на лежащего с синюшным лицом Хозяина, а на Берию, стоящего в позе монумента и демонстрирующего величественность напополам с торжеством. И смотрел на него «первый маршал» откровенно заискивающим взглядом. «Зарабатывал на дожитие», что ли?

Вскоре – по распоряжению Берии – привезли Светлану, дочь Сталина. Она была настолько подавлена как зрелищем, так и действием, что оказалась неспособна ни на текст, ни на эмоции. Она лишь неподвижно сидела с окаменевшим лицом, и невидящими глазами смотрела на тело отца. Лишь изредка, словно очнувшись от забытья, она начинала гладить его по сухой горячей руке, хотя бы «на дорожку» вспомнив о статусе дочери.

Булганин – добряга «по жизни» – не выдержал испытания чувством. Обняв Светлану за плечи, он начал гладить её по голове, говорить какие-то слова, и, в конце концов, под впечатлением собственных речей, неожиданно расплакался сам, так и не выжав ни единой слезинки из глаз Светланы. При взгляде на этот «обратный результат» Берия имел законное право матернуться хотя бы про себя: вот и поручай таким «профилактическую работу с объектом»!

Появилась новая бригада врачей. Они привезли какой-то громоздкий аппарат, долго пытались его хотя бы включить, долго шёпотом матерились, но всё вхолостую: и пытались,

и матерились. Ничего не получалось: аппарат был новый, импортный, ни разу ещё не побывавший в деле. Словом, как сказал бы один товарищ, «дело это для нас – новое, неосвоенное». В итоге никто так и не понял, какое именно чудо они хотели сотворить с помощью этого «чуда техники». Если отработать за Иисуса Христа – по линии оживления – то это вряд ли. Пределом их мечтаний могло быть только одно: произвести впечатление на Берия. И они его произвели, и, как раз, приятное: аппарат не включился.

В конце концов, медики утомились, и с одного бесполезного занятия переключились на другое: начали «лепить»... нет, «не «горбатого»: пиявки на затылок Хозяину. Предварительно они заручились согласием трио Мясников-Лукомский-Тареев, а те, в свою очередь – согласием майора Браилова. Для этого потребовался лишь обмен взглядами: со стороны профессоров – вопросительными, со стороны Браилова – утвердительным.

Берия был настолько увлечён демонстрацией величия, что, по счастью, не обратил внимания на эти переглядывания. Хотя, даже в случае «обнаружения», ничего «предъявить по линии заговора» он не мог: не имел оснований. Для него не было секретом то, что профессора несколько лет работали вместе с Браиловым. И, тем не менее, давать Лаврентию Палычу лишний повод для подозрений было ни к чему. Особенно сейчас. А то ведь возьмёт и пустит в работу. Вместе с источником. За Берией «не заржавеет».

Получив «запрос» от коллег, Семён Ильич согласился, не раздумывая: в подобных случаях пиявки, хоть и бесполезны, но совершенно безвредны. А имитировать кипучую деятельность было важно и нужно: Берия должен был видеть, что события развиваются в точном соответствии с его планами, и ни на минуту не усомниться в подлинности усилий врачей.

– Сколько ему осталось?

Участники «монтажа» пиявок на мгновение оторвались от работы. На лицах медиков дружно, как по команде, отобразилось недоумение и даже страх. «Ему»? Разве так можно говорить о Хозяине? И действительно, голос, которым Берия озвучил вопрос, был не только далёк от сострадания: Это был голос «заведующего дыбой», интересующегося лишь в силу производственной необходимости. Не заметить это не могли даже рядовые «лекари от пиявок».

– Сколько ему осталось? – раздражённо повысил голос Берия, уставившись теперь на одного Мясникова. Лаврентий Палыч настолько вошёл в образ преемника, что ему уже было не до выбора слов, тем более, на конкурсной основе. Он рвался на трон, и лишние куртуазности были бы... только лишними куртуазностями.

Мясников пожал плечами.

– Трудно сказать... Кровоизлияние, судя по видимым последствиям – обширное... Организм сильно изношен... К тому же, возраст...

– Сколько?! – не снёс «высоконаучных надругательств» Берия. Мясников «профессионально» задумался.

– ...Думаю, что сутки... Максимум, двое...

Берия посмотрел на часы. В этот момент неожиданно затрещал телефонный звонок. Трубку поднял Хрусталёв. О чём он говорил, не было слышно, но вскоре он подошёл к Берии, и зашептал тому на ухо, оглядываясь зачем-то на телефонный аппарат.

– Посылай всех к чёртовой матери! – хорошим, таким, рёвом, порекомендовал Лаврентий Палыч. Он уже не обращал внимания ни на момент, ни на уместность либо неуместность подобного тона.

Грохоча от усердия сапогами, Хрусталёв ринулся к телефону, но тут ему в спину донеслось:

– Постой: я сам их «пошлю»!

В отличие от Хрусталёва, Лаврентий Палыч был очень даже слышен.

– Ты, лекарь хренов! – загремел в коридоре его резкий голос. – Если ты ещё раз сунешься со своими рецептами, я прикажу стереть тебя в лагерную пыль! самого мелкого помола! Ты понял меня, эскулап собачий! Пилюлькин, мать твою!

Вскоре он вернулся, и, обращаясь к одному Маленкову, но так, чтобы слышали все остальные, громко сказал:

– Звонят всякие шарлатаны! Лезут со своими знахарскими снадобьями! Все рвутся спасти этого «дорогого вождя»!

Столько яда и презрения было в голосе Берии, что Браилов испугался, как бы Хозяин не выдал себя прежде времени. Но Иосиф Виссарионович оказался дисциплинированным соучастником «контрреволюции». Он, если и покривил лицом, то в общем «контексте» страдальческой мимики это было большей частью незаметно, а меньшей – естественно.

Из района входных дверей донёсся какой-то неясный шум. Спустя мгновение он «прояснился». В зал вломился в генеральской шинели нараспашку Василий Иосифович – сын Иосифа Виссарионовича. Был он, как всегда пьян, а дополнительно к этому ещё и практически невменяем.

Во всяком случае, полубезумный взгляд его бешено вращающихся глаз не давал ни малейших оснований усомниться в верности такого предположения. Применительно к Василию Иосифовичу другого и быть не могло.

– Не уберегли, сволочи! – не успев ещё толком ввалиться в дверной проём, аттестовал он соратников, а заодно и «поздоровался». – Сгубили отца, гады!

Булганин, потерпевший фиаско в деле утешения Светланы, решил «попытать счастья» ещё раз.

– Что ты, Васенька? – испуганно запричитал он, хватая генерала ВВС за рукав шинели. – Что ты, родной?

Испуг его имел под собой основания: так отозваться о «самих» Лаврентий Палыче?! Ну, ладно, о нём, или, там, о Хрущёве: и не такое сносили, но о Берии?!

Василий Иосифович внезапно оборвал крик, на мгновение остолбенел, словно определяя принадлежность руки, а затем – видимо, определил – резко стряхнул руку Булганина с плеча и добавил вращения глазам:

– Я тебе не Васенька-Петенька! Я – Василий Иосифович, сын Иосифа Виссарионовича! Слышишь, ты, маршал хренов?

В этот момент он вдруг увидел отрабатывающую маятником Светлану, и кинулся ей на грудь.

– Света! Родная! Отца погубили! Сгубили, сволочи, отца!

Совершенно безумными глазами он обвёл находившихся в комнате, словно выбирая жертву своего внимания – и остановился взглядом на Берии.

– Это – заговор... Заговор... Отца убили... Я докажу... Я всех выведу на чистую воду... Всех выведу... Всех...

Берия спокойно поковырялся спичкой в зубах, и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

– Хрусталёв, выведи его пока одного... хотя бы на кухню. А то он не даст больному и умереть спокойно!

Это настолько отрезвляюще подействовало на Василия, что он пришёл в себя, всхлипнул и даже не оказал сопротивления Хрусталёву, когда тот бережно взял его под руку, и повёл к выходу, по пути обдавая лаской и уважением:

– Василий Иосифович, пойдём ко мне в апартаменты: я дам Вам лекарство...

Уважение в такой форме Василий принимал всегда, даже от нижестоящих холуёв. Когда они с Хрусталёвым растворились в просторах коридора, Берия опять взглянул на часы.

– Значит, говорите: сутки, максимум, двое?..

Он на мгновение задумался.

– Тогда нам нужно установить посменное дежурство у ложа больного.

Он покосился на Сталина – и в очередной раз «лягнул» его:

– Лежит тут, сволочь, а мы должны вокруг на цырлах ходить!

Лицо Булганина, никогда не отличавшегося особой храбростью, помертвело от ужаса. Текста он не дал, да и не собирался. А вот Молотов мертвецки не стал, и на слова не поскупился:

– Не рано ли радуешься, Лаврентий?

Его неожиданно поддержал и Каганович. Хотя, вряд ли неожиданно: он на дух не выносил Берию – и всё это в формате «я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Лазарю Моисеевичу ничего, кроме отставки, и то в лучшем случае, при Берии не светило, поэтому и ничто не мешало ему «перейти Рубикон».

– И это говоришь ты? Ты, который Сталину задницу облизывал?! Ну, и сволочь же ты, Лаврентий! Не боишься немощного Сталина, так хотя бы Бога побоялся!

Ни для кого из присутствующих не являлось секретом, что убежденнее и преданнее сталиниста, чем Каганович, в руководстве партии не было. Сейчас он лишний раз продемонстрировал это, да ещё в таких «стратегически невыгодных условиях». С одной стороны – честь и хвала, а с другой «безумству храбрых поём мы песню».

Берия к афронту неожиданной, хотя и вполне ожидаемой, оппозиции Молотова и Кагановича отнёсся спокойно. Не философски, но и без скрежета зубов.

– Вы все ещё благодарить меня будете...

Он не договорил и лишь презрительно скривил губы, с «глубоким чувством» глядя на распростёртое тело Хозяина. За что его должны были благодарить «все», пояснять он не стал. Хотя, понять его было нетрудно, даже не прилагая особого старания к тому. А так как дураков здесь не было, то поняли все. И именно так, как того желал Лаврентий Палыч.

– Дежури по парам, – спокойно и деловито продолжил Берия, словно не было только что «товарищеского обмена мнениями по наиболее острым вопросам двусторонних отношений». – Вячеслав и Лазарь...

Он усмехнулся, иронически покосившись на Молотова и Кагановича.

– ... составят первую пару: они как раз – «два сапога»... валенки...

Молотов, славящийся непревзойдённым умением «отсутствовать лицом» в любой ситуации, лишь холодно блеснул стёклами пенсне. Каганович совсем уже собрался «взорваться», но в последний момент передумал, и лишь вполголоса обматерил Берию. Напрасно старался: с тем же результатом мог и в полный голос. По причине отсутствия результата: горох о стенку. Или о броневой лист и «железного Феликса» «в одной упаковке».

– Итак, значит, первая пара: Молотов-Каганович. Они дежурят первыми. Продолжительность смены – два часа. Потом заступают другие.

Известный дотошностью в делах, и не только до тошноты у «объекта работы», Берия сделал быструю запись в карманном блокноте. Даже мелкий бисер его почерка словно подчёркивал деловые и канцелярские таланты хозяина.

– Никита и ты, Николай...

Не поднимая глаз, Берия кивнул в сторону Булганина, который тут же вскочил на ноги, и с готовностью закивал головой.

– ... меняете Вячеслава и Лазаря. Вас сменят Сабуров и Первухин. Их – Ворошилов и...

Берия поднял глаза на маршала.

– Клим, ты с кем хочешь дежурить?

Ворошилов растерянно огляделся, и заметил скорбящего за столом Андреева.

– Андрей Андреевич, будешь дежурить со мной?

Никакой реакции: Андреев – и об этом Сталин даже сказал на Пленуме ЦК по окончании Девятнадцатого съезда – после тяжёлой болезни оглох и почти ничего не слышал.

Берия тронул его рукой за плечо. Андреев вздрогнул и слезящимися глазами посмотрел снизу вверх. Он – и это также не составляло никакого секрета – по части сталинистских убеждений в Политбюро уступал, разве что Кагановичу. Так сказать, был вице-чемпионом по верности линии. Поэтому и горе его было искренним, не театральным.

– Андрей, с Ворошиловым подежуришь? – чуть ли не в самое ухо ему закричал Берия. Андреев обронил голову – и вернулся к слезам.

Берия насмешливо хмыкнул – и тоже вернулся: к своим записям.

– Так, значит, Ворошилов дежурит с Андреевым...

Он ещё несколько раз черкнул пером и захлопнул блокнот.

– Ну, и мы с Егором...

Он весело подмигнул Маленкову, лицо которого также не расточало скорби в связи с происходящими событиями.

– ... замыкаем эту процессию.

Лаврентий Палыч хохотнул: сравнение очередности дежурства и процессии – конечно же, траурной – показалось ему оригинальным в своей «недвусмысленной двусмысленности».

– Что касается медицины, то врачи будут работать в обычном для таких случаев режиме: спать – здесь, есть – здесь, отправлять естественные надобности – тоже здесь.

Под одобрительные усмешки Маленкова и Хрущёва Берия опять хохотнул: он буквально упивался моментом своего руководства, не хуже того киношного Бывалова – героя Игоря Ильинского.

Но веселился Берия недолго. Он был человеком дела, и, даже если час потехи растягивался на сутки, то он всё равно заканчивался делом, которому время отводилось уже в точном соответствии с поговоркой. В несопоставимых объёмах, то есть.

– Медики должны быть готовы в любой момент подстраховать дежурную пару, и, в случае чего, прийти ей на помощь. Ну, чтобы смерть этого «вождя» произошла на глаза у специалистов. А то будут потом всякие, там... «плести», невесть, что о нашем дежурстве...

Лаврентий Палыч своеобразно понимал «готовность прийти на помощь» дежурной паре, и не только не скрывал, но и специально подчёркивал это.

– Всё понятно?

Никто из присутствующих либо не отважился не понять, либо понял даже больше, чем было сказано. Общее единодушие тут же позволило Берии принять очередную величественную позу. Никем не уполномоченный, он командовал здесь так, словно был уже «облечён» под единодушное одобрение, бурные аплодисменты, переходящие в овацию и даже «Ура!».

Никто и не пытался его «попросить» с места, на которое он сам себя определил. Кто-то уже подстраивался под нового вождя, кто-то выгадывал, а кто-то берёт силы «на потом».

– Тогда – Вячеслав! Лазарь!

Берия по очереди полыхнул стёклами пенсне в Молотова и Кагановича.

– Заступайте! Все остальные – по рабочим местам!

Вскоре на даче стало заметно тише: очень, уж, шумно входил во власть Лаврентий Палыч...

Глава седьмая

... – Похоже, что конец близок, – в очередной раз обрадовал Берия профессор Мясников, и обречённо уронил руки. Раз действительно был очередным: Лаврентий Палыч, хоть и установил дежурство, но каждые четыре часа лично навывался на дачу, чтобы убедиться «в надлежащем» развитии болезни. Заслушав Мясникова, он торжественно щёлкнул пальцами.

– Тогда мы с Георгием немедленно меняем дежурных! Кто там сейчас у ложа этого... больного?

Мясникову, человеку исключительно порядочному, медику до мозга костей, был невыносим такой цинизм в адрес больного. Для него больной, кем бы он ни был, всегда оставался, прежде всего, больным. Но «выносить невыносимое» сейчас пришлось вдвойне: и потому что – Берия, и потому что следовало отработать роль по сценарию в точности до последней запятой.

А это полностью исключало отсебятину, хоть в словах, хоть в чувствах.

– Товарищи Андреев и Ворошилов. Они заступили полчаса назад.

– Мы с Маленковым освобождаем их от этой неприятной миссии! – «подставил плечо под ношу» Берия. – Пусть отдохнут!

Он энергично подошёл к телефону, и набрал номер.

– Георгий? Я. Немедленно приезжай: пора!

Через полчаса Маленков, располневший не столько в силу природной склонности к полноте, сколько по причине неумеренности в еде и пренебрежения к физкультуре, шумно отдуваясь, ввалился в зал.

– Ну?!

Не скрывая ликования, Берия заключил друга в объятия.

– Только что меня обнадежил врач!

– ???

– Конец близок! Понимаешь: конец!

Восторг Лаврентия Палыча испарился ещё по дороге: Маленков «не соответствовал» моменту. Он, если и исполнился энтузиазма, то очень уж, как-то буднично и лаконично. Да и то, больше в себе – так, словно не спешил разделять торжества друга. Восторгнувшись больше для порядка – Лаврентий трудился ведь, старался обрадовать – он тут же подошёл к дивану, на котором лежал Хозяин, и склонился над «объектом».

– Что? – не выдержал Берия.

Маленков с сомнением покачал головой.

– Что-то непохоже, что он «отбывает»... Как огурчик, гад...

Берия взорвался.

– Какой, на хрен, «огурчик»?! Что ты несёшь?! Ты посмотри внимательней: весь синий, как баклажан, еле дышит, хрипит! Чего тебе ещё надо?!

Маленков опять повёл головой, по пути тряся жирным отвислым подбородком «номер два».

– Хрипит что-то не очень активно... По симптомам он должен сейчас буквально задыхаться...

Берия не выдержал, и щёлкнул пальцами:

– Доктор, подойдите сюда!

Мясников приблизился к «вождям».

– Профессор, Вы только что сказали мне, что этот...

Кивком головы он обозначил «этого».

– ... уже кончается! На чём Вы основываетесь, делая такой вывод? Я спрашиваю Вас потому, что вот мой друг...

И он ткнул мясистым пальцем в толстое брюхо Маленкова.

– ... считает Ваш вывод преждевременным.

Мясников вспыхнул, и не только от ущемления профессионального самолюбия: так полагось «по инструкции».

– Ваш друг понимает в медицине больше меня?

Дорабатывая образ, он полоснул раскалённым взглядом по поросёчкам глазкам Маленкова. Георгий Максимилианович не ожидал такого афронта: «по сюжету и должностной инструкции» профессору сейчас надлежало бормотать что-то нечленораздельное. Оправдываться, словом. А вместо этого тот «перешёл в контрнаступление по всем фронтам». Матерков и огнедышащего взгляда по этой причине Маленков не заготовил, вот и пришлось ограничиться одним лишь неопределённым движением плечами.

– Я ведь не считаю себя крупным специалистом в вопросах управления государством!

Мясников, не скупясь, «приправил» текст вполне достоверной обидой и запальчивостью. Он уже понял, что «первый раунд» остался за ним. Победу, хоть и промежуточную, тактического характера, следовало закрепить парой «апперкотов» «на дорожку». Для верности.

– И какие у вас есть основания для того, чтобы ставить под сомнение мой диагноз?

На место Маленкова, опять выказавшего неготовность к активному противодействию, заступил Берия. Заступил без «боеприпасов», но и без «белого флага» тоже.

– Не горячитесь, товарищ Мясников. Никто не ставит под сомнение Вашу компетентность. Просто Георгий... Максимилианович по некоторым ...внешним признакам усомнился... скажем так... в скорой... м...м...м... исходе болезни...

– Например? – усмехнулся профессор.

– Например, товарищ Маленков считает, что у этого... хм... больного не слишком выразительный хрип. Кроме того, Георгий Максимилианович считает, что этот... хм... больной... недостаточно активно задыхается. И вообще... что он недостаточно синий!

Несмотря на явно не располагающую к веселью обстановку, Мясников не мог не улыбнуться. Дилетантизм – всегда замечательный повод для смеха. Замечательный в своей универсальности – и универсальный в своей замечательности. А дилетантизм «сторонних лиц» в медицине во многом сродни графоманству не менее «сторонних лиц» в литературе.

– Да-а-а, – медленно протянул он, так, словно растягивал удовольствие. – Замечательный эпикриз.

– Простите? – заодно и не понял Берия.

– Эпикриз. Ну, проще говоря, описание внешних признаков заболевания. Ваш друг...

Он иронически покосился на Маленкова, лицо которого немедленно обрело надменное выражение: а чем «достойным» он ещё мог ответить на бестактный выпад этого «выходца из племени яйцеголовых»? Правда, полумонаршая надменность отчего-то не смутила профессора, и он закончил «в русле начатого»:

– ... своеобразно подошёл к вопросу.

– Ближе к делу, профессор!

Берия постучал по спинке дивана, как по трибуне, словно призывая Мясникова к ответственности. Хорошо ещё, что пока не к ответу. Хотя, зная Лаврентия Палыча, можно было не сомневаться в том, что и это «не заржавеет». Ведь «по делам вашим судимы будете». А восклицание «А судьи кто?» и вовсе представлялось бы неуместным. Потому что воздаяние за добрые дела – исключительная привилегия недобрых заказчиков. И Мясников мог не сомневаться: лозунг «никто не забыт, и ничто не забыто» – достояние не одних юных следопытов. Всем достанется. А ему, уж, обязательно.

Следовало «исполниться ответственности», и он так и сделал.

– Недостаточно синий, говорите? А Вы обратили внимание, что синюшность уже переходит в черноту?

Берия наклонился над «экспонатом».

– Да, пожалуй.

– Это свидетельствует о том, что идут необратимые процессы в работе сердца и органов дыхания. То есть, кровь в явно недостаточном количестве поступает к лёгким, вентиляция их – ну, удаление углекислого газа и насыщение кислородом из крови – замедляется... Нарастает угнетение дыхания...

В этот момент Сталин задыхался громко и часто. Это случилось так неожиданно и неприятно, что Мясников не на шутку перепугался. Он ведь не знал, что данное угнетение дыхания является следствием не кровоизлияния в мозг, а исключительно простуды. Пару дней назад Хозяин после бани «перебрал» свежего воздуха, традиционно поживая на открытой веранде в своей «боевой» дохе.

Но не зря говорится: всё, что ни делается – к лучшему! И это «всё», или часть его, было не только неожиданно, но и к стати: Сталин невольно иллюстрировал слова профессора о «безнадёжности» своего положения.

– Вот!

Быстро просчитав ситуацию, Мясников, едва ли не радостно, указал пальцем на «правильно умирающего» Хозяина. Так, словно предъявляя доказательство своей правоты. Довод оказался убойным – и Берия опять пришёл в возбуждение, и опять в радостное: приближалось время «ч».

И прежде далёкое от трагического, его «мироощущение» уже начало переходить в ликование.

– Убедительно! – амнистировал он профессора, как минимум, до конца траурных мероприятий. Хотя, скорее всего, этот минимум оказался бы заодно и максимумом. Для того чтобы думать иначе, нужно было совершенно не знать Лаврентия Палыча. Те, кто его «не знал таким», то есть, «знал с неправильной стороны», давно уже «не значились в списках». По причине более тесного знакомства.

Не снимая с лица восторга – не снимался уже – Берия обернулся к Маленкову:

– Видел, Фома неверующий?

Тот шутливо поднял руки вверх.

– И вообще...

Дорабатывая роль, Мясников решил, что настало время «подать десерт».

– Самая впечатляющая картина впереди, непосредственно перед финалом, буквально за несколько минут до него. Так что, Вы сможете налюбоваться ещё и угнетением дыхания, и почерневшими кожными покровами, и всеми иными «прелестями» «ухода». Момент будет растянут по времени, и даже те, кто опоздает к началу, ничего не потеряют: увидят «в повторе».

Берия был настолько обнадёжен профессором и настолько впечатлён картиной «заката», что уже не мог не выйти с ответным словом.

– Я доволен Вашим усердием, профессор.

Он протянул одну руку Мясникову для пожатия, а другой снисходительно «обработал» профессора по плечу.

– Можете не сомневаться в том, что я этого Вам не забуду.

Если профессор до этого ещё сомневался «на свой счёт», то после этого перестал. Но обижаться ему было не на что. Всё было честно: мавр сделал своё дело, а заказчик принял на себя обязанности по обеспечению его ухода. И не упрекнёшь ведь заказчика в чересчур вольном толковании «инструкции»: даже первоисточник не расшифровывает глагол «уходить». Профессору осталось лишь судорожно дёрнуть кадыком, и надеяться на то, что и у Нострадамуса сбывались далеко не все прогнозы. Правда, в данном случае дело осложнялось тем, что прогнозист и исполнитель выступали в одном лице.

– А сейчас оставьте нас.

Берия глазами показал Мясникову на дверь – и профессор не заставил Лаврентия Палыча делать это дважды.

– Садись, Егор!

Берия энергично подтянул к себе венский стул, и звучно шлёпнул мясистой ладонью по сиденью. Маленков грузно опустил раздобревший зад на твёрдое лакированное дерево.

– Итак, как говорят военные: время «ч»!

Сейчас в Берии ликовал не только голос, но и каждый атом его существа. Да и как иначе: «этот день мы приближали, как могли!».

– Люди уже готовы: вчера к полуночи завезли последних. Кворум для Пленума имеется!

Да, Берия не только от избытка эмоций кричал: «Хрусталёв: машину!» Получив завешения врачей в безнадежности положения Сталина, он тут же начал сбор членов и кандидатов в члены ЦК для проведения внеочередного Пленума. Благодаря своим организаторским талантам, а таковые он проявлял не только в «подвальных» этажах Лубянки, Лаврентий Палыч сумел в считанные часы организовать и оповещение, и доставку в Москву нужных ему людей. В средствах он не стеснялся – средства-то государственные – потому и подключил военно-транспортную авиацию. Уже к двадцати трём часам вечера четвёртого марта кворум для признания легитимности Пленума был обеспечен.

– Сейчас берём «ксиву» с заключением врачей о том, что этот подонок...

Берия едва не плюнул на хрипящего Сталина, но в последний момент ограничился взглядом «аналогичного наполнения».

– ... издыхает... все профессора его подписывают, ставят штампель Лечсанупра – и ты мухой летишь в Кремль. С собой берёшь Никиту, и вы вдвоём начинаете!

– Без тебя?! – треснул не только стулом, но и голосом Маленков.

Берия «вынырнул» из-за стёкол пенсне, и «оценил» «мужество» соратника надлежащим образом: не поспешил на усмешку.

– Что ты трясёшься, как овечий хвост? Надо же кому-то дождаться финала этой сволочи?! Ну, чтобы... гарантированно: от этого чёрта всего можно ожидать! Чтобы, как в песне: «мы сами, родимый, закрыли орлиные очи твои». Чтобы он уже не смог их открыть! Ход событий надо держать под контролем, а кому доверишь, если нас в деле всего трое: ты, я да Никита?! Булганин и Игнатъев – не в счёт: «подай-принеси!»! Хрусталёв – парень хороший, и как тот юный пионер, «всегда готов!», хоть с револьвером, хоть с цианидом! Но – холоп. Солдафон и холоп. Ну, убедил?

Если Берия в чём и убедил Маленкова, то лишь в соответствии данным им характеристик действительности. Что же до вопроса «оставления на царстве», да ещё с перспективой «ударения в штывки», Георгий Максимилианович сделал всё возможное для того, чтобы не понять, как можно убедительней.

– Да вы только начните! – «рванул из колоды последний козырь» Берия. – А я, как управлюсь, так сразу же и подъеду! Понял?

Маленков ушёл глазами, но на этот раз не понять он не смог. Потому что уже его не понял бы Берия. А непонимание Берии в такой ситуации было чревато для «источника непонимания». Начинать первым Маленков не хотел, потому что боялся. Боялся ответственности, которая вполне могла перейти в призвание к ответу. Но ещё больше он боялся оставаться здесь. Ведь там были свои – на «чужих» Берия не стал тратить, пусть и не из своего кармана. А здесь – «волк» на «волке». Чуть зазеваешься – и ты уже звено в пищевой цепочке. «Нормальные отношения между товарищами по партии», но лишь в том случае, если ты – хищник.

Был и ещё один момент в пользу «убывания»: толстая записная книжка в нагрудном кармане френча Берии. При одном только взгляде на перечень дел, которые нужно было свершить за сегодня-максимум завтра, Георгию Максимилиановичу становилось плохо. А ведь Лаврентий писал для работы, а не для истории! Он намеревался сделать это! Недаром же одним

из любимых его выражений – после нецензурных – было: «глаза боятся, а руки делают!» И говорил он это не только на Лубянке, где «ниже уровня пола» руки его, много чего делали, и много, с кем.

– Я готов, – оценив «плюсы» и «минусы», выбрал наиболее шадящую капитуляцию Маленков.

– Молодец, Георгий! – одобрил его Берия основательным шлепком по жирному плечу. В следующее мгновение он уже переключился на медиков: у этого человека всегда находилось дело, если не для себя, то для кого-нибудь. Уточнение – только по линии исполнения: выгодополучателем во всех, без исключения случаях, являлся исключительно Лаврентий Палыч.

– Профессор: на минутку!

Осторожно, как фарфоровую вазу, неся достоинство врача и человека, Мясников подошёл к Берии.

– Давайте сюда всю команду!

Профессор «не соответствовал» – и Берия, не привыкший к тому, чтобы его приказы больше, чем на секунду, задерживались непониманием, не говоря уже об исполнении, раздражённо уточнил:

– Лукомского и Тареева!

Когда профессор, хоть и не мухой, но и без прежней степенности, исчез за дверями, Берия повернулся к Маленкову.

– А теперь я созвонюсь с командиром полка внутренних войск, расквартированного в Лефортовских казармах!

– ??? – дрогнул всем, что только могло в нём дрожать, Маленков. А как иначе: исторический момент! Да, ладно, исторический: личный! Потому, что обратной дороги нет. Только вперёд: либо к трону, либо на эшафот!

– Пусть уже подтягиваются к Кремлю! – в очередной раз «приговорил» друга Берия. – И надо срочно вводить в город дивизию корпуса внутренних войск имени меня, любимого...

Лаврентий Палыч усмехнулся. При всех неисчислимых «минусах», этот человек имел несколько, вполне «исчислимых», «плюсов». Как ни удивительно для непосвященного, но это был культурный, образованный человек с острым, аналитического склада, ироническим умом: редкость для любого времени. Надо отдать ему должное: он обладал талантами не только по части «стирания в лагерную пыль». Интересы Лаврентия Палыча не ограничивались одними лишь «заплечными делами». Например, он был сведущ в архитектуре. В Москве даже было построено несколько зданий по его проектам. И это были действительно его проекты, а не составленные «невольниками от архитектуры», которые он лишь милостиво удостоил персонального автографа.

Он любил классическую музыку и хорошую книгу – не в пример мужиковатому Хрущёву, который тоже кое-что любил, но это «кое-что» ограничивалось салом и гопаком. Берия покровительствовал, и нередко «без задних мыслей», деятелям искусства. А, если кого из представителей «слабого пола» он и осчастливливал своим вниманием, то после «акта осчастливливания» объект внимания мог заявить претензии лишь на однократность акта. Словом, это был человек яркий и незаурядный, по сумме талантов, как служебного, так и внеслужебного толка, явно превосходящий всех остальных соратников Хозяина...

Информация о дивизии вынудила Маленкова ещё раз мужественно задрожать. Но он уже мог не опасаться за своё реноме: Берия ушёл. Пусть даже пока только в себя. Вошёл в образ – по типу того, кто «стоял он, дум высоких полн, и вдаль глядел». Берия тоже глядел. В близкую даль: в пределах двух-трёх дней, когда всё должно было случиться. И не в формате стихийного бедствия, а в точном соответствии с планом. С его планом.

– ... Хорошо ещё, что удалось своевременно передислоцировать дивизию в ближнее Подмосковье.

Маленков дёрнул щекой: Берия даже в себе не мог находиться достаточно долго для того, чтобы дать визави шанс прийти в себя от предшествующего «явления Лаврентия Палыча». Но Берии было не до переживаний, тем более, не своих, а Маленкова: «шампанское откупорено» и «труба зовёт». Со всеми вытекающими последствиями в обоих случаях. Пришлось Георгию Максимилиановичу включиться.

– Как удалось?

Губы Берии растянулись в неподражаемо-ядовитой ухмылке.

– Этому извергу наплели, что происходит... хм... плановая ротация войск. Теперь она – в нескольких часах хода от Кремля...

Глава восьмая

Ведомые Мясниковым, Лукомский и Тареев вошли в залу. Берия глазами показал Мясникову на стул.

– Садитесь, профессор, и пишите.

В следующий момент на столе перед доктором оказались чистый лист бумаги и «вечное перо», как иронически называл Берия автоматическую поршневую ручку, подаренную ему Микояном, не так давно побывавшим с визитом в Вашингтоне.

– Что писать? – почему-то откашлялся Мясников, так, словно ему предстояло держать не письменную, а устную речь.

Берия на мгновение задумался.

– Ну, пишите, что с такого-то по такое время мы – укажите регалии всех троих – наблюдали больного такого-то, который по информации таких-то лиц был обнаружен там-то и тогда-то в таком-то состоянии. Обследованием больного установлено, что...

Берия развёл руками, и почти благожелательно улыбнулся.

– ...Ну, и далее опишите всё, что установлено, а также то, какие меры лечения принимались. Да, особенно отметьте то обстоятельство, что вы все, единогласно, пришли к заключению о причине заболевания больного: кровоизлияние в мозг... ну, и всё такое прочее из вашего ассортимента. Не забудьте указать, что лечение производилось... как это вы, там, говорите?

– Симптоматическое? – спросил-подсказал Мясников.

– Вот-вот: симптоматическое! – удовлетворился и подсказкой, и характером лечения Берия. – И не забудьте отметить прогрессирующий характер течения болезни и необратимый характер изменений в организме больного. И самое главное...

Берия по очереди расстрелял взглядом всех троих профессоров. Судя по матовой бледности кожных покровов их лиц, он не промахнулся.

– ... Вы должны в заключение отметить то, что надежд на выздоровление этого гада... товарища Сталина... нет никаких, что он обречён, и финал... нет, это будет не вполне уважительно к этому негодяю, не заслуживающему никакого уважения! Лучше – так: и смерть его – дело ближайших двух... нет, двух нам не хватит: нескольких часов... А для самых твердых напишите, что агония уже началась!

Берия и Маленков, увлечённые один – дачей наставлений, другой – очередным погружением в себя, и не заметили, как Сталин проснулся. Снотворное оказалось дозированным на удивление точно. Хотя, удивляться тут было нечему: дозировал профессионал, как по части лечения, так и «совсем даже наоборот».

Увидев Берия и услышав его эпитеты в свой адрес, Сталин медленно прикрыл глаза. Так, словно получил искомое. Но перед этим, годами натренированным боковым зрением, ибо в политике нельзя смотреть только перед собой: кругом – «одни друзья», он успел заметить мелькнувшую в приоткрытых дверях фигуру Браилова.

– Ну, вы тут сочиняйте свою эпистолау...

Берия всё больше входил в роль нового «кормчего».

– ... а я займусь неотложными делами. Ведь нам теперь предстоит очень много сделать для того, чтобы преодолеть творческое наследие «дорогого вождя»! Да, дядя: натворил дел! Долго нам ещё будет аукаться твоё руководство, «верный ученик» своего «учителя»!

После таких крамольных речей – хорошо ещё, если в «первого сокола» только рикошетом! – не побледнеть было невозможно. Всем – не только медикам, но и соратнику Маленкову. И все побледнели, как положено. Однако это не смутило Лаврентия Палыча, и он продолжил разворачивать тезис:

– Не зря говорится: «яблочко от яблоньки...» Два сапога – валенки! Один другого стоит! Экспериментаторы хреновы! А народу не нужны заоблачные идеи: нашему Ваньке – лишь бы гроши, да харч хороший!

Он не удержался – и сплюнул, таки, на ковёр. В формате «метил в Сталина – и попал в Сталина». А ковёр – это, так: аллегорический посредник. Передаточное звено: от себя – Иосифу Виссарионычу. Напоследок одарив Сталина ещё одним «любящим» взглядом, Берия решительно поднялся со стула, и столь же решительным шагом направился к двери. На середине пути, ещё ступая по мягкому ворсу персидского ковра, он неожиданно остановился, и хлопнул себя ладонью по лбу.

– Чёрт, я же забыл попрощаться с «великим вождём»! А то вернусь, а он уже окочился! Всю жизнь ведь буду корить себя за то, что пропустил лучший момент в своей биографии!

Он энергично подошёл к ложу и наклонился над Хозяином.

– Ну, прощай, сволочь! Целовать в лоб я тебя не стану – скажи спасибо, что не плюю тебе в рожу, как ты того заслуживаешь! А так руки... то есть, губы чешутся! Прощай, хренов «учитель»!

– погоди прощаться, Лаврентий...

Сталин открыл глаза. Успев даже помертветь лицом, Берия резко отшатнулся назад. Уже «в пути» мертвенная бледность его лица сменилась маской непритворного ужаса: такого оборота он явно не ожидал. Он мог, скорее, поверить в воскрешение Сталина, чем в то, что его, заслуженного и даже народного мастера интриги сделают послушным участником спектакля по чуждому сценарию! И он в точности исполнит отведённую ему роль!

– Охрана! – позвал Иосиф Виссарионович. Семён Ильич тут же вынырнул из-за дверного косяка. Следом за ним в зал ещё более живописно ворвался Лозгачёв. В руках у обоих были пистолеты.

– Вот теперь прощаемся, Лаврентий.

Сталин повернул голову в сторону Браилова.

– Поцелуйте его в лоб – от моего имени. Я с удовольствием сделал бы это сам, но силы ещё не те...

Мгновенно сориентировавшись в обстановке, Берия метнулся в угол залы, где он оставил свой портфель. Он успел одной рукой схватить портфель, другой дернуть защёлку замка, и даже повернуться лицом «ко всей честной компании».

Только напрасно он это сделал: и дёргался, и поворачивался лицом. Он лишил себя последнего шанса, пусть и чисто теоретического. А ведь мог пойти навстречу товарищам – с поднятыми руками. Но этого не случилось, почему и случилось другое: в следующее мгновение он уже падал назад, отброшенный кинетической энергией «последнего поцелуя», угловидшего ему точно между глаз. Браилов не зря считался одним из лучших стрелков не только в НКВД, но и в Главном управлении имперской безопасности «третьего рейха».

– Не стрелять!

Это Семён Ильич кричал уже Лозгачёву, направившему ствол на Маленкова с явным намерением повторить достижение товарища. Лишил того очевидного удовольствия, а ведь сам его получил.

– Этого взять живым!

Как ни дулся Лозгачёв, но он не мог не признать, что у Браилова имелись основания воздержаться от «досрочных проводов» Маленкова. Без руководящего и организующего начала, каким был Берия, ни Маленков, ни Хрущёв, ни кто-либо другой из их шайки не представлял уже ни малейшей опасности.

Георгию Максимилиановичу всё же повезло: он успел впасть в состояние прострации до начала работы с ним. По этой причине он сумел пропустить самые травмирующие его начальственную психику эпизоды. То есть, он не помнил, как Лозгачёв вязал ему руки

обыкновенной бельевой верёвкой. Не помнил он и то, как его, уже «упакованного», определили на стул, и прислонили к стене. И, по его счастью – именно к стене, а не к стенке. То есть, не в том, «переносно-прямом» смысле, а всего лишь, чтобы он не упал под ноги.

Едва начались «упаковочные работы», в залу ворвался Хрусталёв: вероятно, услышал звук выстрела. При себе он имел пистолет и намерение совершить подвиг «готовности к подвигу» перед лицом самих Лаврентия Палыча. Он ведь не знал, что «лицо» уже лежало лицом вниз, и полностью соответствовало научному определению натюрморта: «мёртвая природа».

Поэтому вместо благосклонного взгляда от Берии он получил рукояткой браунинга по голове от Браилова, вследствие чего упал на пол, и перестал существовать как «вооружённая единица». «Довод» Семёна Ильича оказался весомее. И не только в переносном смысле.

– Спасибо, товарищи!

Браилов прочувствованно улыбнулся Мясникову.

– Вы пока ничего не предпринимайте в отношении товарища Сталина...

– А я никому и не позволю, – едва слышно перебил его Хозяин, и вдруг чихнул.

– Ну, будем жить! – расплылся в улыбке Браилов. – Налицо обычная простуда. Так что принять таблетку аспирина Вам не повредит.

– Ну, с этим я согласен, – дрогнул щекой «под улыбку» Хозяин. – — А с остальным...

Он откинул голову назад: она ещё была слишком тяжёлой для того, чтобы он мог держать её на весу.

– ... повременим до Вашего возвращения.

– Слушаюсь, товарищ Сталин! – слегка подобрался Браилов: тянуться во фронт перед лежащим – это как-то неэстетично. Да и не по Уставу. – Разрешите приступить к следующей фазе операции?

– А именно?

– «Никто не забыт – и ничто не забыто!» – усмехнулся Браилов. – Арест всех участников заговора и производство обыска в их квартирах. Кроме того, необходимо срочно отменить распоряжение Берии относительно частей внутренних войск, а их командиров обезвредить.

– !!! – оживился Хозяин.

– Нет, пока только арестовать! – торопливо поправился Браилов: он как-то сразу догадался о причине внезапного оживления Хозяина.

– Свяжитесь с Кругловым, – несколько огорчился Сталин «мягкотелостью» Семёна Ильича. – Передайте ему, что он назначен министром госбезопасности... Пусть выполняет все ваши распоряжения, как мои... Далее...

Сталин взял тайм-аут: дыхания ещё не хватало на длинные предложения. На длинные, с точки зрения «человека с улицы»: «нормативно» длинных предложений в лексиконе Сталина не значилось.

Немного отдохнув в паузе, он продолжил:

– Позвоните Жукову: он – у Василевского... Передайте ему, что он назначается Главкомом сухопутных войск... и заместителем министра... Пусть он поможет Вам людьми... И пусть подстрахует на случай... если люди Берии... проявят трагическое недопонимание...

– Слушаюсь, товарищ Сталин! – отработал головой Браилов, и вышел из залы, чтобы вернуться уже через минуту.

– Предупредил обоих, товарищ Сталин: Круглов и Жуков уже поднимают людей. Они должны перезвонить мне сюда, как только будут готовы.

Он откашлялся.

– Товарищ Сталин, я пригласил сюда Хрущёва и Игнатьева. От имени и по поручению «товарища» Берии, разумеется. Вы не возражаете против randevу?

Сталин в усмешке покривил щекой – и переложил голову с одного бока на другой.

Заполучив одно согласие Хозяина, Семён Ильич тут же обратился за вторым, иллюстрируя запрос выразительным взглядом в сторону Маленкова.

– Вы разрешите?

Сталин молча смежил веки – и Браилов подошёл к Маленкову.

– Роль Хрущёва, Булганина и Игнатьева. Я жду, гражданин Маленков!

Семён Ильич выбрал оптимальную для данного случая форму обращения. О этого «гражданин» Георгий Максимилианович решительно пришёл в чувство: художественно задрожал, то есть. Проглоченный комок в горле также не оказался лишним для полноты картины.

– Это всё Берия, товарищ Сталин...

Он попытался умолить взглядом Хозяина, но не смог. И не потому, что тот был неумолим: Иосиф Виссарионович почил с закрытыми глазами. Чтобы не растрчивать впустую тяжело давшийся взгляд, Георгий Максимилианович переключил его на Браилова.

– Лаврентий сказал... Виноват: Берия сказал, что Хозяин кончается... Так и сказал: «кончается»... и надо принимать срочные меры... чтобы сохранить... преемственность руководства... и не допустить хаоса... всяких, там... разбродов и шатаний... А Хрущёв...

Маленков проглотил очередной комок – чтобы не задерживать следующий.

– ... Ему Берия обещал пост Генерального секретаря...

– А Игнатьев?

– Его Берия использовал «втёмную»... Он говорил, что Игнатьев – гнилой... сволочь... и всё такое...

– Роль Хрусталёва?

Маленков поморщился.

– Он – человек Берии... Я не знаю...

Браилов повернулся к Лозгачёву.

– Петя, верни товарища к жизни!

Лозгачёв кивнул головой, и тут же вернул жизнь и полковника друг к другу. Для этого ему потребовалась всего лишь пара увесистых пинков под зад Хрусталёва. И чудо возвращения к жизни свершилось: полковник встал на ноги. стаканом воды – в лицо Хрусталёву – Браилов завершил процесс оживления.

– Очухался?

Семён Ильич несколько поспешил с вопросом: оживление не тождественно возвращению мысли. Поэтому, даже после «водных процедур», Хрусталёв заговорил не сразу. А тут ещё вид «упакованного» Маленкова и зрелище отрабатывающего натюрмортом Берии, голову которого совсем даже не нимбом обрамляло вишнёво-красное пятно.

И лишь после того, как Лозгачёв дополнил пинок оздоравливающим подзатыльником, Хрусталёв не стал дожидаться повторения вопроса.

– Это всё – он...

Тряся каплями воды, стекающей с подбородка, он покосился в сторону Берии.

– ... Он заставил меня...

– Что именно?

Хрусталёв шумно проглотил застрявший в горле комок, и не по роли, а от души. «По линии комков» он даже превосходил Маленкова: был не только «лучше глотающим», но и более живописным.

– ... Сказать охране, чтобы никто к Хозяину до полудня не заходил...

– А зачем он это сделал?

Глаза Браилова весьма достоверно излучали почти невинное любопытство и даже участие. Хрусталёв молчал. Пришлось в очередной раз стимулировать его речевую активность – всё тем же, не оригинальным, но действенным способом.

– Ну?!

– Берия сказал... что Хозяин...

– «что Хозяин...»?

Семён Ильич опять поучаствовал в освежении памяти «товарища».

Хрусталёв мужественно ушёл глазами в сторону.

– Берия сказал, что... Он сказал, что Сталин... Ну, в общем, что он... должен быть один...

– Ты знал, что в бутылке?

Вопросы были слишком «приземлённые», слишком детальные, для протокола, и этого Хрусталёв вынести не мог. Он-то рассчитывал на обмен мнениями и где-то даже политическую дискуссию. Отсюда и такая реакция: головокружение, мелкое и частое. Как в истерическом припадке.

– Но бутылку тебе дал он, Берия?

Если до этого полковник тряс головой в горизонтальном направлении – в формате отрицания – то теперь пришлось «сотрястись» вертикально. Он не был Сократом, но не понимать выгоды, а также очевидных истин, он не мог.

– Но ты ведь не мог не догадываться, что это означает?

Браилов неожиданно развил тему «не мог» «не в том направлении» – и движения головой прекратились. Как горизонтальные, так и вертикальные. Хрусталёв оцепенел. Но Браилов не собирался ждать, пока тот самостоятельно выйдет из этого состояния, и помог ему. Традиционным способом. И ведь помогло: Хрусталёв снова двинул головой. Один раз. Вертикально.

Браилов удовлетворённо разогнулся. Заметив Рыбина, напряжённо замершего в дверях, он кивнул ему головой на Хрусталёва.

– Свяжи его и запри в его же комнате. Об ответственности за сохранность «вверенного имущества» предупреждать, думаю, не стоит?

– Не стоит, – не стал уклоняться майор. – Но там уже Василий Иосифович... отдыхают... Со вчерашнего дня...

Браилов поморщился: ни для кого не являлось секретом то, что Василию достаточно было «принять» жалкую рюмку водки, чтобы «сковырнуться с копыт» и проспять часов десять кряду. Верный признак алкоголизма, если не наступившего, то уже наступающего.

– Ладно. Тогда этого запри в кладовке. Там хватит места и для старого хлама... и для нового.

Рыбин по-уставному щёлкнул каблуками сапог, и в мгновение ока, при помощи обычного ремня «обработал» полковника. Подхватив свободный конец, он потащил Хрусталёва в коридор.

В этот момент в коридоре зазвонил телефон. Браилов энергично «настиг» аппарат, и овладел трубкой. Заслушав «другой конец провода», он вернулся в залу. Будить Хозяина не потребовалось: тому самому не терпелось узнать, как всё разворачивается и чем закончится.

– Товарищ Сталин, Круглов докладывает, что он отменил приказ Берии о выдвигении полка внутренних войск из Лефортовских казарм в направлении Кремля. Командир полка и начальник штаба проявили благоразумие: сдали оружие и всех подельников. Приказ командиру дивизии корпуса внутренних войск имени маршала Берии ещё не отдавался. Но Круглов послал туда надёжных людей для того, чтобы они нейтрализовали корпусное и дивизионное командование. Сам Круглов через десять минут будет здесь: он звонил из машины.

Браилов перевёл дыхание.

– От Жукова...

В этот момент телефон вновь «ожил».

– Товарищ Сталин?

Хозяин веками «дал добро». Семён Ильич стремительно вышел из залы, чтобы спустя тридцать секунд также стремительно войти в неё.

– Маршал Жуков докладывает, что лефортовский полк блокирован верными ему войсками...

Семён Ильич скривился, недовольный сам собой: неудачной конструкцией предложения он лишний раз дал повод Хозяину для скепсиса в адрес своевольного маршала. Оставалось лишь надеяться на то, что Хозяин сочтёт возможным не обратить внимание.

– «Верными ему войсками»...

Надежда оказалась несостоятельной.

– Что ж, если войска верны ему, то он верен сам себе...

Сталин явно намекал на болезненное тщеславие и бонапартизм заслуженного военачальника. Хорошо ещё, что по причине общей слабости он не стал развивать тему: сэкономил силы и слова. Впрок – для более удобного случая. Хотя для такого дела он любой случай мог сделать удобным.

Воспользовавшись паузой, Браилов продолжил доклад:

– Жуков сказал, что он звонит из авто маршала Василевского. То есть, он уже в дороге, и будет здесь практически одновременно с генералом Кругловым.

Сталин медленно смежил веки: то ли устал, то ли «принял доклад», то ли одобрил. Но, по счастью, Браилову не пришлось долго гадать: Хозяин не любил болеть и не любил уклоняться от соучастия. Чаще всего, руководящего.

– Что Вы намерены делать?

– Прежде всего, необходимо срочно произвести обыски в квартирах всех заговорщиков, – выдал «дачно-домашнюю заготовку» Браилов. – Ведь мы еще не знаем ни всех их замыслов, ни того, что они уже успели сделать, ни того, что, может быть, делается в настоящий момент.

В прихожей послышался неясный шум. По мере продвижения его источника в направлении зала он «прояснился».

– Что: «финита ля комедия»? – прогремел в коридоре, в считанных метрах от входной двери зала, взволнованно-радостный голос Хрущёва. Спустя пару секунд его лысая голова энергично просунулась в дверной проём.

– Ты угадал, Микита.

Сталин в очередной раз набрал сил на ироническую усмешку.

– Точно: «финита ля комедия»... Только не та, о которой ты подумал...

Услышав, а, главное, увидев Хозяина, Хрущёв, как подкошенный, рухнул на колени. Это, как и плясать гопака, он умел делать мастерски, ни в том, ни в другом не имея конкурентов.

– Товарищ Сталин, это всё...

В этот момент он заметил, что Лаврентий Палыч находится в явно не соответствующей его величию позе, да ещё «подрабатывает натюрмортом». Но это не помешало Никите Сергеичу честно разоблачить злодея, пусть и постфактум:

– Это всё он! Он! Он!

Блуждая полубезумным взглядом по лицам и стенам, он наткнулся на «упакованного» Маленкова. Перекладывать «дополнительный груз» на плечи Георгия Максимилиановича Никита Сергеич не решился: вдруг тот успел первым. А первому у нас – не только первое слово, но и виды на индульгенцию. И виды немалые. Поэтому он лишь на мгновение запнулся взглядом о фигуру Маленкова и «поскакал» дальше.

Обозрев и заслушав Никиту Сергеича, Браилов решил, что допрашивать Хрущёва сейчас не имеет смысла: тот оказался ещё менее кондиционным материалом, чем даже Маленков с Хрусталёвым. И Никита Сергеич тут же подтвердил этот вывод: окончательно впал в прострацию и дал пену изо рта.

Пришлось Браилову на пару с Лозгачёвым перенести «дегероизировавшегося героя» в угол зала, и, определить на стул у стены.

Вскоре прибыл Круглов, а следом за ним, буквально с интервалом в пару минут Жуков. Вопросов оба не задавали: всё, что нужно было им знать в предварительном порядке, они уже знали от Браилова.

Жуков вопросительно посмотрел на Сталина, но тот движением глаз «переключил» его на Браилова. Высокомерному, хоть и низкорослому Жукову нелегко было смириться с тем, что ему предстоит хотя бы просто разговаривать с каким-то майором, тем более, охранником. Но, как человек разумный, он понял, что сейчас не самое подходящее время для демонстрации амбиций.

Правда, Жуков не был бы Жуковым, если бы «не дал себя»: готовность к получению информации он «озвучил» одними глазами. До разговора он «не снизошёл».

Браилов и виду не показал, что его хоть как-нибудь задевает «прославленное» высокомерие Жукова. Как всего лишь майору, ему не полагался вид, не говоря уже о его показе.

– Необходимо полностью блокировать корпус внутренних войск, находящийся сейчас в районе деревни Черёмушки.

Чтобы «не травмировать» страдающего заболеванием самолюбия маршала, Семён Ильич старался избегать употребления глаголов в повелительном наклонении в сочетании с личным местоимением: «Вам необходимо!», «Вам следует!», «Вы должны!» и так далее. Вместо этого он избрал вполне нейтральную безличную форму глаголов.

– Кроме того, следует немедленно изолировать генерал-полковника Артемьева: без его разрешения полк внутренних войск не мог бы войти в город, а тем более, «встать на квартиры» в Лефортовских казармах. Все центральные учреждения МВД должны быть немедленно изолированы – лучше всего, солдатами воздушно-десантных войск.

Семён Ильич подумал – и расширил приказ:

– И ещё. Нужно очень аккуратно окружить Кремль – всего лишь на несколько часов, пока там будут разбираться с участниками самозванного Пленума. И, на всякий случай, необходимо прикрыть Ближнюю дачу, хотя бы ротой автоматчиков.

– Всё?

– Всё.

Сухо кивнув только Сталину, Жуков молча вышел из зала.

Не расходуя бесполезных взглядов в спину, Семён Ильич повернулся к Круглову, молча стоявшему поодаль, пока майор «давал указания» маршалу Жукову.

– Теперь – с Вами, товарищ Круглов.

В отличие от маршала Жукова, генерал-лейтенанта Круглова значительно меньше «травмировал» «момент неуставных взаимоотношений» генерала с майором. И он и не стал «лезть в бутылку» – «по причине узкого горлышка»: Хозяин явно благоволил майору и формату его «общения» с начальством. Такие вещи номенклатурный работник, тем более, «из органов», обязан чувствовать уже на уровне подсознания.

– Мы сейчас отправимся производить обыск на квартирах «главных действующих лиц». Возможно, реагировать придётся «по обстановке». Поэтому, нужен квалифицированный народ «без комплексов».

– Сколько? – «посягнул на сестру таланта» Круглов.

– Два взвода автоматчиков будет достаточно.

– Если достаточно, то будет.

Генерал согласно кивнул головой.

– И нужно связаться с Руденко: пусть Генпрокуратура выделит для обысков следователей Следственного управления. Мы заедем за ними по дороге. А оттуда уже все вместе двинем в особняк Берии на Качалова, двадцать три. Пока всё.

Круглов отметил кивком, и пошёл отдаваться распоряжения. Браилов повернулся к Сталину.

– Так мы – по объектам?

– С Богом! – усмехнулся одной щекой Хозяин.

Получив «высочайшее» «добро», Браилов развернулся к Мясникову:

– Оставляем товарища Сталина на ваше попечение. Значит, как договорились?

Он строгим взглядом «внушил» профессора. Тот кивнул головой. Мгновение спустя ей составила компанию голова Круглова: просунулась в дверь.

– Всё готово.

– Зовите людей, товарищ генерал, – корректно «попросил-приказал» Браилов: момент руководства генерала майором – вещь деликатная.

Спустя полминуты на пороге замер круглолицый розовощёкий майор. Взяв под козырёк, он бодро начал:

– Товарищ...

Столь же бодро закончить не получилось: Браилов нетерпеливо перебил его. И правильно: для пользы дела в данный момент целесообразно было остаться «товарищем без приставки». Ну, чтобы не дискредитировать руководящий момент всего лишь майорским чином.

– Берите их!

И он показал глазами на Маленкова и Хрущёва.

– Руками: не бойтесь, они уже «не кусаются»!

Майор, хорошо знавший вождей по портретным изображениям, побледнел от страха. По этой причине не только их, но и себя он не мог взять в руки.

– Вас, что, не проинструктировали? – «дал начальника» Браилов.

Текст моментально исцелил майора от нерешительности.

– Виноват! – охрипшим от волнения голосом повинился он. – Встать! Руки за спину!

Как наиболее кондиционный, Маленков первым оторвал зад от стула, и, пошатываясь, вышел в коридор. А вот Хрущёв нуждался в помощи: состояние протрации, в котором он пребывал уже не менее получаса, явно затянулось. И ему оказали помощь в транспортировке: волоком, за шиворот.

– Рыбин, выводите Хрусталёва! – распорядился в коридор Семён Ильич.

Вскоре все четверо – Маленков, Хрущёв, Хрусталёв и «примкнувший к ним» Игнатев, несколько задержавшийся в дороге – все уже при наручниках, были определены в чрево вполне приличного на вид «автозака». Автоматчики расположились «по ту сторону решётки», а Круглов сел в служебный «паккард», куда пригласил и Браилова.

Уже садясь в автомобиль, Семён Ильич пальцем поманил Лозгачёва.

– Петя, остаёшься за старшего. Подкрепление и наружная охрана переходят в твоё подчинение: товарищ министр уже распорядился.

Круглов утвердительно кивнул головой, хотя это товарищ майор распорядился за товарища министра.

– Старостина я отправил домой: и так мужик натрясся на месяц вперёд. Поэтому остаётся втроём: ты, Рыбин и Орлов. Бутусова с Истоминой не в счёт: женщины.

Красный от возбуждения Лозгачёв ещё прибавил в окрасе.

– Всё понял, Семён Ильич. Ты сам там, смотри, осторожней...

Браилов пожал руку подполковнику и захлопнул дверцу.

– Можем ехать? – «запросил разрешения» Круглов.

– Поехали!

Глава девятая

...Нино Теймуразовна Берия – урождённая Гегечкори – сложив руки на коленях, сидела на стуле посреди зала, и молча наблюдала за тем, как старательно помощники следователя... помогают следователю. Результаты их «служебной добросовестности» валялись уже повсюду: никто и думал утруждать себя восстановлением статус-кво из вещей и предметов.

Временами казалось, что Нино Теймуразовна вовсе не была удивлена неожиданным визитом такой представительной компании официальных лиц. И не в гости, а с «ордером» на обыск. Как и все «кремлёвские» жёны со стажем, она в любую минуту была готова к переменам в судьбе мужа, а рикошетом и в судьбе всей родни. Поэтому она не мешала проведению обыска ни криками, ни угрозами, ни плачем, ни прочими «непродуктивными эмоциями».

Правда, она ничем и не помогала «сыскарям» – по линии «добровольной выдачи имеющегося в доме оружия, драгоценностей и иностранной валюты». И не из вредности: ничего «из перечня» в доме не было. Нет, правда, один пистолет следственно-оперативная бригада нашла. Но он оказался наградным, с прикреплённой к нему золотой пластинкой с выгравированной на ней надписью: «Нашему дорогому Лаврентию Павловичу в день его славного пятидесятилетия от товарищей по работе». А, вот, ни золота, ни бриллиантов, ни американских долларов обнаружить не удалось.

Это «упущение» пришлось устранять позже, когда «для пушей убедительности» в протокол будут дописаны слова о том, что во время обыска на квартире Берия Л. П. были обнаружены сто тысяч рублей, сорок единиц огнестрельного оружия, а в личном гараже – аж четыре автомашины. Но этого разоблачителям, видимо, показалось мало, и они решили дополнить перечень «обнаруженного». В результате, в сейфе сына Берии – Серго Лаврентьевича, учёного-физика, доктора наук – было «обнаружено» двести шестьдесят девять тысяч рублей наличными, а сверх того облигаций на огромную сумму и даже драгоценностей «в изделиях и монете». «Поименный состав» последних благоразумно не оглашался.

После этого в оборот была запущена совсем уже не продуманная байка о том, как накануне денежной реформы сорок седьмого года, зная о сроках и форме её проведения, Берия положил на свой счёт в сберкассе сорок тысяч рублей наличными. Ну, так, как будто речь шла не о втором лице государства с невообразимым потенциалом личного обогащения, а о мелком жулике, которому пофартило спасти от переоценки несколько «паршивых» – для Берии – тысяч рублей.

Увы: «Падающего подтолкни!» и даже «Вали кулём – потом разберём!». Хотя некоторые дают иную трактовку: «кашу маслом не испортишь!». Тем паче, что на содержание это не влияет: форма не смягчает участи. А моральные, они же аморальные, аспекты следования этим установкам в расчёт не принимались и не принимаются.

Но кое-что, куда более ценное, нежели мифические «облигации и бриллианты», опергруппе найти удалось. Хотя и искать не нужно было: искомое лежало на столе и стояло в книжном шкафу. И хранилось оно не так, как это показывается в фильмах про «умных шпионов»: в вырезанных отверстиях в толстых книгах, а открыто, в виде обычных ученических тетрадей в дерматиновых обложках на девяносто шесть листов.

В тетрадях оказался детальный план действий заговорщиков. Похоже, Берия настолько уверовал в свои силы и в бессилие Сталина, что не посчитал нужным не только спрятать бумаги, но и просто зашифровать их, пусть даже на уровне пособий для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Хотя, сочиняя фразу «Мой дом – моя крепость», предки наверняка имели в виду квартиру Берии: кто посмеет?

Здесь же «сыскари» наткнулись на то, что следовало отработать немедленно.

– Товарищ Браилов! – оживился следователь прокуратуры. – Сюда, пожалуйста!

Браилов немедленно оставил перлюстрацию семейного архива Берии, который так и не смог представить оперативного интереса, и явился «на зов». Следователь протянул ему сложенный вчетверо лист бумаги.

– Вот, смотрите, что мы только что нашли!

Это был план первоочередных мероприятий по реорганизации Министерства внутренних дел.

– Ого! – выразительно отработал бровями Семён Ильич. И к тому были основания: Берия намеревался объединить прежние МВД и МГБ в одно Министерство внутренних дел, после чего на все ключевые посты во вновь организованном министерстве назначить своих людей.

Ещё более удивительным был перечень «соискателей на занятие вакантных должностей». В том, что они стали бы вакантными сразу же по воцарении Лаврентия Палыча, сомневаться не приходилось. Ведь вторым «первоочередным» мероприятием Берия наметил учредить следственную группу для пересмотра дел арестованных ранее высокопоставленных руководителей МГБ. Немедленному освобождению, согласно плану будущего министра, подлежали: генерал Кузьмичёв – его Берия намечала место начальника Девятого управления объединённого Министерства; генерал Райхман – с назначением начальником контрольной инспекции при министре внутренних дел; генерал Эйтингон – «кандидатировался» в заместители начальника Девятого отдела; генералы Селивановский, Королев и Шубняков: с первыми двумя Берия ещё не определился, а последнего решил назначить заместителем начальника Первого Главного управления – разведка.

Все генералы проходили в списке под старыми, общевоинскими званиями. Из этого нетрудно было сделать вывод о том, что все они были арестованы ещё до Указа Президиума Верховного Совета от двадцать первого августа пятьдесят второго года. Это соответствовало действительности: часть генералов «составила компанию» министру госбезопасности Абакумову в пятьдесят первом, часть «присела» несколько позднее, уже в связи с «мингрельским» и прочими делами.

В число лиц, подлежавших немедленному освобождению – комиссии традиционно отводилась роль «демократического прикрытия» – входил и давний сотрудник Лаврентия Палыча Петре Шария. Шария был известен много лет, как личный референт Берии. Он являлся одним из двух – вместе с менее удачливым Бедия – авторов знаменитой книги «К истории большевистских организаций в Закавказье», вышедшей под фамилией Берии. Он имел авторитетный послужной список: секретарь ЦК Компартии Грузии, начальник Секретариата НКВД, начальник особого бюро МВД, доктор философских наук и даже академик Академии наук Грузинской ССР. Теперь же Берия намеревался сделать его помощником Министра внутренних дел: такие люди на дороге не валяются. На ней валяются совсем другие люди, и уже не в качестве людей. Если, конечно, по ней – в обоих случаях – шёл Лаврентий Палыч.

По всему было видно, что Берия тщательно проработал «кадровый вопрос». Так, на отдельные места, представлявшиеся ему особенно важными, он наметил не только основных кандидатов, но и «дублёров». Например, на должность начальника Секретариата МВД, весьма серьёзную в условиях бюрократического государства, «кандидатировались» сразу двое: полковник Мамулов и полковник Людвигов. Оба пользовались доверием Лаврентия Палыча, оба обладали склонностью к руководящей работе «канцелярского типа» – отсюда и сомнения Берии в окончательном выборе претендента.

Даже начальник охраны Лаврентия Палыча – полковник Саркисов Рафаэль Семёнович, «учёный» с шестью классами образования, намечался своим хозяином к повышению в должности: он должен был стать помощником начальника Первого отдела Главного управления МВД.

Берия явно планировал действовать с размахом, отнюдь не удовлетворяясь старой истиной, гласящей: «У кого в руках столица – у того в руках страна!» Поэтому он заранее подготовил список людей, которые должны были возглавить территориальные управления нового

МВД в России и аналогичные министерства в союзных республиках. Его волей генерал Гвишиани должен был отправиться на Дальний Восток, Гоглидзе – в Ленинград, Мильштейн – в Прибалтику, а Цанава – в Белоруссию. Часть постов уже и так была занята протеже Берии. Например, министром внутренних дел на Украине был Мешик – многолетний друг... подручный Лаврентия Палыча.

– Ба: знакомые всё лица!

Ироническая усмешка, не спросясь, пробежала по лицу Браилова.

– Как говорится, «не стая воронов слетелась!»

Читая бумаги, Семён Ильич не мог не подивиться основательности плана «кремлёвского маршала». Берия продумал не только список тех, кого он собирался освободить, но также и список тех, с кем он собирался поступить «совсем даже наоборот». Так, в число лиц, подлежащих немедленному аресту, попали многие руководители пока ещё МГБ: генерал-лейтенант Обручников, генерал-лейтенант Судоплатов, генерал-майор Лорент и несколько высокопоставленных полковников.

– Ого! – скользя глазами по тексту, не удержался от восклицания Семён Ильич. – Да тут целая политическая программа! Даже на первый взгляд, «знамёна» – явно не наши. Ну, да об этом – потом!

Он решительно перевернул несколько страниц.

– Вот!

– Что именно?

Заинтригованный реакцией майора, к нему быстро подошёл Круглов:

Сергей Никифорович решил лично навестить давнего недруга, пусть и в его отсутствие.

– Смотрите!

И Браилов ногтем отчеркнул строку из плана Берии. Глаза Круглова тут же соответствовали фамилии: округлились.

– Деканозов? В Тбилиси?

Из текста, собственноручно исполненного характерным мелким бисером Лаврентия Палыча, следовало, что генерал-лейтенант Деканозов, Владимир Георгиевич, вчера вечером по приказу Берии выехал поездом в Тбилиси. Теперь его поездка не представляла для Браилова и Круглова никакой тайны: в тексте были подробно расписаны задачи, с которыми отправлялся туда один из ближайших сотрудников Берии.

Доверия Лаврентия Палыча к Владимиру Георгиевичу не смогли подорвать даже события последних месяцев, когда положение Деканозова, благодаря усилиям Маленкова, несколько пошатнулось, Увы, в аппарате не прекращалась «подковёрная» борьба за власть даже среди, казалось бы, союзников. Ну, это, как в стае или прайде: люди – те же животные. Особенно люди из мира политики. И ни личные пристрастия, ни «пакты о перемирии», ни совместное «чаепитие до положения риз» не могли помешать соратникам рассматривать друг друга в двух ипостасях: как потенциальную добычу – если первым окажешься у горла «друга», и как добычка – если не окажешься. Георгию Максимилиановичу удалось добиться смещения Владимира Георгиевича с поста заместителя министра госбезопасности и назначения того на скромную должность начальника АХУ Всесоюзного радиокомитета. Фактически – завхоза.

Понижение Владимира Георгиевича в должности не прекратило общения с ним Берии. «Компетентными органами» были зафиксированы не только их звонки друг к другу, но и личные встречи. Отсюда с неизбежностью вытекало то, что Лаврентий Палыч держал эту кандидатуру «про запас». Записи его это, прежде теоретическое предположение, теперь подтверждали наглядно: Берия решил сделать Деканозова министром внутренних дел Грузии. Намёки на тему «из князи – в грязи» не смущали Берию: чем «грязнее», тем преданнее. Да, и потом, кто посмел бы намекать? Ведь «иных уж нет, а те далече» – вовсе не литературная красивость. Как минимум, в случае Лаврентия Палыча.

Поэтому Деканозов был «наделён» и «облечён». И в тот момент, когда незваные гости «злоупотребляли гостеприимством отсутствующего хозяина», Владимир Григорьевич направился в солнечный Тбилиси с конкретной и ответственной задачей: лично освободить арестованных по «мингрельскому делу».

Узнав о задании, Браилов не удивился. Дело было громким. И эхо его до сих пор разносилось по всем этажам «кремлёвского поднебесья». Да и, хотя бы косвенно, Семён Ильич был не чужд этому делу, а оно ему: ведь фактическим инициатором его явился «благодетель» Николай Сидорович. Тот самый – генерал Власик.

Было это в позапрошлом, тысяча девятьсот пятьдесят первом, году. Николай Сидорович тогда занимал пост начальника Главного управления охраны, и был в немалой силе. Но, вероятно, он слишком переоценил её, если отважился на прямой выпад против «самых Лаврентий Палыча». Во время одной из поездок с Хозяином в Грузию Власик получил докладную от замминистра путей сообщения Грузинской ССР. И в ней тот весьма художественно расписал «преlestи» руководства Первого секретаря ЦК Компартии – и «по совместительству» бериевского протеже – Чарквиани. Автор докладной указывал на то, что, в отличие от садов и виноградников, взяточничество расцвело в Грузии при Чарквиани пышным цветом.

Срочно вызванный «на ковёр» министр госбезопасности республики подтвердил «соответствие несоответствия» Чарквиани и добавил «кое-что» от себя. Тут же «полетели головы», в том числе, и отдельно от туловища. И первой из них, разумеется, оказалась «голова» Чарквиани. На его место, Первым секретарём ЦК Компартии Грузии был избран злейший и постоянный в своей ненависти враг Берии: Мгеладзе, Акакий Иванович. Руководствуясь указаниями Сталина, Мгеладзе не задержался с чисткой партийного и государственного аппарата Грузии. И почистил он его на совесть: «самым бессовестным образом» – с точки зрения «вычищенных».

Положение Лаврентия Палыча пошатнулось, но только на периферии. Власику этого показалось мало, и он продолжил «копать» под всемогущего «маршала с Лубянки». Неожиданно, но якобы в связи с кадровой перетряской, возникла тема «мингрельского национализма»: будто бы мингрелы, преобладавшие в тогдашнем партийно-государственном руководстве Грузии, вели направленную работу по подрыву межнационального единства и даже дружбы народов в республике, а также встали на путь измены Родине в форме шпионажа в пользу некоторых западных государств.

Николай Сидорович, вероятно, посчитал, что теперь уже Берии – «крышка»: Лаврентий Палыч, сам по национальности лаз – второе название мингрельцев – был главным «садоводом», насаждавшим в республике мингрельцев повсеместно и как можно выше. А тут ещё «наверху» пошёл слухок о том, что сам Хозяин якобы велел искать в этом деле «большого мингрела». А кто у нас самый большой мингрел? Конечно же, Лаврентий Палыч!

Но не зря один товарищ пел: «Он слишком рано нас похоронил!» Так и Власик слишком рано «похоронил» Берию: председателем партийно-государственной комиссии по расследованию фактов «мингрельского национализма» был назначен... Лаврентий Палыч! Собственной персоной! Это было странно – но только на первый взгляд. Да и взгляд этот должен был быть взглядом непосвящённого. Ведь, если бы Хозяин захотел «убрать» Берию, то никаких препятствий к этому не было. Напротив: масса компромата и желающих! Да ещё, и то, и другое «на конкурсной основе»! Как на экзаменах во ВГИК: пятьсот штук на место! Но, коль скоро он поручил это дело Берии, следовательно, не придавал никакого значения тому, что Лаврентий Палыч сам «не той национальности».

Да и слухок о необходимости поисков «большого мингрела» не подтвердился. Вроде бы, «слышали» все, а конкретно, как выяснилось, никто. Традиционно удобная для Руси форма отсылки к безличному адресату: «говорят...». «Говорят...» – и уже не требуется никаких

фамилий, домашних и служебных телефонов! «Говорят...»! А также «ходят слухи», «есть мнение» и «представляется вероятным»! «Представляется» – и всё тут!

А, если бы Хозяин и сказал эти слова, то не обязательно по адресу Берии. Разве Лаврентий Палыч был единственным мингрельцем, кто являлся – именно являлся, а не был «назначен от МГБ» – организатором «мингрельского национализма»? Ведь Берия явно не специализировался на «рубке сука под собственным задом». Для этого он слишком привык к видам Кремля, и не со стороны улицы. А других «больших мингрелов» в Москве не водилось. Отсюда вывод: искать их надлежало в провинции, на исторической родине. А «большой» – просто «главный», а не «самый высокопоставленный». Логично? Вполне.

Словом, Берия не оправдал надежд Власика: не стал «большим мингрелом». В результате Николай Сидорович отработал в формате русской поговорки: «за чем пошёл – то и нашёл». Берия без труда установил, «откуда ветер» – на пару с «дровишками» – и «вспомнил» о существовании Власика. Для того чтобы очень скоро все забыли о нём. Хозяину были представлены документы ревизии хозяйственной деятельности Главного управления охраны и лично генерал-лейтенанта Власика, из которых следовало, что Николай Сидорович служил, хоть и беззаветно, но не бескорыстно. Цифры его достижений были, конечно, «на всякий пожарный случай» многократно завышены, но некоторых «заслуг» Власик отрицать не стал: слишком очевидны были они.

Хозяин, разумеется, не остался равнодушен к «рекордам».

– Я, что: съел столько икры, выпил столько вина и износил столько одежды и обуви?! Да я одни ботинки ношу, уже который год, не меняя!

Для того чтобы убедиться в соответствии эмоций Хозяина истине, достаточно было и в самом деле взглянуть на его ботинки, потрепавшие крема, ниток и клея на сумму, куда большую своей остаточной стоимости.

И Николай Сидорович не остался «без благодарности». Он был «попрошен» с должности, а вскоре и «определён на жительство» в Лефортово.

В очередной раз Лаврентий Палыч доказал верность лозунгу «Никто не забыт – и ничто не забыто!», пусть даже и в «неавторизованном» переложении...

... – Поехал освобождать «мингрельцев»! – с усмешкой прокомментировал запись Круглов. – Что будем делать, Семён Ильич?

Браилов с удовлетворением отметил про себя то, что Круглов впервые обратился к нему по имени-отчеству. И дело было не в том, что Круглов сделал правильные выводы из личных наблюдений. Неожиданно для себя, генерала и министра, Сергей Никифорович выказал уважение деловым качествам Браилова. А факты биографии Семёна Ильича, о которых Круглов был информирован по службе, дополнительно обрабатывали не только пьедесталом под «всего лишь майором», но и стимулом к «правильному» отношению к нему.

– Едем домой к Деканозову!

Браилов решительно блеснул глазами, и повернулся к старшему опергруппы.

– Заканчивайте без нас! Результаты оформите надлежащим образом, и ждите нас на Объекте!

Следователь Следственного управления Генеральной прокуратуры понимающе кивнул головой: он неплохо владел «кремлёвским языком». На языке «посвящённых» Объектом именовалась Ближняя дача Хозяина...

Вот и угол Сретенского бульвара и улицы Мархлевского.

– Приехали! – распорядился Круглов. – Приготовить оружие!

Мера соответствовала лишь должностной инструкции, но не действительной потребности: дома находилась одна только жена Деканозова – Нора Тиграновна. Она спокойно открыла дверь Круглову, потому, что хорошо знала того лично, но, увидев «группу товарищей», тут же утратила спокойствие.

– Муж звонил с дороги?

Браилов решил не тратить время «на дополнительное знакомство» и сразу же «взял быка за рога», не считаясь с его «полом». Нора Тиграновна побледнела и поникла головой.

– Да... Но я точно не запомнила, с какой станции...

– Это неважно!

Браилов энергично повернулся к Круглову.

– Главное, что он ещё не доехал!

Следующий поворот головы был в сторону следователей и оперативников: перед убытием с квартиры Берии пару «штук» они с собой всё же захватили. На всякий случай.

– Приступайте, товарищи!

Ничего интересного обыск у Деканозова не дал. Ничего компрометирующего Владимира Георгиевича «по линии соучастия» обнаружить не удалось. Вопреки сюжету «приключенческого» фильма, не удалось найти и «обязательный» в таких случаях личный дневник, в котором Деканозову «полагалось» записывать сокровенные мысли и отчитываться в подвигах за день. Ну, чтобы облегчить труд тем, кто придёт за ними обоими: за Деканозовым и его дневником.

– Нужно связаться с Мгеладзе.

Браилов не только подвёл неутешительный итог, но и внёс в план очередной пункт.

– Едем ко мне! – согласился и с «концом», и с «началом» Круглов. – Оттуда и свяжемся...

– Акакий Иванович?.. Круглов!.. Сразу узнал?!.. Ну, значит, ещё поживём! Акакий Иванович, то, что я скажу тебе, должно остаться между нами и этим проводом.

Круглов звонил по секретной правительственной линии и мог не опасаться того, что его разговор подслушают. Но «внушить» контрагента он был обязан. По службе, для порядка и от души.

– Берия арестован... Ну, «как», «как»: как враг народа... Нет, с утра во рту – ни капли... Конечно, не соло: заговор... Щупальца? Как положено: тянутся за пределы столицы. Иначе, какой это заговор: так – дворцовый переворот... А ты же знаешь Лаврентия Палыча: «коль рубнуть – так, уж, сплеча». Товарищ полумерами не ограничивался... Да, мы уже предприняли кое-какие меры... Не бойся: без работы не останешься... Ну, и без награды – тоже: сам знаешь, что всякое доброе дело... Вот именно...

Сергей Никифорович выжал из себя лаконичный смешок: к эмоциям большей продолжительности не располагали ни момент, ни соответствие действительности фразы о воздаянии за добрые дела.

– Словом, к вам «едет ревизор»... Нет, интриговать не буду: Деканозов. Помнишь такого?.. Это хорошо, что помнишь – значит, не ошибётесь портретом... Нет, не самолётом: поездом Москва-Тбилиси... Да, обычным пассажирским... Вероятно, они именно так понижают конспирацию... Твоя задача, Акакий Иванович: принять дорогого гостя с распростёртыми объятиями... из которых он уже не вырвался бы. И пусть твои люди внимательно отрабатывают встречающих: не исключено, что встречать будете не только вы... Да, маловероятно: «экскурсовод» Деканозову не требуется. И город он знает, и в рекламе не нуждается. Но лишняя мера – совсем не лишняя.

Круглов посмотрел на часы: вероятно, Мгеладзе вносил какое-то предложение.

– Да, ещё около шести часов пути... Ну, это на твоё усмотрение.

Он обернулся к Браилову, прикрыв трубку ладонью:

– Предлагает снять Деканозова с поезда где-нибудь на дистанции, например, на Тбилиси-Товарной?

Семён Ильич согласно кивнул головой.

– Не возражаю, – «получив добро свыше», санкционировал в трубку Сергей Никифорович. – Это, в конце концов, не главное... Что – главное? А главное – то, что Владимир Георгиевич едет освободить наших «дорогих» «мингрельцев». В первую очередь тех, кто был

уволен из органов. Поэтому, Акакий Иванович, оперативно проверь всех арестантов на причастность к заговору... Что говоришь?

Он поднял взгляд на Браилову, не забыв «по дороге» законспирироваться ладонью от трубки.

– Говорит, что Берия в прошлом месяце приезжал в Тбилиси, и навещал отдельных фигурантов в тюрьме.

Браилов «пожал» бровями.

– Как председатель комиссии, он имел на это право: дело-то ещё не закончено... Хотя, сам факт поездки именно в это время – весьма примечательный. Пусть там усилят охрану, а если кто-то из арестантов даст показания на Берию, немедленно этапировать всех в Москву!

Круглов «продублировал» рекомендации Браилова в трубку.

– Действуй, Акакий Иванович: сейчас все «вклады» – «в одну кассу»!

Положив одну трубку, Круглов немедленно взялся за другую.

– Докладывайте!

Этот голос уже принадлежал «другому» Круглову – сухому, жёсткому и властному начальнику. Молча выслушав доклад, он опустил трубку на рычаги, и «запросил внимания» у Семёна Ильича, что-то черкающего в записной книжке.

– Обыски на дому у Маленкова, Хрущёва и Игнатьева закончены. К сожалению, с чем пришли, с тем и ушли.

Чувствовалось, что Круглов огорчён «наличием отсутствия». Он был не только максималистом, но ещё и принадлежал к тем неправильным служакам, кто не разделял взглядов бывшего Генпрокурора Вышинского на признание как «царицу доказательств». Сергей Никифорович – и Браилов был полностью солидарен с ним – полагал, что «царицу» делает окружение». И эта истина верна не только для политики и театра, но и для уголовного процесса тоже.

Браилов оторвался от эпистолы и «двинулся навстречу» Круглову многозначительной усмешкой.

– Едем к Суханову, Сергей Никифорович!

– К Суханову?!

Круглов недолго оппонировал идее.

– А что: чем чёрт не шутит! Поехали!

То, что безуспешно искали на квартире Маленкова, нашли, не прилагая особых трудов к тому, у секретаря Георгия Максимилиановича на работе, в шкафу, среди служебных бумаг. Да Суханов и не пытался их скрывать. Более того, едва только увидев перед собой «ордер», он сам предложил «товарищам» свои услуги. Как и всякая «канцелярская душа», Суханов был исключительно чувствителен к малейшим «движениям» вокруг патрона. Он сразу же понял, что на этот раз дело не обойдётся ссылкой в Узбекистан, как это было уже в сорок шестом году. Тогда Маленков всего лишь проиграл борьбу за власть Жданову, хотя и полагал, что находился с ним в одной «весовой категории». Сейчас же, по разумению Суханова, Маленков проиграл не только портфель, но и жизнь. Потому что сыграл «ва-банк». А тут – всё твоё: и «пышки», и «шишки». Участвовать в дележе последних Суханов не имел никакого желания.

Так, в руки Браилова и Круглова попал «личный автограф» Георгия Максимилиановича: записи, произведённые им после одной из встреч «троицы», на которой заговорщики «делили портфели». Зачем Маленков их сохранил, непонятно. Вряд ли потому, что так «требовалось сюжетом». Скорее всего, подвела вера в «восход» Берии и «закат» Сталина.

Хотя, «сбережение» вполне могло явиться исключительной заслугой Суханова. Вряд ли Маленков настолько доверял секретарю, что оставил ему «досье на себя» «на сохранение». Скорее всего, Суханов просто стащил их со стола шефа, а тот, за делами и интригами и забыл о них до поры, до времени.

Все записи были сделаны задолго до последней их встречи со Сталиным на Ближней даче. Это лишь «усугубляло» и «отягощало». А как иначе: сговор и даже умышление! Судя по дате на листке отрывного календаря – и на старуху бывает проруха – «делёж портфелей» состоялся в начале февраля. Это косвенно подтверждалось и показаниями Суханова о том, что последний раз в полном составе «тройка» собиралась в кабинете Маленкова именно в начале февраля. И хотя, как будто, ничего крамольного в этом не было: всем «наверху» было известно о том, что Берия, Маленков и Хрущёв – дружки «не разлей вода» – факт был примечательным. Вряд ли Маленков «распределил бы портфели» самочинно. Значит, дружки совместили приятное с полезным.

Однонаправленной информации набралось столько, что она позволяла теперь сделать несколько однозначных выводов. Первый: «тройка» встречалась неоднократно – именно как «тройка», а не компания закадычных дружков. Второй: умышление против Хозяина было не спонтанным, порождённым угасанием вождя, а «нормально выношенным» и «нормально рождённым». Третье: планы доказывались не только характером событий последних трёх дней, но и многочисленными письменными доказательствами, а также свидетельскими показаниями.

Теперь и Круглов, и Браилов могли быть спокойны за судьбу процесса, и не только исторического, но и судебного. Наличие «убойного» компромата не оставляла «невольным молчунам» Хрущёву и Маленкову ничего другого, как «явиться с повинной». Против такой формы работы с упрямым подследственным: «ты нам – признание, а мы тебе – явку с повинной» – ни Круглов, ни Браилов не имели ничего. Даже в тех случаях, когда «явке с повинной» предшествовали недели «допросов с пристрастием». А всё потому, что они были практиками, а не «пришельцами с заоблачных высот абстрактного гуманизма и неконструктивного чистоплюйства».

– Это надо же, на кого мы с Вами, Сергей Никифорович, «покусились»!

И Браилов ткнул пальцем в то место в документе, в котором говорилось о том, что Никита Сергеевич Хрущёв на ближайшем Пленуме избирается Первым секретарём Центрального Комитета партии. Георгию Максимилиановичу достаётся кресло Председателя Совета Министров СССР – то самое, которое сейчас занимал Хозяин. Ну, а Лаврентий Палыч, судя по этим записям, «скромно» не притязал ни на что большее, помимо постов Министра объединённого с МГБ Министерства внутренних дел и Первого заместителя Председателя Совета Министров. В связи с этим оставалось лишь досрочно выразить глубокое сочувствие «везунчикам» Хрущёву и Маленкову в связи с их незавидной судьбой. Лаврентий Палыч, как никто иной, умел обращаться чужой, временно счастливый, удел в горький, уже на постоянной основе.

– Едем на Объект! – поставил точку – в смысле очередной «запятой» – Браилов. – Проанализируем с Хозяином информацию, а заодно и «приговорим» Пленум: люди-то ждут...

Глава десятая

Чем ближе состав подъезжал к Тбилиси, тем больше нервничал Деканозов. Никаких оснований для этого, вроде не было – как минимум, видимых – а на душе, словно «кошки скребли». «Кошками» обрабатывали невидимые основания: то самое «шестое чувство».

Владимир Георгиевич аккуратно прошёл едва ли не по всем вагонам: тот, в котором он ехал, находился предусмотрительно далеко от вагона-ресторана. Ну, для того чтобы «в дороге» иметь возможность «познакомиться с народом». Деканозов не исключал того, что кто-то желает «знакомства» с ним: для отказа себе в здравомыслии он был слишком поколочен жизнью и даже Лаврентием Палычем. А такое дефиле ни у кого не должно было вызвать подозрений: человек идёт в ресторан, откусать рюмочку-другую, в честь, так сказать, «прибытия».

По пути Деканозов основательно «прощупал массы», и не только обитателей плацкартных «островов», но и завсегдатаев СВ. Предлоги он и не репетировал: выручал экспромт. То есть, многократно проверенные жизнью «домашние заготовки».

Осмотр не выявил, как будто, ничего подозрительного: Владимир Георгиевич сразу бы вычислил «хвост», каким бы «деликатным» тот ни был. Но спокойствия на душе не прибавлялось. Почему-то вдруг, совсем некстати, вспомнилась судьба многих «товарищей по работе». В целом: как образ.

И это, несмотря на то, что «благодетель» Лаврентий Палыч заверил его в том, что вопрос смены власти – уже почти ответ.

– Всё будет закончено в ближайшие два дня, – напутственно сверкнул пенсне Берия. – Врачи клятвенно заверили меня в том, что нет никаких поводов для беспокойства по поводу исхода Сталина: изойдёт, как миленький! Так, что, Володя, можешь ехать спокойно. Когда ты доберёшься до Тбилиси, по вокзальному радио передадут не только о прибытии поезда, но и о «глубоком горе, постигшем весь советский народ».

И Лаврентий Палыч рассмеялся, неуверенно поддержанный в этом нервным хихиканьем Деканозова. Жизнь – в лице различных товарищей и господ – неоднократно обманывала Владимира Георгиевича: почему бы не сделать это ещё раз? Тем более что соучастием такого формата он пятнал себя впервые за биографию.

«Лучше бы я остался завхозом на радио! – «досрочно помянул себя» Деканозов, но тут же занавесил лицо скепсисом. И то: кто бы ему позволил остаться? И где: в стороне от эпохальных событий? Не Берия, так Маленков вспомнил бы о его пока ещё существовании. И последний вспомнил бы не для того, чтобы продлить это существование: в Кремле привыкли заканчивать начатое. Ни одна из жертв внимания кремлёвских вождей не выпадала из поля их зрения достаточно надолго.

Имелся и ещё один повод для самокритики – относительно «завхозьей доли»: ведь Деканозов сам позвонил Берии после того, как его «попросили из органов». Сам напомнил о своём существовании, а то и «недоработке» в части него.

Владимир Георгиевич невесело усмехнулся. Было ведь: «заступись, отец и благодетель»! И сказал ему «благодетель»: «Не торопи события, Володя! Ещё не время: потерпи! Я тебя вытащу, но чуть позже!» И ведь не подвёл: «вытащил»! Пусть даже в формате «за ушко, да на солнышко!»

То есть, так «не подвёл», что «подвёл под монастырь»! И упрекать не за что: сам просил! Уклониться не было уже никакой возможности: обычная история для угодившего меж двух огней. Ведь, если «подавят батареи» Лаврентия Палыча, то другая сторона «на снаряды не покусится». Классика: «из огня да в полымя»! «Доброжелатели со стороны Хозяина» всё припомнили бы: и работу под началом Лаврентия Палыча, и опалу, и дружбу с «врагом народа», пусть даже и в бытность того «другом»! И к заговору обязательно бы «подтянули»:

для количества, на всякий случай и в профилактических целях. Так что Владимиру Георгиевичу оставалось лишь «плыть по течению»...

Деканозов опрокинул внутрь стопку водки и выглянул в окно. Многократно виденный пейзаж не вызывал в нём сейчас ни малейшего энтузиазма. Нет, он не боялся ни работы, ни содержания задания: рутинная. Ему приходилось попадать в ситуации, куда более сложные и ответственные. Да, что далеко ходить: его телеграмма из Берлина в июне сорок первого о том, что немцы начнут войну двадцать второго числа текущего месяца. Она вызвала в Москве такую реакцию, что лишь начало войны «в правильную дату» спасло Деканозова от отзыва в Союз «для получения оргвыводов» вплоть до выводящего и «приводящего». А он знал, что реакция может быть лишь такой, и не побоялся «отбить» телеграмму! А ведь это не просто зайти в аппаратную, и даже не просто расположиться против течения: это «выступить против линии»! Да, к чёрту «линию»: против Хозяина!

Словом, «было дело», только настроения от бывшего не было. Мажорные реминисценции, если на что и настраивали, так исключительно на минор.

– Идём по графику? – спросил он скользящего мимо него официанта. Спросил лишь для того, чтобы разбавить вопросом густой пессимизм.

Официант мастерски притормозил на бегу, и элегантно изогнулся.

– Точно по графику. Через час будем на месте.

Деканозов чуть заметно усмехнулся: официант был настолько услужлив, что в его голосе Владимиру Георгиевичу даже послышалось старорежимное «-с»: «по графику-с», «на месте-с». Настроения не прибавилось, зато прибавилось решительности. Он встал и направился в купе проводников.

– Билет, пожалуйста.

– Так ещё целый час ехать! – попытался «уклониться» проводник.

– Хочу устроить сюрприз встречающим, – усмехнулся Деканозов.

Проводник будто бы понимающе осклабился – на всякий случай, так как «товарищ» ехал в «СВ» – покопался у себя в «кассе», и молча протянул билет.

Через пятнадцать минут Владимир Георгиевич сошёл на станции Тбилиси-Товарная: на всякий случай. А ещё через минуту, когда он спокойно двинулся на поиски «колёс», к нему неожиданно подошли двое, и вежливо предложили «донести чемодан». Заметив стоявших «прямо по курсу» ещё двоих «в штатском», Владимир Георгиевич побледнел... и не стал отказываться от предложенной «помощи». Одновременно с этим решил и «транспортный вопрос»: «товарищи» были с машиной. Даже с двумя...

... – Не советую Вам играть в молчанку! Нечего тут изображать из себя партизана на допросе в гестапо, гражданин Деканозов!

Мгеладзе, лично решивший «поработать с товарищем», как и положено нормальному южанину, с трудом удерживал темперамент в рамках, «предписанных» тому служебным положением. Заодно он и с трудом удерживался в пределах нормативной лексики.

– Ого! – усмехнулся Деканозов. – Уже «гражданин»...

– А Вы как думали!

– Это почему же?

– Потому, что Берия разоблачён, как враг народа!

Как ни старался Деканозов, но пошутить на тему «не бери на понт, мусор!», не получилось. Пришлось ограничиться мертвенной бледностью на лице.

– Вижу, что до Вас уже начинает что-то доходить! – усмехнулся Мгеладзе. Первый секретарь был доволен собой и эффектом: обошлось без приложения рук и слов. – Поэтому не советую запирается и тянуть время. Люди, которые должны были встретить Вас в Тбилиси, уже «гостят» у нас. Чуть позднее мы «познакомим» вас – для обмена мнениями друг о друге.

Мгеладзе откупорил бутылку «боржоми» и, налив минералки в стакан, со вкусом опорожнил его. В кино «про фашистов» так обычно делает утомившийся «работой с объектом» следователь гестапо.

– Так как, гражданин Деканозов: будем говорить?

Владимир Георгиевич уже взял себя в руки.

– Вы, вероятно, ждёте от меня каких-то признаний? Но мне не в чем признаваться: я приехал в Тбилиси по личным делам к родственникам жены.

Это было правдой: у Норы Тиграновны действительно имелись родственники в Тбилиси. Более того, по настоянию Владимира Георгиевича она связалась с ними и предупредила их о приезде мужа, но, якобы по просьбе, исходившей от них самих.

– Да-да, – энергично откликнулся Мгеладзе, утирая губы носовым платком. – Они уже подтвердили факт звонка Вашей жены и то, как она просила их стать инициаторами Вашего приглашения.

Деканозов закусил губу: местная госбезопасность, в руководители которой «в порядке усиления кадров» прочил его сам Берия, доказывала свою состоятельность. Не вовремя и, к сожалению, на его примере. А ведь официально его «намечали» сюда «на укрепление! Теперь оставалось лишь жалеть о несбывшемся сотрудничестве и проклинать неуместный – в данном случае – профессионализм «товарищей». Положение осложнялось. Нужно было срочно придумывать новый предлог вояжа.

– Ну, и что?

Владимир Георгиевич почти достоверно отработал равнодушие.

– Жена действительно созванивалась с родственниками в Тбилиси, что она делает регулярно, и сказала, что я направляюсь туда. Вот они и попросили меня заглянуть к ним, помочь решить некоторые бытовые вопросы. Да, если бы и не просили, я бы сам заглянул: перед женой всё равно пришлось бы отчитываться...

– А зачем же Вы тогда направлялись в Тбилиси?

Мгеладзе поднырнул глазами под Деканозова, но тот мастерски ушёл взглядом: сказывался большой опыт. Да и столица СССР – это, всё-таки, не столица Грузии. «Работа на высоте» требовала таких навыков, которые не снились и уроженцу гор. Потому что «здесь вам не равнина...» со всеми вытекающими последствиями для дилетантов. Таким «наверху» делать нечего. Случайные люди обречены «на выпадение с гор в осадок», и уже не случайно, а закономерно.

– Вообще-то, я не обязан отчитываться перед Вами... Ну, так и быть: товарищ Берия попросил меня отработать на месте несколько эпизодов в отношении лиц, арестованных по делу о «мингрельском национализме».

– «С лицами» или «в отношении лиц»? – оживился Мгеладзе.

Казалось бы, какая разница? Чего цепляться к словам и заниматься пустопорожней софистикой? Но Деканозов насторожился: разница была, и существенная. Одно дело – работа «с лицами», что могло означать непосредственный контакт с арестованными, к которым Деканозов не имел законного допуска. И совсем другое – работа «в отношении лиц», что могло означать что угодно: от сбора информации «по соседям» до изучения документов в архивах. А это не содержало уже почти никакого криминала. Почти никакого: всё-таки, Владимир Георгиевич на данный момент являлся завхозом Всесоюзного радиокомитета, пусть и «обозванным покрасивше» начальником АХУ.

– В отношении лиц, – тщательно отделяя одно слово от другого, не удержался от язвительности Деканозов. Не удержался не потому, что хотел уязвить: характер вылез. По уму или без, это могло показать лишь будущее.

– А почему это поручили именно Вам? – обрадовался Мгеладзе. Вероятно, ему показалось, что он нанёс оппоненту, если не смертельный, то обезоруживающий укол. – Насколько я знаю, Вы состоите на хозяйственной работе, а не на оперативной?

Деканозов усмехнулся: он получил возможность качественно и «по полной программе» удивиться столь «наивному» вопросу. Иными словами: «поймал товарища».

– Ну, если Вы так хорошо осведомлены о моём теперешнем положении, то Вы, тем более, должны знать о том, что товарищ Берия является председателем партийно-государственной комиссии по расследованию фактов и причин «мингрельского национализма». В рамках этих полномочий он имеет право давать поручения любым лицам, независимо от занимаемых ими должностей.

Владимир Георгиевич «выстрелил» прямым взглядом в Акакия Ивановича. Так, словно этот взгляд отработывал за «контрольный выстрел».

– И потом, гражданин Первый секретарь: я ведь не всегда был начальником АХУ. Совсем недавно, если Вы помните, я занимал пост заместителя министра госбезопасности СССР. Тогда Вы иначе со мной разговаривали...

– Да, жаль, что Вы – не дурак, – взгрустнул Мгеладзе. – Впрочем, Лаврентий Палыч дураков возле себя и не держал...

– «Не держал»?

Деканозов бровями «подсобил» голосу.

– А почему в прошедшем времени?

– Потому, что Берия арестован.

– непрофессионально, Мгеладзе! – не потрясся информацией Деканозов. – И непредусмотрительно: как бы потом жалеть не пришлось!

– Вы мне не верите?! – «схватился за кинжал» горец Мгеладзе: у горцев так полагается. Ну, вскипать и хвататься. И то – повод-то, какой: оскорбление недоверием! Какой среднестатистический горец стерпит такое?

– Не верю!

Деканозов не испугался: ни вида Мгеладзе, ни вида его «кинжала».

– Знаете, как апостол Фома говорил: не поверю, пока не вложу персты свои в раны от гвоздей.

– Вы хотите доказательств?

Мгеладзе на секунду задумался: уже начал остывать, и нормальная температура позволила ему это сделать.

– Хорошо: будут Вам доказательства.

Он поднял трубку телефона.

– Это – Мгеладзе. Могу я поговорить с товарищем Сталиным?

Как ни старался Деканозов удержать лицо на месте, а не удержал: обронил. А тут ещё и секунды, как нарочно, потянулись издевательски медленно. Неожиданно Мгеладзе подобрался и осторожно выдохнул в трубку:

– Здравствуйте, батона. Как Ваше здоровье?

Так качественно сыграть подобострастие вперемешку с уважением и любовью не смог бы даже сам Берия. И Деканозов понял: это – не игра. Но, если это – не игра, то... Он напрягся в ожидании ответа «с той стороны». Заметив это, Мгеладзе щёлкнул переключателем громкой связи, успев «по пути» даже усмехнуться.

– Жив, слава Богу...

Деканозов вздрогнул от громоподобного звука. Но в громоподобности никаких заслуг абонента не было: хорошо работала система громкой связи.

– ...и ещё одному человеку...

Это не было мистификацией: Деканозов, неоднократно лично общавшийся с Хозяином, мог отличить его голос из тысячи. Он ещё не всё понял, но ему уже стало не по себе. Хотя, глупости говорят люди: «не по себе». Если бы не по себе, а по кому-нибудь другому, совсем другое дело было бы!

– А что у Вас?

Тихий голос Хозяина активно растолкал страхи Владимира Георгиевича. Но, увы, лишь освобождая местечко для новых страхов.

Бережно прижимая трубку к уху, Мгеладзе покосился на Деканозова.

– У нас, батано, задержанный Деканозов изображает из себя апостола Фому.

– По линии недоверия?

На том конце слышалось нечто похожее на тихий смешок. Акакий Иванович не оставил вождя в одиночестве и поддержал его «здоровым кавказским смехом», пусть и с номенклатурной подкладкой. Так сказать, оценил, одобрил и даже соучаствовал.

– И чего же он хочет? – перестал горловым бульканьем изображать веселье Сталин.

От того, что Хозяину стало лучше, Владимиру Георгиевичу стало хуже. Услышав голос живого Сталина – а для «опознания» ему уже не требовалась экспертиза – Деканозов уже не хотел ничего.

Явно наслаждаясь душевными муками задержанного, Мгеладзе осторожно приглушил голос.

– Вероятно, батано, он желал бы убедиться в том, что его покровитель по-прежнему имеет возможность нагло врать Вам в глаза о своей преданности?

Наступила пауза, в продолжение которой Владимир Георгиевич обзавёлся ещё несколькими седыми волосами. Наконец, Хозяин «вышел в эфир».

– Передайте, что покровитель уже не сможет покровительствовать ему...

– Спасибо, батано, – прочувствованно дрогнул голосом Мгеладзе. – Желаю Вам нашего кавказского долголетия и здоровья!

На том конце слышалось клацанье рычагов: «дурной привычки» прощаться с собеседником у Сталина не было.

Мгеладзе осторожно положил трубку на рычаги, и долго ещё впечатлялся состоявшимся разговором: не каждый день общаешься с вождём. Наконец, восторгнувшись последний раз, он вопросительно уставился на Деканозова.

Владимир Георгиевич поник головой.

– Я скажу всё...

Глава одиннадцатая

... – Итак, с учётом показаний Деканозова и Маленкова, мы имеем полную картину заговора.

Браилов почтительно склонил голову перед Хозяином, который по-прежнему возлежал на диване, но уже в почти кондиционном состоянии.

– Продолжайте, товарищ Браилов...

Обращение не как к безличному охраннику, а как к человеку, у которого есть даже фамилия, возымело на Семёна Ильича благотворное воздействие – и он «впал в энтузиазм».

– В результате проведённых оперативно-следственных мероприятий мы с генералом Кругловым...

Он сделал почтительный реверанс в сторону министра, стоявшего чуть поодаль от него.

– ... пришли к следующим выводам. Первое: заговор организовал Берия, который вовлёк в него Маленкова, Хрущёва и чуть позднее Игнатьева. Правда, ни один из них и не сопротивлялся этому «вовлечению». Более того, все трое активно откликнулись на призыв Берии совершить захват власти под предлогом сохранения её преемственности и непрерывности.

– «Преемственности...» – покривил щекой Сталин.

– Текст даётся «в редакции» Деканозова, товарищ Сталин, – также поучаствовал в усмешке Семён Ильич. – Мы пока не имеем показаний Хрущёва. Но показаний Маленкова, Игнатьева, Деканозова, Хрусталёва и некоторых других «ростом поменьше» достаточно для того, чтобы наглядно представить себе масштабы и цели заговора. Как и то, товарищ Сталин, что ни Игнатьев, ни тем более, Хрущёв с Маленковым не являлись «невинными жертвами змея-искусителя». Нами достоверно установлено, что замыслы вынашивались и появились на свет «нормально выношенными». Это исключает версию «жертв искушения».

Сталин молча усмехнулся: он мог оценить неглупую шутку – и даже один только иронический взгляд. А «в редакции» Браилова и то, и другое получилось «нормативно неглупым».

Благожелательная реакция Хозяина позволила Семёну Ильичу «развернуть картину» в традиционном для оперативника «академическом ключе». То есть, в переложении фактов на язык уголовно-процессуального законодательства.

– Это подтверждают и записи Маленкова о персональном составе нового руководства, исполненные им собственноручно, и показания его секретаря Суханова, и обнаруженные во время обыска на квартире Берии планы заговора с их детальной проработкой.

Он замолчал и слегка наклонил голову, как бы передавая эстафету Хозяину. И тот не стал уклоняться.

– Роль Булганина?

Браилов осторожно двинул плечом, чтобы не переусердствовать с выражением мнения.

– Товарищ Сталин, никакой активной роли в подготовке и осуществлении заговора Булганин не играл. «Троица» даже не посвящала его в свои замыслы. Его держали «на скамейке запасных»: вдруг, да и пригодится.

Наткнувшись на благосклонный – конечно, не по адресу Булганина – взгляд Хозяина, Семён Ильич ещё раз позволил себе усмешку.

– Но Николай Александрович, конечно, не дурак: он быстро смекнул, что к чему и без дополнительных инструкций. То-то он так лебезил перед Берией и Хрущёвым, пока Вы тут «умирали»!

Увидев знаменитый сталинский прищур, Браилов мгновенно подобрался: Хозяин уже «выходил на вывод» и надо было его опередить. Потому, что этот вывод обещал Булганину другой, и единственный: «вывод в расход». Под руководством «выводящего».

– Но, ещё раз хочу повторить, товарищ Сталин: непосредственного участия в заговоре Булганин не принимал. Это установлено достоверно. То есть, никакого «домината», никакого «тетрарха», никакого «императора номер четыре».

Хозяину не требовалось расшифровки намёка: с историей Древнего Рима он был знаком не только в аспекте «классово правильного» восстания Спартака.

– Думаю, что в процессе дальнейшего расследования дела это только подтвердится. Если Булганина за что и следует осуждать, так за бесхарактерность и беспринципность. Увидев, как «проявился» Берия, да ещё «на безальтернативной основе», он сразу же «записался в банду».

Хозяин смежил веки: принято. Семён Ильич мог перевести дух – и не от продолжительного монолога: решение «персонального вопроса» Булганина, как минимум, откладывалось. Переведя дух, он сделал шаг назад – для того, чтобы Круглов сделал шаг вперёд. Браилов вовремя понял, что министр «застоялся в тени». Сейчас тактически выгодно было дать товарищу «приобщиться к отчёту о подвиге». В будущем это могло пойти на благо, и не только стране, но и отношениям с руководством. А польза от отношений с руководством – это часть общей пользы. Пользы в широком смысле: на благо всей страны. Так как, «ты, я, он, она – вместе целая страна»!

И Круглов не задержался «в строю».

– Все участники заговора – из числа установленных на текущий момент – арестованы. Доказано, что лица, намеченные Берией к «выдвижению», были в курсе планов «благодетеля». Но непосредственно к заговору отношения никто из них не имел. Разумеется, если не считать недонесения о достоверно известном преступлении.

«Обложив флажками» «рабочий материал» – к видимому удовольствию Хозяина – Круглов повернул голову в сторону маршала Жукова. Жуков эстафету принял: сделал шаг вперёд.

– Войска Московского военного округа, товарищ Сталин, в кратчайшие сроки выдвинулись на исходные рубежи атаки и нейтрализовали возможные действия корпуса внутренних войск имени...

Он запнулся, но всё-таки, откашлявшись, мужественно закончил:

...маршала Берии. Командный состав корпуса и его дивизий задержан до уточнения заслуг каждого. Полк внутренних войск, с благословения генерал-полковника Артемьева расквартировавшийся в Лефортовских казармах, разоружён и выведен за черту города. Командир полка, начальник штаба и командиры батальонов остались «квартировать» в Лефортове, но уже не в казармах и на других условиях. Также до выяснения обстоятельств. Считаю необходимым отметить деятельное участие в операции генерал-полковника Москаленко.

Отрапортовав, Жуков звучно двинул каблуками сапог. Многолетняя опала научила его не только Уставу, но и здравому смыслу – по линии непомерной гордыни.

– Где Артемьев?

Жуков тут же отработал заместителем Верховного: облёкся доверием и сдвинул брови.

– Задержан, товарищ Сталин. Но содержится отдельно от остальных, под домашним арестом. Не думаю, что он причастен напрямую. Проявил слабование – да! Беспринципность – да! Струсил – да! Но душу за Берию он не заложил, в этом я убеждён на все «сто»!

– «Душу»...

Сталин болезненно поморщился.

– А Вы уверены, что она у него есть?

Жуков растерялся: вопросы религии, как и философии, были не по его «ведомству». Своей растерянностью он тут же поделился с Браиловым. А что: не слава – не жалко.

«Бросать маршала под танк» – даже в профилактических целях – Семён Ильич не захотел, и сделал решительный шаг вперёд. Вроде, как на пулемётную амбразуру. Не в бессмертие конечно, но «всё, таки»...

– Согласен с маршалом Жуковым, товарищ Сталин, – «грудью упал» он «на амбразуру дота». – Никаких данных о причастности генерал-полковника Артемьева к заговору нет и вряд ли они появятся. Что же до души генерал-полковника, то она у него есть, и в целом – здоровая.

– Это как? – немножко подобрел Сталин.

– Наша душа: советская. Не из церкви.

Характеристика явно пришлась Хозяину по душе и он прибавил в снисходительности к «потенциальному объекту». Это позволило Браиллову перейти к реабилитирующим основаниям «земного порядка».

– Конечно, товарищ Сталин, он виноват, но вина его заключается лишь в том...

Браилов замялся, подбирая наиболее точное определение. Да и как иначе: момент – ответственный. Ведь это определение Хозяин наверняка положит «в основание будущего приговора», как его не назови: «оргвывод», «приказ» или что иное.

– Надеюсь, не в том, «что хочется мне кушать»? – с усмешкой подсказал Сталин. Реакция Хозяина оказала благотворное влияние на мыслительный процесс Семёна Ильича: пришлось оперативно мобилизоваться.

– Никак нет, товарищ Сталин: в том, что подробно и объективно уже обрисовал маршал Жуков. Артемьев смалодушничал, не осмелился возразить Берии – и пропустил в Москву полк внутренних войск. Возможно, что, развивайся события и дальше по сценарию Берии, он пропустил бы и дивизию из корпуса имени «маршала Лаврентия Палыча».

Браилов мужественно «не потерял мужества» от прямого взгляда Хозяина. И Сталину это понравилось: он не терпел, когда его собеседники «уваливали» глазами или языком.

– Артемьева, конечно же, надо наказать, товарищ Сталин. Но в одну компанию с Маленковым, Хрущёвым и Игнатьевым его зачислять не стоит.

Прикрыв глаза веками, Сталин задумался. Не исключено, что он определялся в этот момент с количеством фигурантов будущего процесса: не окажется ли их мало? Наконец, он тихо «приговорил»:

– Отпустите его. И предложите сегодня же написать рапорт с просьбой об увольнении из армии по состоянию здоровья. И сегодня же приказом уволить его без права ношения формы. Звание и награды сохранить: он их заслужил... в своё время... Какой дурак...

Вероятно, в этот момент Иосиф Виссарионович вспомнил Артемьева «образца сорок первого» и тот знаменитый парад седьмого ноября. Ведь именно Артемьев командовал войсками, которые прямо с парада уходили на фронт, под Волоколамск. Скорее всего, именно этим и было вызвано такое лёгкое наказание для генерала: подумаешь, штатский костюм – вместо мундира. Любой другой на его месте радовался бы даже такой крайности, какую баснописец определил словами «... и голым в Африку пушу!». А тут – какая-никакая, одежда!

Покончив с вопросом – благо, что не с человеком – Хозяин покосился в сторону Жукова.

– Кремль?

Словно недоумевая по поводу вопроса, тот слегка пожал плечами, но тут же поправился: «за отмазку» пожатие в глазах Хозяина никогда «не канало».

– Мы действительно планировали окружить Кремль частями войск Московского военного округа. Но потом, изучив оперативную обстановку, мы с генералом Москаленко решили этого не делать, чтобы не давать лишнего повода москвичам и гостям столицы, в том числе, и «оттуда».

Жуков движением бровей показал, откуда это «оттуда».

– Разумно, – «амнистировал» Хозяин.

Вдохновлённый «надлежащей» реакцией, Георгий Константинович верноподданно закончил в формате «кашу маслом...»:

– Но войска округа, товарищ Сталин, в любой момент готовы выполнить свой долг!

Закончив доклад, маршал энергично боднул лысеющей головой и «вернулся в строй». Теперь все трое – Браилов, Круглов и Жуков – стояли на одной линии, как на параде.

Некоторое время Сталин молчал: собирался с мыслями. Или собирал мысли. Наконец, собрался. Или собрал.

– Что будем делать с пленумом?

Удивлённо оттопырив губы, Жуков посмотрел на Круглова: и политика была не по его «ведомству». Разве что, в плане работы с товарищами. Точнее, по товарищам. Силами вверенных ему частей. Заполучив недоумевающий взгляд маршала, Круглов тут же переадресовал его Браилову. В мастерстве уклонения от «лишнего груза» он нисколько не уступал маршалу.

Поняв, что ни маршал, ни генерал отвечать – ни на вопрос, ни «в более широком смысле» – не рвутся, Семён Ильич вынужденно «рванул тельняшку»:

– Мы уже прорабатывали этот вопрос, товарищ Сталин.

Подобной формулировкой он волей-неволей «подпряг» к ответу и Жукова, и Круглова. К ответу и ответственности. И, как люди неглупые и опытные, те напряглись в ожидании продолжения. По пути они немножко «разочаровались» в Браилове: товарищ «обвязал гранатами» не только себя.

Нетактично поступил товарищ – в смысле такта, а не тактики, конечно.

Удовлетворённый реакцией коллег, Семён Ильич продолжил «вовлекать и охватывать» их уже более активно:

– И мы пришли к заключению, товарищ Сталин, что сделать вид, будто ничего не произошло, уже не удастся.

Как «непосредственным участникам проработки вопроса», Жукову и Круглову пришлось живо заинтересоваться результатом своей деятельности. Хозяин составил им компанию. Словно «подчёркивая момент и значимость», Браилов решительно выкатил грудь.

– Мы считаем, что Пленум должен состояться – ну, так, словно это мы сами инициировали его созыв.

Круглов, прежде Жукова «сориентировавшийся в обстановке», возбуждённо блеснул глазами. Ему явно понравилось и то, как он «участвовал» в обсуждении этого вопроса, и то, к каким выводам он в результате этого «пришёл». Но пока он «блистал глазами», Хозяин оказался первым «у языка»:

– Правильно, товарищ Браилов. Негоже нам уподобляться страусу, прячущему голову в песок. Вы правы: мы созвали Пленум – мы его и проведём. Для того чтобы разоблачить преступные действия банды Берии-Маленкова-Хрущёва-Игнатъева.

Сталин и в болезни остался верен себе: продумал не только «повестку дня», но и «ярлыки».

– Только... я не чувствую в себе сил выступить с докладом...

Словно иллюстрируя текст, он попытался оторвать голову от подушки, но отрыв не состоялся.

– О каком докладе Вы говорите, товарищ Сталин?! – своевременно возмутился Браилов. – По медицинским показаниям, Вам нельзя даже присутствовать на Пленуме! Мы должны побереечь товарища Сталина для страны и народа, а товарищ Сталин должен помочь нам в этом!

Краем глаза Браилов заметил, как Жуков побелел от зависти: его опередили с верноподанным текстом, да ещё, с каким! Столько очков перешло в актив Браилова: это было заметно по одобрительному взгляду Хозяина, которым тот прореагировал на этот де-факто панегирик.

Одобрение Хозяина позволило Семёну Ильичу перейти к персоналиям.

– Политический доклад о причинах и сущности заговора сделает товарищ Молотов. Он все эти дни неотрывно находился здесь, даже не будучи «полуофициально» дежурным.

Заметив, как Сталин недовольно скривился, Семён Ильич тут же «ринулся» на Хозяина «с доводами наперевес».

– Мы все...

Он обвёл взглядом окружавших его Жукова им Круглова, словно призывая тех в «компаньоны», от чего последние, к чести их, не стали уклоняться.

– ... знаем о Вашем, товарищ Сталин, отношении к некоторым... скажем так... не совсем благовидным...

Хозяин иронически хмыкнул, словно оценивая то, как дипломатично Браилов определил их с Молотовым разногласия.

– ... поступкам товарища Молотова, – мужественно игнорировал «высочайший хмык» Семён Ильич. – Но, безусловно соглашаясь с Вашими оценками, товарищ Сталин, мы хотели бы отметить, вот что. Молотов, один из немногих – вместе с Кагановичем, Андреевым, Пономаренко и несколькими товарищами рангом ниже – кто действительно скорбел в связи с возможностью утраты Вас для партии, страны и народа!

Даже понимая, что нельзя сейчас чересчур энергично давать чувство, дабы не волновать Хозяина, Браилов не смог удержаться «в рамках» и слегка повысил голос. Потому что, как можно не давать, если нужно давить и даже подавлять! Оппозиционные настроения Хозяина, то есть.

– Один из немногих, товарищ Сталин! Товарищ Молотов никогда не посягал на место или авторитет великого Сталина, и в этом его никто не посмеет упрекнуть! Более преданного соратника у Вас нет!

Сталин нахмурил лоб – так, словно забарабанил пальцами по столешнице. Не дождавсь ответа, Браилов энергично продолжил.

– И потом, товарищ Сталин, кому, как не Молотову, Вашей правой руке на протяжении десятилетий, можно доверить такой доклад?

Браилов «перезарядил ствол – и сделал контрольный выстрел»:

– Иначе нас не поймут – ни здесь, ни «там»...

Семён Ильич не зря «дёргал затвор»: последний довод оказался решающим. Сталин, вздохнул и смежил веки:

– Согласен...

– А доклад о результатах оперативно-следственной работы сделает вновь назначенный министр государственной безопасности.

И Браилов покосился в сторону Круглова. Реакция Сергея Никифоровича его вполне удовлетворила: генерал ничем не выказал своего неудовольствия в связи с его «вовлечением и подтягиванием». Да и с чего бы ему это было делать: ведь доклад на Пленуме, да ещё в такой обстановке, это не только знак признания авторитета, но и перспективы рывка «наверх»! Этот Пленум – не какая-нибудь рутина, а трамплин!

На этот раз Сталин не раздумывал с одобрением кандидатуры. Похоже, он уже оценил роль Круглова в событиях последних дней. Даже в большей мере, не роль, а степень надёжности и личной преданности. В условиях «форс-мажора» последнее обстоятельство – первейшее по значимости.

– И ещё...

Браилов сделал многозначительную паузу. «Аудитория» мгновенно «призвалась к вниманию».

– Нам ни в коем случае нельзя скрывать чрезвычайного характера Пленума! Более того, мы сами должны подчеркнуть его! Это тем более важно, что на Пленуме будут сторонники Берии, которые первыми откликнулись на его зов. Наверняка они ждут иной повестки дня, чем та, которую мы намерены предложить их вниманию. Как минимум, на Пленуме: другую им предложат уже на Лубянке.

Хозяин разволновался, и явно не по причине «изменений в повестке»: «круг друзей», оказывается, не ограничивался одним Лаврентием! Пришлось Браилову вновь «стать вра-

чом» – на этот раз психотерапевтом. Успокаивая Хозяина, он положил руку на его плечо. На плечо вождя! Увидев это, Жуков и Круглов буквально опешили от такой неслыханной фамильярности. Этот момент вознёс Семёна Ильича в их глазах больше, чем все предшествующие, вместе взятые. То, что роняло его в их глазах, а именно: всего лишь майорские погоны и нежелание солировать «в лёжке под танком», сейчас даже как-то забылось. На время.

– Всё в порядке, товарищ Сталин: мы их уже вычислили. Практически всех. Сейчас заканчиваем «отработку» последних кандидатур.

Сталин с видимым облегчением откинулся на подушки: враг не прошёл.

– Что же касается задержанных и арестованных...

Семён Ильич в раздумье пожевал губами.

– .. думаю, что всех их необходимо содержать – пока, во всяком случае – там же, где они и содержатся в настоящее время: на гауптвахте штаба Московского округа ПВО. Никто из тех, кому не положено знать об этом, об этом не знает, и пусть не знает и дальше. Несмотря на то, что следственный изолятор МГБ в Лефортове уже очищен как от контингента, так и от старого персонала, думаю, лучше будет сохранить «статус-кво».

Сталин движением век «санкционировал» меру.

– Что же касается сподвижников Лаврентия Палыча, – усмехнулся Браилов, – то мы с генерал-лейтенантом Кругловым...

Он специально не стал называть Круглова по имени-отчеству, дабы лишний раз не «травмировать» Хозяина. Сталин всегда бдительно относился к «неформальным» отношениям «коллег», и по этой причине мог додумать, чёрт знает, что. Чаще всего – то, чего и в помине не было.

– ... уже предприняли ряд шагов в этом направлении. Так, часть лиц, намеченных Лаврентием Палычем на замещение совсем не вакантных должностей даже в реформированном МВД, уже нами «обслужена». Другая часть «кандидатов» «подвергается обслуживанию» в настоящее время.

Он наклонился к Хозяину, теперь, кажется, вполне удовлетворённому разъяснением и характером отношений с генералом Кругловым: отношения были «правильные».

– Товарищ Сталин, после анализа добытой информации мы с генералом Кругловым пришли к заключению о необходимости «подключения к заговору» близкого сотрудника Берии генерал-полковника Серова и нынешнего «госконтролёра», а в недалёком прошлом министра госбезопасности генерала армии Меркулова. Нами установлено, что оба они неоднократно за последнее время вступали в контакт с Берией. Причём, Меркулов сам навязывался Берии, намекая на руководящую должность в системе правоохранительных органов. А Серов неоднократно за последние два дня пытался выяснить у нас о судьбе Берии – хотя какое ему должно быть до этого дело: никто не давал ему таких полномочий! Тем более что Берия по своей последней должности кураторских функций в отношении органов внутренних дел и госбезопасности не осуществлял!

Внимательно выслушав доклад, он же запрос о санкции на арест «новой партии врагов народа», Сталин молча прикрыл глаза веками. Санкционировал, то есть. В этом отношении он не мог согласиться с безответственным заявлением одного гуманиста, который полагал лучшим отпустить десять виновных, чем посадить одного невинного.

Все трое – Браилов, Жуков и Круглов – мягко сдвинули каблуки, и оставили Хозяина на попечение врачей: «труба звала». В том числе, и та «одна вторая» из выражения «дело – труба». Для заговорщиков...

Глава двенадцатая

Открытие Пленума решено было... открытие Пленума было решено. И так уже прошли целые сутки с той даты, которую наметил для себя Берия. Правда, задержка во времени оказалась на руку «сталинистам»: в Москву успели подъехать те члены и кандидаты в члены ЦК, которых Лаврентий Палыч «не приглашал». Те, которые остались бы таковыми лишь до внеочередного съезда – через месяц-другой, с последующим выбыванием не только из состава ЦК.

Вопреки сюжетам романов, зал, которому должно было гудеть от волнения, не гудел, а зрители, которым надлежало перешёптываться, не перешёптывались. Было тихо так, что пролети здесь муха, она бы не осталась неслышанной, и не только сотрудниками МГБ. Народ был «нетворчески» встревожен – главным образом, мыслями по поводу самого себя. Самоконтроль каждого повлёк за собой дисциплинированность всех – до уровня «мёртвой» тишины.

Доклад, как и было решено, делал Молотов. Объявление о докладе – Первухин. Даже в тот момент, когда Михаил Григорьевич уже объявлял докладчика, Вячеслав Михайлович что-то энергично писал: времени на подготовку текста ему не дали. И не от жадности: от отсутствия.

Поднявшись на трибуну, Молотов аккуратно протёр стёкла пенсне носовым платком, предварительно убедившись в его пригодности для такой деликатной работы. Водрузив пенсне на нос, он пошёл взглядом по рядам. И не с тем, чтобы призвать – всё уже были призваны – а потому что больше нечем было загрузить взгляд. Он успел написать только «преамбулу», да и ту выучил наизусть, пока писал.

– Товарищи! Наш Пленум собрался в дни, когда партия, народ и государство подверглись тяжёлому испытанию...

Сидящие в зале затаились ещё выразительней.

– ... Враги партии и народа замахнулись на самое ценное, что у нас есть: на жизнь товарища Сталина...

Вот теперь зал ахнул. Но очень дозировано и осторожно: кричать «Негодяи!» или, тем паче «Смерть врагам народа!» ещё не пришло время. Высовываться «на свою голову» и прочие интимные места никто не хотел.

– Но их вылазка провалилась!

Последовал дружный выдох. Правда, Молотов не взял бы на себя смелость квалифицировать его, как единоклубный, и, тем более, как выдох облегчения. Народ выдыхал в унисон, но каждый своё. Вячеслава Михайловича не нужно было инструктировать на тему «Враг не дремлет!»

Поэтому он и не обольщался: в зале действительно было немало тех, кто предпочёл бы другой сценарий развития событий. Теперь им приходилось мимикрировать под преобладающее настроение. Но части из них, по причине искреннего расстройств финалом, не удалось замаскироваться, и они сидели «со своими лицами»: мрачнее тучи. Хотя, в случае любопытства «товарищей, компетентных проявлять любопытство», они могли выдать свой «непокровительственный окрас» за естественную для советского гражданина реакцию на известие «о злодейском покушении на жизнь дорогого вождя».

– Сейчас наши органы активно работают по выявлению и обезвреживанию всех, пока ещё остающихся на свободе, второстепенных участников заговора. Но о результатах оперативно-следственной работы Пленуму доложит вновь назначенный министр государственной безопасности товарищ Круглов. Я же остановлюсь на политической оценке событий.

Молотов, не торопясь, налил воду из графина в стакан, и сделал несколько глотков. Он уже смирился с тем, что доклад придётся делать «с колёс». Конечно, это дополнительно «накладывало и обязывало» – стенографисты ловили каждое его слово, но зато не ограничи-

вало в творчестве. А Хозяин одобрял «полёт мысли». Если, конечно, она – мысль, то есть – «летела правильным курсом». Курсом, заданным Хозяином.

В контексте директивы «верной дорогой идёте, товарищи». За такую самодеятельность Хозяин не только не взыскивал, но и поступал в точном соответствии с установкой «чудища дивного» из сказки Аксакова: «не накажу, а награжу!». Оставалось лишь постараться «соответствовать» – и по форме, и по существу.

– Достоверно установлено, что организатором и вдохновителем заговора являлся член Президиума ЦК Берия.

Впервые за много лет Лаврентий Палыч не оказался не только... «Лаврентием Палычем», но даже «товарищем».

– Он же и отработал за всех Борджиа, вместе взятых.

Народ не понял – и Вячеславу Михайловичу пришлось «опуститься до уровня».

– Ну, то есть, опоил товарища Сталина, и совсем даже не вином. Опоил пусть и чужими руками, но своим умыслом. Ближайшими подручными Берии – и это тоже установлено достоверно – являлись лица из высшего политического руководства страны: члены Президиума ЦК Маленков, Хрущёв, Игнатьев. Заговорщики намеревались не только захватить высшие посты в государстве, но и начать демонтаж Советской власти.

«В этом месте» публика безмолвствовала ещё активнее. Потому что место было привычным, общим и даже дежурным для обвинений такого рода. Как говорится: «плавали – знаем». Поэтому по рядам участников не прошелестело и не пробежало. Если что и впечатлило массы, так одни лишь реквизиты заговорщиков. Но и здесь с реакцией тоже не нужно было спешить: «мало ли, что».

Видя реакцию – «в виде её отсутствия» – Молотов усмехнулся. Вот это действительно удивило аудиторию: Вячеслава Михайловича «без железной маски» мало, кто видел.

– Некоторые из Вас, наверно, думают, что Молотов сейчас начнёт сыпать обвинениями в шпионаже, измене Родине, переходе на сторону врага и покушении на жизнь всех, без исключения, соратников товарища Сталина. Так ведь?

Зал молчал. Потому что дураков нет. Как минимум, в этом зале. Но Молотов не огорчился тем, что голос его по-прежнему обрабатывал «гласом вопиющего в пустыне». Похоже, на другой «приём» он и не рассчитывал.

– Так вот: то, что планировали заговорщики, выходит далеко за пределы «обвинительного клише». Их действительные, а не мнимые прегрешения – куда серьёзней надуманных обвинений.

Слышать такое от Молотова – для большинства сидящих в зале по-прежнему второго человека в партии и государстве – было даже как-то неловко: товарищ активно «обрабатывал топором сук под личным седалищем». Он фактически дезавуировал не только обвинения прошлых лет, но и себя, «прошлого»!

А Вячеслав Михайлович «по-прежнему был, как ни в чём не бывало». Хотя стенографисты заработали с удвоенной энергией. Да и не они одни: желающие «законспектировать крамолу» нашлись и в зале. Да и как иначе: «выступление против линии» плюс «явка с повинной» – с одной трибуны!

– Мои слова – не голословные обвинения. Во время обыска на квартире у Берии были обнаружены его наброски планов по демонтажу социалистического строя в СССР. В них Берия предстаёт не просто, как типичный ревизионист, но как деятель откровенно правого, буржуазного толка. Вот что предлагал он в своей программе.

Молотов, доселе говоривший «не по бумажке», склонился... нет, над своими записями, которых не было: над шпаргалками, которыми его «снабдил в дорогу» Семён Ильич.

– Четыре главных пункта: деполитизация, либерализация, национальное возрождение, новое мышление.

Некоторые из аудитории не могли скрыть удивления на лицах: ну, и что тут крамольного? Слова как слова, особенно последние. В связи с этим Молотову осталось: а) подивиться вопиющей политической безграмотности членов руководящего органа партии; б) немедленно отреагировал на это. Так он – и именно в таком порядке – и поступил.

– Вижу, что мы с Лаврентием Палычем «не дошли до масс». Ну, а поскольку ему уже и не придётся, я вынужден заняться вашим образованием лично. Итак, деполитизация. Под этой штукой Берия понимал отказ от руководящей и направляющей роли партии в государстве. То есть, партия, в его понимании, должна была заниматься только вопросами агитации и пропаганды. Этаким кружок политграмоты. Да и то не везде: Вооружённые Силы, например, он предлагал «очистить» от комиссаров.

Вот теперь зал оживился: Берия напрямую посягал «на сук и задницу» почти каждого из них.

– Либерализация...

Обычно сухой и невозмутимый, на этот раз Молотов «с чувством глубокого удовлетворения» отметил подвижки на лицах и особенно задах сидящих: и те, и другие пришли в движение.

– Тот, кто знаком с иностранными языками, знает, что это слово происходит от латинского «liberalis». То есть, «касающийся свободы, свободный». Только в данном случае речь идёт не о предоставлении больших свобод народу. Под либерализацией на Западе понимается либерализация экономики, то есть, её разгосударствление. Проще говоря, передача средств производства в частную собственность.

Оживление зала перешло в потрясение: предлагать такое на тридцать шестом году Советской власти?! Ну, ладно, в двадцатые, в тридцатые, но не в пятидесятые же?!

– Кстати...

Молотов опять позаимствовал компромат у шпаргалки: потребовалась цитата.

– Чтобы вы не подумали, будто докладчик «подводит базис» – в общем контексте «подведения под статью». В других его записях, конкретизирующих план, у Берии так прямо и сказано: «восстановление частной собственности на землю, заводы и фабрики». И здесь же дописано – его собственной рукой, разумеется...

Вячеслав Михайлович умело выдержал театральную паузу. Докладчик он был, не ахти, какой, но сейчас получилось: народ внял.

– ... «отстранение КПСС от власти». Кто не верит, может подойти и полюбоваться: некоторые из вас хорошо знают почерк Лаврентия Палыча!

Предложение «подойти и полюбоваться» одолело скепсис даже самых «несгибаемых скептиков». Никогда ещё обвинения политического характера не звучали так убедительно. В своё время, конечно, и Крыленко, и Вышинский, и Ульрих «основательно потрудились на ниве». Но результаты их работы воспринимались многими скорее, как пропаганда, чем подлинное доказательство по уголовному делу. Тем более что доказательств, в том смысле, как их понимают уголовное право и уголовный процесс, по большинству дел, как раз, и не было: обвинение основывалось на одних только признательных показаниях обвиняемых. А «царица доказательств», хоть и «царица», но ведь монарха делает окружение. Без надёжной опоры монарх не долго усидит на троне. Это – даже не принимая во внимание того, что «король-то – голый», пусть и при уверениях об обратном. А тут: «подойти и полюбоваться!» Неслыханно!

– Далее.

Молотов невозмутимо удовлетворился возмущением масс.

– ... Национальное возрождение. Все вы будете ознакомлены с записками Берии в Политбюро и Президиум ЦК по поводу работы в союзных республиках. Надо сказать, Лаврентий Палыч весьма своеобразно понимал эту работу. Так, в записках, касающихся положения дел в прибалтийских республиках, в Белоруссии и на Украине, он предлагал назначать на руко-

водящие должности всех уровней и звеньев исключительно по национальному признаку. При этом лицам русской национальности места в его схеме не находилось: Берия предлагал отозвать русских из национальных республик. Такая, вот, «дружба между народов». А что? Мавр сделал своё дело: восстановил, построил, создал условия – мавр может уходить!

Это было похоже на правду: многие из присутствующих на Пленуме лиц и раньше слышали об этих предложениях Лаврентия Палыча, а некоторые даже от него самого.

– Любопытной представляется идея Берии об учреждении республиканских национальных орденов: по ордену – на каждую республику. Так, Узбекская ССР должна была обзавестись орденом Алишера Навои, Грузинская – Шота Руставели, Украина – Тараса Шевченко. И, что самое примечательное: по статуту награждаться этими орденами могли только лица коренной национальности. В основном, за деяния, отдалявшие их народы от русского. А работников, действительно содействующих сближению народов, их дружбе, таких, как, например, товарищ Патоличев в Белоруссии и товарищ Снечук в Литве, Берия намечал отстранить от работы и арестовать. И вряд ли они надолго сохранили бы статус «всего лишь арестанта». В работе с бывшими товарищами Лаврентий Палыч всегда был последовательным и «принципиальным».

Молотов «выглянул» из-за пенсне.

– Ну, и как вам такая «национальная политика»? А в отдельных записях Берия пошёл ещё дальше. Например, он предлагал Центру не вмешиваться в дела республик – по примеру отношений Российской империи и входящего в его состав Великого княжества Финляндского. Из истории вам, конечно, известно, что оно имело свой законодательный орган, свою конституцию (в то время как сама Россия её не имела), свой Государственный банк и полностью независимую экономику. При этом Финляндия ещё и получала огромные деньги из Центра: формально – часть России! К чему привела такая «политика», вы все, товарищи, конечно же, хорошо знаете. А Берия предложил нам освободить «младших братьев» от «взносов в общую копилку», да ещё и платить им дань за то, что они «снизошли до нас».

Молотов посверкал стёклами. Опять скользить взглядом по шпаргалке в поисках очередного пункта ему не было необходимости: памятью Господь его не обнёс.

– Теперь – «новое мышление». Для непосвящённого – «китайская грамота». Но, если разобраться – ничего хитрого. Под «новым мышлением» Берия понимал отказ от принципов советской внешней политики. «Всего лишь». Ваш покорный слуга...

Молотов смутился и закашлялся: предстояло немножко «пройтись по себе».

– ... ещё совсем недавно справедливо критиковался товарищем Сталиным за то, что по неосторожности пообещал английскому послу рассмотреть вопрос об открытии доступа на наши газетные прилавки некоторых печатных изданий капстран. Лаврентий Палыч в своих намерениях пошёл ещё дальше. Он предполагал не только реализовать «предложение Молотова», но и прекратить глушение «радиоголосов», «в наших же интересах поливающих нас грязью!» А в области внешней политики он переплюнул самых заслуженных антисоветчиков: предложил отказаться от строительства социалистического государства в ГДР! То-то обрадовались бы наши «западные друзья»!

Эта информация несколько меньше заинтересовала аудиторию, так как не касалась напрямую подавляющего большинства её. Поэтому Вячеславу Михайлович пришлось «взбодрить» товарищей порцией более «пикантных» сведений.

– Теперь мы можем не скрывать от масс того, что в своё время Берия был категорически против роспуска фашистской партии НСДАП. Он считал, что только она, а не коммунисты и социалисты, в состоянии управлять послевоенной Германией.

Зал оживился: новость была из разряда «горячих», пусть, судя по словам докладчика, и не «с пылу, с жару». Теперь Вячеслав Михайлович мог гарантированно «скормить» народу «гарнир», не опасаясь за «аппетит» и «несварение».

– Он был категорически против создания независимого демократического государства на востоке Германии. Несколько дней назад, на последнем заседании Президиума ЦК, он заявил, что ГДР – обуза для нас, и что надо дать возможность немцам с запада и востока самим решить вопрос объединения. Так прямо и заявил: «Нам не нужна социалистическая половинка Германии: нам нужно независимое демократическое единое государство!». Как говорится, «приехали!» и «за что боролись?!» в одной упаковке»!

Не оборачиваясь, Молотов повёл рукой в сторону президиума, состоявшего, конечно же, из членов Президиума, но уже того, который с заглавной буквы.

– Если не верите мне, можете спросить у товарищей: это было сказано в их присутствии, во всеуслышание.

Желающих «не верить» и немедленно «приступить к опросу членов Президиума», естественно, не нашлось, и Вячеслав Михайлович продолжил.

– Но самое забавное... Конечно, «всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно»... Так, вот самое забавное, что этот «поборник демократических прав и свобод», сразу же после захвата власти предполагал объединить – под своим началом, разумеется! – ныне существующие министерства внутренних дел и государственной безопасности в одно. С поистине дикторскими функциями и полномочиями! И уже был намечен список тех, кого следовало освободить из мест лишения свободы для занятия руководящих должностей – и тех, кто должен был занять их места на нарах!

Молотов усмехнулся: сегодняшней доклад – в лице бериевской заготовки – давал ему для этого один повод за другим.

– И не иначе, как в плане дополнительной заботы о здоровье советских людей этот «деятель» наметил создание в рамках МВД специального отдела, который занимался бы проведением «актов индивидуального террора и диверсий» – цитирую по тексту его записей – в том числе, и на родной земле!

Вячеслав Михайлович опять выдержал паузу – и опять успешно: народ призвался к вниманию.

– Я уже не говорю о той грязи, какую выплеснул этот негодяй на товарища Сталина! За моей спиной сидят товарищи Каганович, Ворошилов, Андреев – они поправят меня, если я преувеличиваю.

«Поправок» не последовало: все трое дружно закивали головами, солидаризируясь с докладчиком.

– У меня просто язык не поворачивается цитировать всю ту гадость, которую Берия выплеснул на товарища Сталина. И пусть это само по себе ещё не преступление, но уже оно одно наглядно характеризует моральный облик этого пройдохи и подлеца!

– А почему Вы ни разу не упомянули товарища Булганина? И, кстати, где он: что-то его не видно ни в президиуме, ни в зале?

Молотов не стал искать глазами «источник любопытства»: для чего, когда не очень удобный вопрос уже задан. Правда, товарищи «из компетентных органов» не смутились подобным доводом, и быстро вычислили автора – и взяли его. Пока только «на карандаш». Поскольку обойти этот «острый угол» не получилось, Вячеслав Михайлович и не стал его обходить.

– Товарищ Булганин...

Молотов сделал паузу, но уже не для внушения масс и не для большей драматизации момента, а всего лишь подыскивая наиболее подходящее слово.

– ...проявил себя... то есть, не проявил себя... словом, оказался...

– Не на месте? – подсказали из зала: «источник», разумеется, был тут же идентифицирован «полномочными товарищами».

– Нет, на месте, но не на высоте.

Над залом повисло неопределённое молчание. Прямо, как в романе. Но в жизни это гораздо страшнее. Острее чувствуется момент, вроде бы, и общий, но как-то неназойливо переходящий в личный. В личный для каждого сидящего в зале. Народ не понял: что же, всё-таки, случилось с Булганиным? Если он не оправдал ожиданий, то, что ждёт его? Или уже не ждёт: дождалось – вместе с ним? Арестован? Убит? Ранен? Приговорил сам себя, не дожидаясь, пока это сделают другие?

Опершись локтем на трибуну, Молотов отогнул указательный палец – для соответствующей работы им в воздухе.

– Я подчёркиваю, товарищи: речь пока идёт только о моральной, максимум, политической оценке поведения Николая Александровича.

То, что докладчик обошёлся без язвительных ноток в голосе и впервые назвал экс-«фигуру умолчания» по имени-отчеству, было показательно: значит, Булганина всё ещё считают товарищем, и дела его не так уж и безнадёжны.

– Максимум, политической оценке, – ещё раз для верности «ударил голосом по прилагательному» Молотов. – Но не уголовной.

Во всяком случае, пока. Мы ещё не знаем всех обстоятельств дела, поэтому окончательные выводы о роли Булганина по всей этой... хм... истории делать рано. Дождёмся результатов следствия.

Так и не удовлетворив в полной мере любопытства «публики», Вячеслав Михайлович покинул трибуну. Хотя как он мог его удовлетворить, если и сам был «не в курсе»: причастность или не причастность Булганина к делам Берии оставалась для него такой же тайной, как и для всех.

Да и углубляться в дебри подробностей было сейчас нецелесообразно: это ведь Пленум, а не трибунал. Sapienti sat, как минимум, для общего представления. И общей информации вполне хватало для таких же общих политических выводов. Пусть даже и обобщённых.

Но, даже понимая это, некоторые всё равно продолжали испытывать чувство глубокой неудовлетворённости. Ведь неясной оставалось не только судьба Булганина, но и судьба главных заговорщиков – и Берии, в том числе. Да, что, там, судьба заговорщиков: своя собственная! А это уже напрямую затрагивало «жизненно важные интересы» – вплоть до самой жизни – если, не всех, то очень многих из числа сидящих в зале. Потому что – как бы не поспешить с выводами: Лаврентий Палыч уже не раз демонстрировал нечеловеческую эластичность. Да и воля к жизни у него была почище той, что у героя одного из рассказов Джека Лондона...

После Молотова выступил Круглов. Его доклад был предельно сухим и по-военному лаконичным. Предваряя выступление, Сергей Никифорович заранее извинился перед участниками Пленума за то, что в интересах следствия не может пока огласить некоторые факты и цифры.

Это «предисловие» было с непониманием встречено в зале: люди хотели знаний. И не столько о заговорщиках, сколько в связи с ними о самих себе.

Нет, конечно, никто не шумел и, тем более, не протестовал. Но у многих были такие достоверно кислые лица, что генерал усовестился и «дал показания». Они, хоть и были лаконичными и даже обрывочными, но, всё равно, позволили людям сделать правильные выводы. А выводы были такие:

а) это – не инсценировка. Плохо это или хорошо – вопрос угла зрения. Из каждого, отдельно взятого, угла; б) следствие – а, значит, и руководство – знает уже очень много; в) Лаврентию на этот раз, вероятно, не выкрутиться. Отсюда и г) надо думать – каждому о себе. А многим думать можно было лишь в двух форматах: либо на тему «успеть добежать первым», либо на тему «не состоял и не привлекался». И то, и другое «чревато». Словом, думать было, о чём...

После доклада и содоклада, по «старой доброй традиции» начались прения. Неожиданно, для выступления в них записалось очень много людей. Хочу, почему «неожиданно»: люди думали – и надумали. Хотя бы те из них, кому полагалось сделать это максимально оперативно. Не всех распирала чувства праведного гнева, но все при этом стремились «осудить, заклеить и заверить». Ведь более подходящего момента для демонстрации лояльности и придумать нельзя: когда ещё следующий Пленум? Да и будет ли он для «особо медлительных»?

В числе потенциальных ораторов значилось немало явных и тайных приверженцев низложенного Лаврентия Палыча, которые уже были либо «на крючке», либо пока только «на карандаше» у органов госбезопасности.

Докладывая Сталину о «демократичности Пленума» – в части присутствия на нём и сторонников Берии, Семён Ильич «не преувеличивал» и «не нагнетал»: таковые имелись. Пока ещё имелись: работа по их выявлению уже близилась к концу. Не желая того, многие из этих «товарищей» сами помогли «органам»: ещё совсем недавно они были счастливы удостоиться от всеильного Лаврентия Палыча хотя бы... дружеского матерка! Конечно, учёт этих «мазохистов от политики» не вёлся, но в этом и не было нужды: они сами лезли на глаза. На глаза «покровителю», не обращая внимания на чужие глаза, которые, в свою очередь, обращали на них самое пристальное внимание. На будущее, на всякий случай: «живём, сами знаете, как на вулкане...»...

Как и всякие политики и политиканы, члены выборного органа партии умели держать «нос по ветру». Сейчас это умение востребовалось вдвойне: ошибка исключалась. Ведь политики – сродни минёрам: ошибаются лишь для того... чтобы в другой раз ошибся кто-нибудь другой. Актуальность навевала реминисценции, и в связи с новой историей вспоминалась и относительно старая. Год-полтора тому назад, когда разгоралось инициированное Власиком «мингрельское дело», отдельные члены ЦК недальновидно отвернулись от Лаврентия Палыча. Они решили, что «песенка» Берии «спета», и начали искать новых «авторов-исполнителей». Но назначение Лаврентия Палыча председателем комиссии по расследованию проявлений «мингрельского национализма», а затем и «облечение» его правом доклада на торжественном собрании, посвящённом очередной годовщине Великого Октября, наглядно показали, что эти люди явно поторопились. И Лаврентий Палыч им ничего не забыл. Он вообще был памятливым на зло. Можно даже сказать: злопамятным.

Нет, он не стал организовывать их преследования, хотя вполне мог сделать и это: определил же он самого Власика на нары! В отношении изменников он поступил иначе: лишил их доверия и покровительства. А это тогда было равносильно опале, а иногда значило даже больше неё. «Отступники» внезапно оказывались не только в политическом, но и бытовом «вакууме». Не мудрено, что у некоторых не выдерживали нервы – и они хватались за оружие. За именное и наградное. И с намерениями совсем не в адрес Лаврентия Палыча, но в адрес персонального лба. И никто ведь не смог отказаться от намерений. Потому что отказ значил самое плохое, что могло с ними случиться: жизнь.

Те же, кто не изменил Берии, хотя бы потому, что не успели, были обласканы Лаврентием Палычем сверх всякой меры. Главное, что они обрели – это то, чего лишились недальновидные «перебежчики»: доверие и покровительство всеильного фаворита Вождя. А это значило куда больше иных наград, потому, что само, наподобие Сезама, открывало доступ к любым богатствам, главным из которых была власть над людьми и всё от неё производное...

Именно эти люди, составлявшие «гвардию» Берии в Центре и на местах, не только не таившие близости к «наследнику трона», но и всячески демонстрировавшие её, и оказались сейчас «на прицеле» у органов госбезопасности. Этим людям надлежало изолировать в превентивном порядке, не увязывая ни их самих, ни их репутацию с нормами УПК и обстоятельствами дела. Изолировать не обязательно в «крайнем» значении этого мероприятия: достаточно было

удалить их всего лишь из рядов партии. Ну, и «паровозом» – из руководящих кресел: в партии и государстве и так был перебор ловкачей, проходимцев и перевёртышей.

Итак, хор звучал в унисон. Даже «фальшивые герои» не фальшивили. Но в этом многоголосном хоре «разоблачителей и заверителей» прозвучали и искренние голоса. Один из них оказался голосом Первого секретаря ЦК Компартии Грузии Мгеладзе. Акакий Иванович, известный в руководстве партии своей давней «нелюбовью» к Берии, которую он не скрывал даже при личных встречах с «объектом», привёл несколько фактов, впечатливших аудиторию. Касались они, в основном, характеристики моральной и реже политической сторон личности Берии.

– Приходит ко мне недавно, – «давал Кавказ» с трибуны Мгеладзе, – Миша Чиаурели...

Кто такой Чиаурели, никому из сидящих в зале объяснять было не надо. Народный артист Советского Союза, кавалер ордена Ленина, лауреат нескольких Сталинских премий 1-ой степени, и прочая, и прочая, и прочая. Запросто был вхож к Хозяину: в отличие от Геловани, исполнителя роли Сталина во всех фильмах Чиаурели, которого за недостоверность образа Сталин презрительно именовал «красивым болваном», Иосиф Виссарионович всегда с удовольствием «снисходил» до режиссёра.

– ... и говорит: «Понимаешь, Акакий, звоню сегодня утром товарищу Берии, чтобы посоветоваться с ним по поводу сценария нового фильма о товарище Сталине, а он как заорёт на меня: «Забудь навсегда об этом сукином сыне! Он был негодяй, мерзавец и тиран!»

«Кавказ» уже переливал в Мгеладзе через край.

– Сказать такое о человеке, который вознёс это ничтожество на такую высоту!

От избытка чувств Акакий Иванович «перегибал палку»: Берия не был «ничтожеством». Напротив, он был очень талантливым человеком. Талантливым во всех делах: и добрых, и злых. Он был не просто незаурядным человеком – он был Личностью. С большой буквы. Пусть даже отрицательного плана. Что-то вроде Того, о котором один древний товарищ, по должности пророк, а по имени Иезекиль, сказал: «печать совершенства, полнота мудрости, венец красоты... ты совершен был в путях своих со дня сотворения своего... от красоты твоей возгордилось сердце твоё, от тщеславия своего погубил ты мудрость свою».

Да и не мог дурак попасть в окружение Сталина. Воистину сказано и спето: «В наш тесный круг не каждый попадал...». Вон, даже Ежов, до того, как надеть рукавицы «имени самого себя» и начать «выполнять и перевыполнять», был мягким, обходительным и интеллигентным человеком. Это уже потом он «свернул, сбился и попал» под им же заточенный топор.

Так и Берия. Оставаясь на позициях объективности, надо скрепить сердце, унять матерки и признать: Лаврентий Палыч был «самой яркой звездой в созвездии Сталина». По сумме наличных – и личных – достоинств он превосходил любого из своих коллег. Даже невероятно кичившегося умом Вознесенского, считавшего, что в экономике в Советском Союзе разбираются только два человека: он и Сталин. И он – на первом месте, а Сталин «от него набрался».

Так что по части критики Берии Акакий Иванович был «не вполне». Но зато он был «вполне» в отношении фактов, изобличающих связь Берии с его сторонниками в Грузии.

– Арестованный Шария – ну, все вы знаете этого многолетнего холуя Берии – показал, что не так давно Берия в присутствии Шария и Рапава, тогдашнего министра госбезопасности республики, кричал о товарище Сталине «Кто он такой? Никто! Это мы с вами подняли его, кацо!» И обвёл рукой присутствующих, начав, разумеется, с себя!

Мгеладзе дошёл уже до градуса кипения.

– И таких, как Шария и Рапава, у Берии в Грузии было, да и сейчас есть, немало! Недаром же он направил в Тбилиси с секретной миссией самого Деканозова!

Вот тут зал немедленно обратился во внимание: пошла уже не пропаганда, а оперативная информация. Чести прослушать её даже члены ЦК удостаивались редко, хотя бы на уровне своих областей, краёв и республик. Что, уж, тут говорить об информации государственного

значения. Поэтому сейчас все слушали Мгеладзе так, как и полагалось слушать хоть сколько-нибудь стоящее: раскрыв, затаив и во все «принимающие устройства».

– Деканозова мы задержали: спасибо товарищам из Москвы, которые вовремя «обрадовали нас», – продолжал добросовестно «представлять Кавказ» Мгеладзе. – Конечно, Владимир Георгиевич – «крепкий орешек»: всё-таки – бывший замминистра госбезопасности СССР! Но мы и его «раскололи»! И он сдал нам все напутствия Берия: и то, что скоро Хозяину конец, и то, что близятся новые времена, и даже то, что Владимир Георгиевич является соискателем портфеля министра внутренних дел Грузии! А, самое главное, в чём признался Деканозов, это то, зачем его послал Берия в Тбилиси!

Акакий Иванович качественно выдержал театральную паузу. Зал оценил мастерство: напрягся ещё больше.

– Он приехал освобождать тех, кто был арестован по делам пятьдесят первого-пятьдесят второго годов! Ему, на одной из явочных квартир сообщников Берии, нужно было лишь дождаться звонка из Москвы о смерти товарища Сталина, чтобы начать действовать. Представляете: лица, скомпрометировавшие себя и органы в предыдущие годы, вновь намечались этим негодяем на руководящие посты – и по тому же адресу! Всё у этого человека было продумано! Всё подготовлено!

Признанием этого факта Акакий Иванович невольно опровергал свои же слова о «ничтожности» Берии. Но в горячке он не обратил на это внимания. А, если бы и обратил, то обратил бы себе на пользу. Хотя бы в таком формате: «Какое ничтожество: всё продумал!»

– По плану Берии, его сторонники должны были немедленно сместить руководство, а мне устроить «оказание сопротивления при аресте» со всеми вытекающими – из меня – последствиями.

Аудитория бурными аплодисментами проводила Акакия Ивановича с трибуны: его выступления оказалось не только самым артистичным, но и с самым насыщенным «легкоусвояемыми» примерами.

Дальше работа Пленума катилась по накатанной колее: ораторы дружно «клеямили и заверяли», варьируя только количество и качество «выражений» – в адрес неудачливых заговорщиков, и верноподданных клятв – в адрес «великого учителя всех народов нашего дорогого Иосифа Виссарионовича Сталина».

В заключительной стадии работы Пленум ЦК постановил исключить Берию, Маленкова, Хрущёва и Игнатьева не только из состава Президиума ЦК, но и из рядов партии. Этим, правда, он «слегка» нарушил Устав. Ведь, по Уставу, исключение должно производиться только решением той первичной организации, на учёте в которой и состоят «нарушители».

Но никто из присутствующих и не подумал вносить в «общую бочку» «персональную ложку»: дураков нет. Только последние хранят верность не живому человеку, а бумажке.

Анастас Иванович Микоян, подвергнутый на Пленуме «по-товарищески беспощадной» критике за «чрезмерную гибкость», местами переходящую в беспринципность на грани с двурушничеством, также был освобождён от обязанностей члена Президиума ЦК.

Характеризуя Микояна, один из членов ЦК прямо с трибуны повеселил коллег анекдотом «в тему». «На улице идёт дождь, а Микоян – без зонта. Один из сердобольных товарищей и говорит ему: «Анастас Иванович, как же Вы теперь?» А тот отвечает: «Не беспокойтесь за меня, товарищи: я – между струйками, между струйками!»

Товарищи участники посмеялись – и дополнительно к уже принятому решению «по товарищу Микояну», «решили» также и вопрос о целесообразности использования его на посту министра внутренней и внешней торговли: вопрос был оставлен на усмотрение Высшей Инстанции.

Отдельно Пленум отметил, что вопрос о партийности Булганина, Николая Александровича – пока ещё так: с именем и отчеством – будет решён по окончании следствия, а в случае необходимости, и судебного разбирательства по делу.

Заключительным пунктом «вопроса о персоналиях» было решено передать дело Берии-Маленкова-Хрущёва-Игнатъева – именно такого «почётного наименования» оно удостоилось – для расследования Следственному управлению Генеральной прокуратуры. Одновременно с этим ей поручили тщательно проверить всех «отсидивающих» – но не «отсидивающихся» – дружков Берии на причастность к событиям, чуть было не ставшим драматическими. Ну, чтобы «никто не забыт – и ничто не забыто».

На этом Пленум закончил свою работу...

Глава тринадцатая

Браилов, не касавшийся ЦК ни членством, ни даже кандидатством, «чести участи» – посредством участия – не был удостоен. Но, даже если бы и был, с благодарностью бы «откланялся»: настало время вплотную заняться Хозяином. Не в смысле «вплотную заняться», а заняться лечением.

То есть, не в терминологии МГБ и его клиентов, а в терминологии Минздрава. И не само настало: Хозяин его «настал». Как только ему стало лучше, он, как капризное дитя: все занемогшие старики – дети, тут же отказался от услуг профессоров. Кроме улучшения, в «приговоре» активно поучаствовало и многолетнее недоверие к врачам.

Нет, разумеется, Иосиф Виссарионович не был настолько зол на медицину, чтобы всерьёз полагать, будто врачи собирались – и до сих пор собираются – лишить его жизни. Берия же вполне обошёлся без их помощи: наглядный довод против былых предрассудков. А такие имели место быть. Но даже тогда в виновности «врачей-палачей» из процессов тридцатых годов Сталин был... ну, не то, чтобы неуверен – не совсем уверен. Как минимум, он сомневался в том, что, что досрочный исход его соратников под ножом хирурга являлся следствием злонамеренных действий «людей в белых халатах». Но при этом он не исключал того, что к ним – к смертям – эти «люди» всё же приложили руки. Вместе с ножом. А также вместе с непрофессионализмом, безграмотностью, халатностью, верностью штампам и прочему достойно «вечных троечников».

И примеры были прямо перед глазами. Живые примеры неживых соратников. «Например, пример» Жданова, Андрея Александровича. Впоследствии «разоблачённая разоблачительница» Лидия Тимашук постфактум, как и положено, оказалась права. И тогда выяснилось, что она разоблачала не только по долгу службы, как честный коммунист, который не может «пройти мимо», но и по линии медицины. Ведь ещё за два дня до летального исхода она информировала руководство Лечсанупра о том, что врачи, наблюдавшие Жданова, «не тем лечат». Потому, что «не от того»: виноваты диагноз и тот, кто его поставил. И Андрей Александрович подтвердил её слова, правда, уже постфактум. Но он оставил судебным медикам вещественное доказательство: своё тело. Аутопсия показала: инфаркт миокарда, замеченный Тимашук и почему-то незамеченный врачами Жданова, действительно «имел место быть»! А его обошли всем, чем можно: и вниманием, и лекарствами!

Ну, как после этого верить и вверить: им и себя?! И как в таких условиях не скатиться «на скользкую дорожку» самолечения? В крайнем случае, всегда можно «назначить крайним» охранника: не то купил. Или провизора близлежащей аптеки: не то подсунил...

Отставленные, но со словами благодарности за проделанную работу, Мясников, Лукомский и Тареев ушли, чтобы больше никогда не встретиться с Хозяином ни здесь на даче, ни в Кремле, не говоря уже о больнице Лечсанупра. За прозекторскую говорить ещё было рано.

Лечением отныне занялся Семён Ильич. «Не своим хотением, но государевым велением». Уж, таков был Хозяин: раз поверив человеку, доказавшему и проявившему себя в отношении него лично, он уже не отказывал тому в доверии. Исключения лишь подтверждали правило.

Так и теперь: почувствовав, как вследствие манипуляций Браилова ему действительно полегчало, Хозяин «приговорил»:

– Я бы хотел, Семён Ильич...

Впервые Сталин назвал по имени-отчеству «всего лишь охранника»: честь – сродни той, какой царь Пётр достаивал купцов в верительных и прочих грамотах.

– ... чтобы с этого дня моим здоровьем занимались только Вы, лично. Считайте это блажью, прихотью, недоверием, доверием, но я так решил.

Как-то сразу догадавшись по тону и выражению лица Хозяина, что отказ «чреват», Семён Ильич не стал испытывать судьбу. Но, как облечённый доверием и высоким званием, он отважился на условия.

– Хорошо, товарищ Сталин: я готов заниматься Вашим здоровьем лично. Но только вместе с Вами.

Хозяин – умный человек – обошёл без вопроса в глазах, и всего лишь тяжело вздохнул: понял Браилова. И Семён Ильич понял, отчего Хозяин вздохнул так тяжело. Понял – и пошёл ещё дальше «по линии отваги»: рассмеялся.

– Товарищ Сталин, здоровье и нездоровый образ жизни несовместимы. То, что Вы бросили курить – это хорошо. То, что Вы не пьёте «по-русски» – тоже. Но этого мало!

Будто сожалея о «недостаче», Браилов развёл руками.

– Мало! Взгляните, товарищ Сталин, на себя «последней редакции»! Это же, чёрт знает... то есть, никуда не годится! Вы сидите... нет: Вы живёте сиднем! Никакого движения! А ведь ещё древние говорили: «*via est vita!*»

Сталин поморщился.

– Правильно, товарищ Сталин: «дорога есть жизнь»! – не смутился Семён Ильич, и «зарядил» указательный палец. – Дорога, уважаемый пациент! То есть, движение! «Состояние стояния не в состоянии помочь Вашему состоянию»!

Хозяин вынужден был слабо улыбнуться. Не под воздействием агитации – потому что смешно. Ещё никто не мог позволить себе в его присутствии такой абракадабры. Позволившие её позволяли бы дальше уже в других местах, и в отношении другого контингента.

Полуулыбка Хозяина «разрешила» Семёну Ильичу шире развернуть тезис о неприемлемости сталинского «модус вивенди» и приемлемости другого, «где-то даже» антисталинского.

– Не откажите мне в помощи, товарищ Сталин! В помощи «по линии помощи»! Я ведь не призываю Вас подаваться на беговую дорожку, и избивать рекорды на «стометровке»! Я даже не призываю Вас отказываться от Вашего нездорового режима дня, раз уж Вы по биологическим «часам» «сова». Организм не переделаешь, и «соответствовать» Вы будете только в то время, которое определено Вашими генами.

Услышав о генах, Сталин нахмурился. Но этим его Семён Ильич и «ограничил»: о непростых отношениях вождя с генетикой он «как-то догадался» по газетным статьям и приговорам.

– Товарищ Сталин, мы сейчас ведём речь не о генетике...

Браилов уже «на краю» удержался от усмешки и намерения развить тезис о «продажной девке империализма». И правильно сделал: не только «каждому овощу – свой срок», но и каждой глупости.

– ... а лишь о генах, которые передаются из поколения в поколение. В данном случае, о Ваших генах.

Хозяин нехотя смягчил черты лица: принял уточнение. А заодно и «пошёл на переговоры».

– Что я должен делать?

– Я верил в Вашу мудрость, товарищ Сталин! – как можно шире улыбнулся Браилов. – Разрешите перейти к условиям капит... виноват, к деталям. Во-первых, Вы должны безропотно принимать все процедуры, которые я Вам назначу.

Сталин коротко двинул головой. Он по-прежнему лежал на диване, но его голова была уже способна подниматься над горой подушек, и более активно участвовать в обсуждении.

– Во-вторых, по окончании курса процедур Вы должны будете также безропотно начать заниматься физической культурой...

– У-у-у...

– Для начала хотя бы на уровне ходьбы на месте.

Сталин нахмурился, подумал – и «капитулировал» ещё раз.

– И, в-третьих, Вы должны навсегда отказаться от самолечения. Во всяком случае, на то время, пока Вашим здоровьем занимаюсь я. И никаких распоряжений обслуге насчёт таблеток!

Если бы кто-нибудь услышал со стороны, как охранник разговаривает с самим Сталиным, то он наверняка подумал бы, что нахал просто решил «продлить себе страдания». Вместо того чтобы, как «все нормальные люди», спокойно забраться в петлю или сигануть с крыши.

Браилов, конечно, держал в уме эти соображения: как-никак, полжизни в разведке! – но концентрироваться на них не стал. Для него главным было сейчас поставить Хозяина на ноги, и обеспечить тому определённую трудоспособность «на неопределённый срок». Сталин, к его чести, оценил подход – и «отпустил» «всего лишь майору» приказной тон...

И начались врачебные будни. Хозяин с удивлением наблюдал за тем, как Браилов «из подножного материала» «конструировал» мази и варил отвары. Но особенно «впечатляли» его длинные, тонкие, зазубренные иглы, которые Браилов аккуратно и безболезненно для пациента «размещал» в теле Иосифа Виссарионовича в ему одному известных точках.

К своему удивлению, Сталин чувствовал, что не чувствовал только боли. Оздоровляющий же эффект он, ещё как, чувствовал. После каждого

сеанса иглотерапии – именно так определил эту процедуру сам «лекарь» – ему становилось значительно легче. Сначала в теле появлялась какая-то приятная слабость, но потом оно буквально наливалось силой.

Через две недели иглоукалывания Браилов перешёл к лечебному массажу с применением «дурно пахнущих» мазей. Но этим их недостатки и ограничивались: всё прочее составляли исключительно достоинства. То же можно было сказать и о внутривенных инъекциях какой-то подозрительно бурой жидкости.

Спустя месяц «от начала экзекуции» Сталин впервые увидел себя в зеркале: до этого времени даже брил его лично Браилов. Посмотрел – и сразу же проникся симпатией к этому крепкому старику с нормальной, не пергаментного цвета, кожей лица, с энергичным взглядом в посветлевших глазах. Он даже отважился пошевелить рукой – той самой, левой, иссохшей и давно не рабочей. И, о, чудо: он без труда согнул её в локте и даже сжал пальцы! То есть, сделал то, чего не мог сделать уже четверть века!

По сценарию на щёки Хозяина сейчас должны были упасть слёзы благодарности. Но он уже и забыл, когда ронял их в последний раз. Забыл и не мог вспомнить. Да, если бы и вспомнил, слезы бы не дал. И не потому, что жалко. Не положено по должности: он ведь – Сталин. Но потепление в глазах Хозяин мог позволить себе без ущерба для репутации – и позволил.

– Спасибо, – растрогался Семён Ильич даже таким одобрением. – Но это только начало. Увидите, что будет, когда мы с Вами начнём заниматься оздоровительной гимнастикой!

Глаза Хозяина потухли: он ошибочно принял «всего лишь промежуточную отсечку» за финиш. Единственное, что хоть сколько-нибудь «утешало» его в этом «двучлене», было прилагательное «оздоровительная». Ради этого он готов был стерпеть вторую его часть, звучащую куда менее оптимистично: «гимнастика».

Как и всякий опытный специалист, Браилов решил начать со щадящих упражнений. Проще говоря, с двух ежедневных часовых прогулок по саду: одна – утром, другая – вечером, в порядке моциона перед сном. Через неделю Хозяин удивлялся сам себе: он не чувствовал ни тяжести нагрузок, ни усталости. Как сказали бы в мире спорта: предсезонная подготовка дала плоды.

Теперь Хозяин даже уставал не так энергично, как прежде. А ведь прежде он только и делал, что ничего не делал. Он всего лишь сидел в саду в кресле или шезлонге, на специально затёсанном бревне или пеньке. А если и перемещался по благоустроенным дорожкам, то лишь в поиске очередного «приюта для седалища», каковые имелись во всех уголках огромного сада.

С началом садово-огородного сезона Иосиф Виссарионович неожиданно почувствовал тягу к садовой лопате. Ни в чём «таком» прежде он замечен не был. Это только его «кинодвой-

ник» Геловани в фильме «Падение Берлина» возился с лопатой в саду, обманывая зрителей по поводу настоящего Сталина. Хозяин, как минимум, с октября семнадцатого, не брал в руки ничего из слесарного, плотницкого или садово-огородного инвентаря!

Да, он любил бывать в саду. Но не в обществе лопаты и граблей. Максимум, что он там делал «по линии физических упражнений» – обрезал сухие ветки с деревьев и кустов. Никто и никогда не видел его хотя бы с лейкой, а ведь он так любил розовые кусты.

И вдруг такая метаморфоза. «Домашние» – обслуга в редакции Хозяина – отказывались верить глазам своим. Но жизнь заставляла их, и они верили – а куда денешься? Особенно активно не сопротивлялась чувствам Валечка Истомина – хозяйка Иосифа Виссарионовича и, как, небеспричинно полагали сведущие люди, «не только». На её глазах Хозяин старательно «доходил» все последние годы. По этой причине об «остановить процесс» не могло быть и речи.

А теперь Иосиф Виссарионович прямо на глазах товарищей – пусть всего лишь товарищей из обслуги – превращался... ну, если не в «добра молодца», то в некое подобие «огурчика» наверняка. Даже с поправкой на возраст «огурчика»! И всё это за каких-то два «с хвостиком» месяца: именно столько времени понадобилось Браилову, чтобы подвергнуть Хозяина комплексу первоочередных восстановительных мероприятий.

– Ну, вот я и здоров!

В устах – или из оных – другого товарища это признание было бы оформлено восклицанием. Ну, или хотя бы сопровождалось им. Но не в правилах Хозяина было бы восклицать даже по более значимым поводам. Да он и не умел восклицать. Но его невыразительные констатации по степени выразительности превосходили «восклицания всех восклицающих, вместе взятых»! Вот и сейчас он ограничился тихой, но оптимистичной констатацией. На версию оптимизма работала и рюмка «напареули» – редкая гостья в руках Сталина. В хорошем настроении принимал участие и бушующий май с одуряющим запахом молодой зелени.

– «Здоров»?

Браилов пристроился рядом на лавочке: должность «придворного лекаря» допускала панибратство – «в допустимых количествах».

– Ну, это не совсем так. То есть, Вы, конечно, чувствуете себя лучше – и это факт. Вы и обязаны чувствовать себя так: зря я, что ли старался – на пару с китайской медициной?! Да и достаточно лишь взглянуть на Вас, чтобы увидеть перемены. Благотворные перемены. Например, «по линии живота»: нет её, линии-то! «Ушла» вместе с животом!

Хозяин с удовольствием посмотрел на то место, которое ещё совсем недавно занимала «опухоль живота». Исчезновение её позволило ему воспользоваться советом Браилова по части экипировки: впервые в жизни он стал носить спортивный костюм из натуральной шерсти. Костюм был «частично эксклюзивным»: из партии для членов... нет, не партии – легкоатлетической сборной, выезжавшей на чемпионат Европы. На свитере, в левой стороне, на уровне сердца, имелся мастерски вышитый цветным шёлком герб Союза, а ровно по середине золотыми нитями были вышиты буквы «С.С.С.Р.».

Сталину, исключительно неприятзательному и вместе с тем невероятно привередливому в одежде, костюм понравился. «Сразу и навсегда». А опасения насчёт обратного результата были, и небеспочвенные. Ведь уже сколько раз Хозяин, до дыр и истёртых подошв износив, например, ботинки, категорически отказывался от новых, которые не приходились ему то ли по ноге, то ли по вкусу. А если не приходились Хозяину, то приходилось уже охране. Приходилось «колдовать» над «заслуженной добычей мусорных баков»: подклеивать, подштопывать и замазывать сапожным кремом места «залысин».

То же относилось и к столь любимому им кителю полувоенного образца, который он занашивал до того, что тот уже светился на локтях, наглядно иллюстрируя выражение: «латать – не за что хватать!» Новый китель разделял участь ботинок: ему решительно отказывалось в доверии и месте у тела. Точнее, на нём.

А теперь даже легкоатлетические туфли пришлись Хозяину по нраву и по ноге. Туфли, правда, были импортные, английские, привезённые «оттуда» специально для вождя. Но, даже заметив латинские буквы – удивительное дело! – Сталин ничего не сказал. То есть, удивительным было не то, что он заметил – у букв не было шанса – а то, что ничего не сказал! Впервые в должности! И вот «при костюме и туфлях», под водительством «медицины» вождь потихоньку начал совершать прогулки. Вначале пешие, а затем и лёгкой трусцой.

Удивительное дело, но Хозяину понравилась жизнь, до которой он «дошёл» – в спортивном костюме и легкоатлетических туфлях. У него нормализовалось кровяное давление, дыхание, стул. А ведь прежде он страшно мучился – пардон за интимную подробность – запорами. Он забыл о бессоннице и жутких головных болях. У него появился «волчий» – для «старого волка» – аппетит. Но Браилов внимательно следил за питанием вождя: тот вполне мог «скачнуться» на привычную дорожку, когда он по несколько дней пробавлялся одним чаем с вареньем или лимоном, а потом, как оголодавший хищник, набрасывался на всё подряд. И в итоге зарабатывал очередной мучительный запор.

Теперь же Браилов частенько не исполнял заповеди Христа «Не заграждай рта волу молящему»: заграждал. Иногда он буквально вынимал изо рта Хозяина лишний, по его мнению, кусок. Но у него было оправдание, как минимум, перед Христом: «вол не молотил» по причине временной нетрудоспособности и пребывания на стационарном лечении, пусть и в условиях дачи.

Хозяин, конечно, решительно отказывался понимать «вопиющую решительность» врача, сердился и даже гневался. Но потом, чувствуя удивительную лёгкость в организме, вынужденно соглашался с Семеном Ильичём, «изводившим» его французской диетой: «мужчина должен вставать из-за стола с лёгким ощущением голода». Правда, «на дорожку» Сталин традиционно бурчал, что ощущение голода у него не такое, уж, лёгкое. Но разжалобить «бессердечного» доктора было невозможно. Разве, что при помощи МГБ. Но ведь доктор был из числа тех, о ком впоследствии будут слагать песни! С такими, например, словами: «А без тебя, а без тебя, не стал бы маршалом Серёга!» Вот, какой был доктор – и Хозяин покорно вставал из-за стола, скорбя по недоеденным бутербродам...

Глава четырнадцатая

– Так вот, Иосиф Виссарионович...

Семён Ильич уже два месяца, как стал для Иосифа Виссарионовича «Семёном Ильичом», а Иосиф Виссарионович ровно столько же времени для Семёна Ильича «Иосифом Виссарионовичем». Так сказать, «познакомила нас, подружила...» – правда, не совсем «по песне»: не совсем Москва и совсем даже не «в радостный вечер». Но, горе, как известно – клей более прочный, чем радость. То же самое относится и к нитям, узам, цепям и прочему «такелажу».

– Вы действительно обязаны чувствовать себя много лучше. Но для полного выздоровления желательно ещё кое-что сделать. Хорошо бы, конечно, операцию коронарного шунтирования...

При слове «операция» Хозяин честно дрогнул не только голосом: как-то разом вспомнились все жертвы хирургического вмешательства.

– Операцию?!

– Да, для замены изношенных кровеносных сосудов на новые, синтетические. Старые удаляются, а новые вставляются на их место.

– И? – ещё более решительно дрогнул голосом Сталин.

– Увы, – с сожалением развёл руками Браилов. – У нас эту операцию делать ещё не научились...

– Фу, ты! – частично восстановил в себе вождя Хозяин. Теперь можно было поучаствовать в диалоге относительно спокойно. – «У нас не научились»... А где научились?

– В Америке... пробуют.

– «Пробуют»! Советских людей надо лечить, а не «подвергать лечению»! – решительно «помахал паспортом» Сталин. – Я уже не говорю об экспериментах над ними!.. А откуда Вам известно о такой операции?

Семён Ильич неожиданно старательно прочистил горло.

– Видите ли... я, хоть и терапевт по основной специальности, но неоднократно ассистировал профессору Вернеру при проведении таких операций... В Берлине... В порядке эксперимента...

– И насколько успешно?

Браилов «тактично» ушёл глазами в сторону.

– Ну, не буду врать, что «пятьдесят на пятьдесят»...

– «Сотни вылечил!» – рассмеялся Сталин. – Как тот Гаврила в пьесе Горького «Егор Булычёв и другие»!.. Нут, уж, Семён Ильич, давайте без этого – терапевтическими методами...

Браилов «вернул» глаза на место.

– Да уж, придётся.

Помолчали. Но Хозяин недолго терпел паузу.

– А, кстати, Семён Ильич, верно то, что Вы – близкий родственник болгарского царя Бориса Третьего?

В который раз Браилов подивился не только умению Хозяина «переключаться с одного режима на другой», но и его феноменальной памяти. Как говорится, «вот и понадейся на такого». В плане забывчивости. Пусть Хозяин до сего момента ни разу не намекнул «на родство», он наверняка был в курсе биографии Семёна Ильича. И «вводящим в курс» наверняка был Берия. Не только потому, что Хозяин страдал маниакальным недоверием и не лечился от него. Берия пытался таким образом скомпрометировать Браилова и удалить из охраны: «протезе Власика не может быть надёжен «по определению».

Семён Ильич иронически усмехнулся.

– Ох, уж, мне этот Берия и прочие «доброжелатели»!

– Его работа?

Хозяин сквозь рюмку хитро прищурился в Браилова.

– А то? Уже через месяц после возвращения из Берлина осенью сорок пятого, я почувствовал нездоровый интерес к своей персоне. А потом меня вызвал нарком внутренних дел Берия – он ещё не успел передать дела Круглову – и сказал, что я «могу быть свободен». Пока только от оперативной работы. Когда же я осмелился поинтересоваться, он, почему-то ушёл глазами в сторону и сказал, что племянник болгарского царя, прислужника фашистов, не может заниматься оперативной работой в советской разведке. То, что я тринадцать лет занимался нею до этого, как-то «упускалось и опускалось».

Браилов усмехнулся – на этот раз невесело.

– Так и начались мои «хождения по мукам». Сначала меня определили в аналитический отдел – перебирать газетные вырезки. Затем кто-то «помог» начальству «вспомнить», что я работал с ядами и Скорцени, и меня перевели в лабораторию Майрановского.

– Слышал о таком, – хмыкнул Сталин, пригубивая из бокала.

– Когда же Майрановский неожиданно впал в немилость и его «попросили», кто-то вдруг опять вспомнил, что я – доктор медицины. И меня перевели в Лечсанупр. Точнее, в «кремлёвку», в терапевтическое отделение. Там-то я познакомился с генералом Власиком – через его хронический остеохондроз, осложнённый ревматизмом.

– Да-да, – пополнился ещё одним глотком Сталин, – я помню, как он расхваливал Вас. Ваша кандидатура действительно выигрышно смотрелась на фоне тогдашних моих охранников-кавказцев – безмозглых, но «очень верных», как определил их Лаврентий.

Хитрые глаза Сталина вынырнули из-за бокала.

– Так Вы – родственник или не родственник?

– Да, какой там родственник, товарищ Сталин?! – махнул рукой Браилов. – Так – «седьмая вода на десятой»!

– А точнее?

– С Кобургами Браиловы пересеклись лишь однажды – когда принц женился на моей бабке. Так, что, мой отец и царь Борис – двоюродные братья. Но последний раз они виделись в раннем детстве, когда будущему царю было всего лишь восемь лет. Да и отец мой был на несколько лет старше кузена, и у них не могло быть ничего общего даже на уровне детских увлечений! Они даже в «одной песочнице» не сидели!

Семён Ильич пожал плечами, словно удивляясь тому, что кого-то может всерьёз заинтересовать эта несерьёзная история. И не только удивляясь сам, но и побуждая это сделать другого – в лице «самого главного другого».

– Мать же моя и я – мы оба никогда в жизни и не видели Бориса! В двадцать третьем году, после переворота в Софии, мы покинули Болгарию. Мне тогда было тринадцать лет. Как Вы сами понимаете, завербовать меня тогда не могли, хотя бы по причине малолетства. Впрочем, Берия, надо отдать ему должное, и не предъявлял мне такого обвинения. Просто, в его представлении, я не заслуживал политического доверия по причине «слишком голубой крови».

– А она у Вас – действительно «голубая»?

На лице Сталина играла уже добродушная улыбка. После того, как состояние его здоровья улучшилось, Хозяин стал, куда большим жизнелюбом и оптимистом, чем все его соратники, вместе взятые. И на этот раз не от должности, не от того, что «всё – в наших руках», в том числе и соратники.

– А как же! – «составил компанию» Хозяину Браилов. – Род князей Браиловых – один из древнейших и знатнейших в Болгарии! Предки Браиловых ещё вместе с ханом протоболгар Аспарухом создавали в седьмом веке Первое Болгарское царство! Я, кстати – урождённый Симеон, а отец мой – Илия: это уже перебравшись в Россию, мы «русифицировали» свои имена.

Выдав порцию мажорной информации, Семён Ильич опять «скатился на минор».

– Но в последние пятьдесят лет прошлого века мои прадед и дед активно потрудились не над преумножением капиталов, а совсем даже наоборот. В итоге, род пришёл в запустение – и двадцатый век мы, князья Браиловы, встретили, сохранив из всего богатства только родословные книги да ветвистое генеалогическое древо.

Сталин рассмеялся.

– А чего Вы смеётесь, товарищ Сталин?

Семён Ильич отважился на лукавый взгляд по адресу Хозяина. В последнее время он отваживался на многое. В том числе, и на такое, о чём прежде и думать не отважился бы.

– Или мы с Вами – не одного поля ягодка?

– ??? – отставил бокал Хозяин.

– Да-да: на Западе до сих пор ходит слух о том, что Вы приходите из обедневшего дворянского рода. Так что, не надо делать круглые глаза... «товарищ по классу!»

Сталин развеселился окончательно, да так выразительно, что знающие его люди сказали бы: «Хозяин «зашёлся в хохоте».

– Нет, Семён Ильич; я – не дворянин. Мой отец – бедный сапожник Виссарион Джугашвили... Хотя всяких баек о своём «дворянстве» я наслушался достаточно. То меня объявляли сыном богатого купца, то грузинского князя. В обоих случаях – внебрачным, разумеется. А однажды «моим папой стал» даже знаменитый путешественник Николай Михайлович Пржевальский, с которым мы «схожи портретами»!

И Хозяин пальцем «нарисовал» овал лица.

– Придумают же такое... С таким же успехом можно объявить моим родственником и артиста Абдулова, который лет десять назад сыграл грека Дымбу в фильме «Свадьба» по рассказам Чехова! Помните: «А в Греции кашалоты есть? – Есть, в Греции всё есть!» Он очень похож на меня, даром, что «грек»!

Теперь и Браилов подключился к веселью: Сталин понимал шутку и «в шутке», а при случае и сам мог остроумно пошутить. Правда, не все шутки у него получались всего лишь остроумными: иногда не обходилось и без последствий в адрес получателя.

– Нет, я не дворянин, – ещё раз взгрустнул Сталин.

– Но в руководстве партии были дворяне! – «частично утешил» его Браилов. Хотя, может, и «подсыпал соли» – это, как поглядеть. «Прежний Сталин» всегда смотрел одинаково: как хищник – на «звено пищевой цепочки». Даже, если «виновник» и «не умышлял». Как сейчас Браилов, например, уже «взявшийся за список». – Красин, Чичерин, Дзержинский, Коллонтай... Даже Котовский – из разорившихся дворян! А Молотов?

– Молотов всегда утверждал, что он – из мещан, – «взял частичный реванш» Хозяин. За это говорило чувство удовлетворения в его голосе. Вместе с голосом говорило. Но Браилов «не одумался».

– А я ещё в Берлине читал секретные досье, и там «чёрным по белому» было написано: «Вячеслав Молотов – потомственный дворянин из рода Скрябиных».

– Кстати, насчёт Берлина...

Хозяин решительно «щёлкнул переключателем»: его утомило «присутствие ноги» Семёна Ильича «на больной мозоли».

– Вы и в самом деле работали в Главном управлении имперской безопасности? Или от него – на периферии, так сказать?

– В самом деле.

– И чем Вы там занимались? Лично Вы?

Семён Ильич «пошёл» глазами.

– Ну... всем понемногу, товарищ Сталин. Но основной моей специализацией была Западная Европа. Точнее, Франция и Бенилюкс. А после их капитуляции меня перевели на британское направление.

Сталин прищурился, явно опять подключая к диалогу свою феноменальную память.

– Да-да, я припоминаю доклады Берии и Голикова по этим районам... Помню, я тогда ещё отметил не только качество информации, но и высокий уровень информатора. Вероятно, это была Ваша информация.

– Ну, в том числе, и моя, – великодушно «поделится лаврами» Семён Ильич. – Хотя, наверняка, у Вас были и другие источники.

– Разумеется. Но сведения о нападении Гитлера на Францию через Люксембург, в обход линии Мажино...

Паузой и бровями Хозяин предоставил Браилову право закончить фразу и тот не стал отказываться.

– Моя работа, товарищ Сталин.

– А информация о Гляйвице?

– Тоже я, товарищ Сталин. Правда, там помог случай, ведь Польша не моя зона: Мюллер заинтересовался техническим оснащением гляйвицкого участка границы. Точнее, его интересовало, участвовали ли французские службы в обустройстве этого участка, и чем именно. Так я и узнал о готовящемся нападении.

Браилов помедлил – и осторожно «выглянул из окопа».

– Я сообщал в Москву и о нападении Гитлера на Союз...

– Вы сказали, Мюллеру понадобился Ваш совет?

Хозяин решительно «не услышал» собеседника. И Семён Ильич понял, что «торпедировать» вопрос нецелесообразно и даже чревато. Правда, он и не умышлял «ничего такого»: в целом он «правильно понимал политику партии и правительства». И осведомлённость о дате он не смешивал с неудачным «стартом кампании». И, как специалист, и как «всего лишь» мыслящий человек, он не сводил понятие «внезапность» к одному лишь «знал – не знал». Потому что, «внезапность» – категория стратегическая. Множество компонентов образует её. Тут – на любой вкус: и шестикратный «недоучёт» сил противника Генштабом; и незнакомство с новой тактикой немцев, пусть она и являлась старой тактикой Красной Армии; и полностью отмобилизованные войска противника – при отсутствии таковых у Красной Армии; и их развёртывание на границе с СССР «по всем правилам науки и техники».

Да и сама дата «хромала»: тот же Зорге «постарался». Начиная с сорокового года, он называл в своих донесениях, минимум, четыре даты начала войны – и все подавались, как достоверные! Поэтому начальник ГРУ Голиков имел все основания дать такое заключение: «деза».

И коварство будущих союзников тоже охватывалось понятием «внезапность»: «те ещё» были «дружки». Так, осенью тридцать девятого года, во время советско-финского «выяснения отношений», Англия вместе с Францией уже изготовились оказать «интернациональную помощь» Финляндии посредством оккупации Мурманска и Архангельска! А на третью декаду июня сорок первого Англия планировала бомбардировки нефтепромыслов и районов Баку, Грозного и Майкопа! И это не было «уткой»: Браилов лично ознакомился с документами, подтверждающие эти намерения премьера Черчилля! Вот и не учитывай после этого «нюансов»!

Не валил Браилов «до общей кучи грехов» Хозяина и заявление ТАСС от четырнадцатого июня: никого в армии оно не «дезориентировало». Потому, что как можно «дезориентировать» тех, кто по Уставу обязан быть в постоянной готовности выполнить служебный долг?

Таковыми же «убедительными» он полагал и доводы «объявителей мобилизации»: ну-ка, перебрось за одну неделю к границам из глубины страны хотя бы пару стрелковых дивизий! Это же какая морока: «сняться» с места, погрузиться самим, погрузить технику и оружие,

проехать по железной дороге без «зелёного света», разгрузиться, подтянуть тылы, выдвинуться и развернуться! Тут и месяца было бы мало! Вон, переброска пяти армий с Дальнего Востока в западные округа велась, аж, с марта сорок первого – и в июне многие части вступали в бой прямо «с колёс»!

Поэтому Семён Ильич интересовался «не с намерением», а «в контексте беседы». Да и как интересовался: лишь «приподнял завесу» – и тут же её опустил. Ведь то, что для других было уже историей, для Хозяина оставалось... лакмусовой бумажкой. Как минимум, в том числе...

– Это какому Мюллеру? Начальнику гестапо?

Семён Ильич не мог не поблагодарить Хозяина «за чуткость и понимание», с которыми тот «всего лишь» игнорировал его «бестактность». Разумеется, глубоко в душе: не хватало ещё «развивать тему», пусть и таким способом!

– Ему, «родимому», товарищ Сталин.

– А с кем из главарей рейха Вам приходилось встречаться?

Здесь Браилов посчитал необходимым смущённо потупить. Так, как обычно поступают те, кто готовит аудиторию к бурным аплодисментам в свой адрес.

– Ну, «главарей» – это громко сказано... Я был слишком незначительным человеком для того, чтобы встречаться с вождями рейха. Из числа вождей я встречался с одним лишь Мартином Борманом, заместителем фюрера по партии. Но с теми, кто, так или иначе, касался вопросов разведки, я, конечно же, не только встречался, но и работал.

– Например?

– Ну, например, с Гиммлером. Несколько раз я выполнял его личные поручения. С Кальтенбруннером приходилось встречаться значительно чаще. Некоторые задания я также получал от него лично, правда, обязательно ставил в известность об этом руководство.

– Кого именно?

– Шелленберга. Вальтера Шелленберга, бригаденфюрера СС и начальника Шестого отдела РСХА – заграничная разведка.

– А как Вы сошлись с Кальтенбруннером?

Семён Ильичу сейчас бы зардеться от смущения: ну, как же – приобщили «к числу и к лику», а он вместо этого дрогнул, пусть и в душе.

Хозяин был в своём репертуаре. Да и шутка его – тоже: с двойным дном. Не то хвалит, не то «берёт на карандаш». В прежние времена «второе дно» его «шутки», чаще всего, оказывалось для адресата земляным. Так, что, если Хозяин сейчас брал «реванш» у Браилова за дату, то он, таки, взял его. И лишний раз он выказал своё непреходящее умение: замечать, «не замечая».

При таких условиях, да ещё в режиме цейтнота, когда Хозяин буквально истязал его ироническим взглядом, Семён Ильич решил, что правильнее всего будет усмехнуться и поддержать «шутку». То есть, развить её в шутку, уже без кавычек.

– «Сошёлся»?.. Можно и так, но правильнее иначе: он искал... и нашёл.

– Кого?

– Надёжного человека, каким он его представлял себе. Потому что бытие определяло сознание: в Главном управлении все боролись против всех. Все фюреры. И каждый из них преследовал личный интерес. Так было с Гиммлером, в формальном подчинении у которого находился Кальтенбруннер. Так было с Борманом, к которому Кальтенбруннер стал тяготеть позднее. Так было с Мюллером, с Шелленбергом – со всеми, кто имел доступ к информации стратегического характера. Так я и угодил в поле зрения Кальтенбруннера. Он даже предложил мне стать его помощником.

– Сам предложил? – добавил загадочности усмешке Сталин.

– Сам.

– Ещё один довод в пользу Лаврентия! – вроде бы рассмеялся Сталин. – Ну, я понимаю, когда агента засылают с красивой «легендой», чтобы обеспечить ему местечко повыше и потеплее. Но, когда агент сам добивается этого местечка?! Даже не столько добивается, сколько отбивается от него?! Наверно, Вам очень пришлось для этого постараться? И сколькими Вы за это заплатили?

Лишний раз Сталин доказал, что он не был бы Сталиным, если бы так легко «отпустил» собеседнику вольность. Поэтому он с таким усердием топтался на вопросе, а заодно и на душе собеседника.

Семёну Ильичу срочно требовалось активизироваться «по линии обращения в шутку». И это мероприятие желательно было совместить с «явкой с повинной».

– Ну, я точно не считал, товарищ Сталин... Не без этого, конечно... Но они могут утешиться тем, что пали не зря. В борьбе, всё-таки. Не напрасно, то есть.

– Они «могут утешаться»! – рассмеялся Сталин: «реабилитация» Браилова состоялась. – Ну, и, что, там, с Кальтенбруннером? Полагаю, Вы не стали огорчать его отказом?

– Как можно, товарищ Сталин! – подключился к смеху Браилова. Предварительно, он, правда, облегчённо перевёл дыхание. И, в целях конспирации, глубоко в себе. – Я подошёл к вопросу меркантильно. Прежде всего, я учёл то, что обергруппенфюрер неназойливо, но регулярно восторгался своим юридическим прошлым. И ещё он очень любил «подавать себя» интеллектуалом. А окружение из юристов – одна из наиболее удачных форм подачи. Конечно, положение начальника РСХА, оказавшегося на пересечении интересов «заклятых друзей» – Гимmlера и Бормана – было «чревато». И хоть я не исключал перспективы стать очередной разменной пешкой, близость к Кальтенбруннеру была ключом к новым «банкам данных», недоступных мне ранее. И я рискнул.

– Неужели Борман был такой серьёзной фигурой, что его боялся даже всеильный рейхсфюрер СС?

Сталин, конечно, с уважением относился к приговору Нюрнбергского трибунала, определившего Бормана на виселицу, пусть и заочно, вместе с дотянувшими до неё вождями рейха. Но чувствовалось, что он не готов был уравнивать секретаря фюрера в правах с «чиновной знатью».

И Семён Ильич немедленно вступился за «условно удушенного».

– Удивительно, товарищ Сталин, насколько этому человеку удалось завуалировать своё могущество тенью Гитлера! Вы говорите: «всеильный фюрер СС»... Нет, Иосиф Виссарионович, это Борман – всеильный. Поэтому надо «отдавать должное» не его смелости, а смелости Гимmlера, не побоявшегося регулярно «обмениваться братскими укусами» с партайгеноссе... Но Вы не огорчайтесь, товарищ Сталин.

Не огорчившийся и призывавший не огорчаться дружно рассмеялись: и призыв не огорчаться, и повод для огорчения были оригинальными. Как минимум, актуальными.

– Вы не одиноки в своём заблуждении: сами немцы заблуждались. В большинстве – и даже в массе. И не только обывателей, но и фюреров разного «калибра». Лишь «верхушка» рейха знала о том, кто такой Борман, чем он обладает и что держит.

– И чем же и что? – заинтересовался Хозяин. И интерес его был явно не научно-исследовательский: всё, что касалось механизма власти, немедленно пробуждало его любопытство. Объяснение – простое: механизм власти – это достояние не истории, а политики. Точнее: политиков. Потому, что у механизма власти нет «ретроспективного плана»: этот вопрос всегда актуален, а опыт непреходящ. Далеко и ходить не надо: Макиавелли, «Государь». «Вечно живое учение». Более «вечное» и более «живое», чем даже марксизм-ленинизм. Для посвящённых, конечно – а Сталин был, ещё, как посвящён...

– «Чем и что»? – позволил себе не только продублировать, но и усмехнуться Браилов. – «Чем» – реальной властью. «Что» – партию, кадры, и и главное, её деньги. Так сказать, «золото партии». Всего лишь секретарь фюрера – а выходит, не «всего лишь», а «целый»!

Будто вспомнив о забытых обязанностях, наступила пауза. Наступила как на сказанное, так и на возможное продолжение: вспомнив о режиме, Семён Ильич быстро взглянул на часы.

– Ого! Заболтались мы с Вами, товарищ Сталин! Пора заняться делом!

Хозяин огорчённо крякнул, и нехотя выбрался из шезлонга: процедурам он явно предпочитал завершение разговора. Понять его было можно: уже третий месяц вождь почти не занимался государственными делами. То есть, текущими вопросами он не занимался вообще, отдав это дело на откуп соратникам по Президиуму ЦК и Совету Министров. Решение вопросов стратегического порядка оставалось прерогативой Хозяина, но больше в теории. Да и дача – не Кремль, где Сталин не был уже несколько месяцев. Не тот символ. А этот разговор, пусть и в минимальной степени, возвращал ему статус политика. Действующего, а не находящегося на излечении, не говоря уже о пенсии.

– А кровеносные сосуды мы Вам поправим, товарищ Сталин, – поддержал и руку, и дух Хозяина Браилов. – И без операции, одними терапевтическими средствами!

Хозяин вздохнул уже менее трагично: какой-никакой, а мажор...

Глава пятнадцатая

Браилов ошибся в своих оценках интереса Сталина к предмету разговора: Хозяин никогда и ничего не говорил «просто так». И очень скоро Семёну Ильичу пришлось убедиться в верности этого утверждения – равно как и в ошибочности своих взглядов «на предмет». И то, и другое случилось одновременно.

После одного из сеансов терапии, на которых Браилов посредством инъекций производил расширение просвета кровеносных сосудов и укрепление их стенок, пациент вдруг – и совершенно вне контекста общения – — поинтересовался тем, какой у него был чин в СС.

Браилов ответил чисто механически, не успев не только задуматься о причинах такого любопытства, но и оторваться от шприца.

– Оберштурмбанфюрер. Оберст-лейтенант «на деньги вермахта».

– То есть, подполковник?

– Так точно. Я получил это звание в июле сорок третьего, буквально за три дня до начала операции «Цитадель».

– А какую должность Вы занимали в Главном управлении имперской безопасности?

– Возглавлял один из подразделов в Шестом отделе.

Сталин медленно опустил закатанные рукава свитера.

– Уже в сорок третьем, в СС, где звания просто так не давали, Вы были подполковником. А дома, в пятьдесят третьем – всё ещё майор. Почему так?

Браилов почти равнодушно пожал плечами: вопрос давно перестал быть для него актуальным. Потому, что лечит, как известно, не только доктор, но и время. И среди его пациентов доктора – не исключение.

– Об этом лучше было бы спросить Лаврентия Палыча...

Словно не расслышав ответа, Сталин продолжил уже, как бы про себя и для себя:

– По Вашим летам, стажу и заслугам Вам давно уже пора быть генерал-лейтенантом.

Браилов добродушно улыбнулся.

– Ну, так, уж, и «генерал-лейтенантом»...

Сталин тем временем привёл в порядок одежду – и решительно показал Браилову, что в делах шутки неуместны. Как минимум, в делах с его участием, независимо от того, сам он напросился на участие, или участие на пару с делом попросили его об этом.

– Будем считать вопрос решённым. С сегодняшнего дня Вы – генерал государственной безопасности 2 ранга. Лечение моё подходит к концу, и Вам пора «устраиваться» на работу.

– А...

– Никаких «а»! Не только Кальтенбруннеру нужны верные люди, но и мне! И тоже не только «свои», но и умные! Я думаю назначить Вас начальником Главного управления охраны, а к этой должности прилагаются лампасы. В обязательном порядке.

– А как же лечение? – успел вставить слегка ошарашенный Браилов: он ещё не оправился от свалившегося на голову «подарка судьбы». «Манна небесная» тоже имеет свой «удельный вес».

Хозяин снисходительно улыбнулся.

– Лечение от Вас никуда не денется, так же, как и от меня. Вы теперь мой лекарь до гроба.

Семён Ильич благоразумно не стал уточнять, до чьего именно. Но и Хозяин «пощадил нюансами» – уже «заходил на тему»:

– Лечить будете, совмещая.

– Что с чем? – всё-таки, слегка обнаглел Браилов.

– Лечение с охраной! – «приговорил шутку» Хозяин – и она «приказала долго жить». – Я понятно расставил приоритеты?

Браилов поспешно кивнул: куда, уж, понятнее. Зарождавшийся протест так и не зародился.

– И учтите, что это назначение – не только и не столько благодарность за то, что Вы сделали для меня.

– ???

– «И на старуху бывает проруха». Нет безгрешных старух.

Аллегория была настолько прозрачна, что не требовала «подключения криптографов». Впервые на памяти Браилова Хозяин признавал ошибки, пусть «всего лишь по линии кадров».

– Кстати, Президиум Верховного Совета уже издал Указ о присвоении Вам звания Героя Советского Союза за деятельность по пресечению антисоветского государственного переворота.

Семён Ильич не стал возражать: бесперспективно, претенциозно – нечего кокетничать! – да и как-то не хотелось. «Герой Советского Союза генерал Браилов» – это звучало!

– Только не думайте, что это я был инициатором награждения. Нет, представление в Президиум Верховного Совета внёс Центральный Комитет партии. Кстати, звание Героя присвоено также и генералу Круглову: Вы с ним составили на удивление работоспособный... как это говорят у велосипедистов?

– Тандем.

– Вот именно: тандем. Жуков, Москаленко, Руденко, Мгеладзе и Лозгачёв удостоены орденов Ленина. Так что, можете успокоиться: я не делал из Вас фаворита.

Семён Ильич вздохнул с облегчением: ему и в самом деле не хотелось быть удостоенным высшего знака отличия соло. И не из скромности: незачем давать лишний повод завистникам «для дополнительных чувств».

– Служу Советскому Союзу!

Он встал и вытянул руки по швам – так, словно ему уже вручили коробочки с наградами.

– Ну, это – другое дело, – удовлетворённо хмыкнул Иосиф Виссарионович.

– И, тем, не менее, я не вижу себя в Вашей охране, товарищ Сталин.

Продолжение оказалось совсем не в контексте начала, но Сталин почему-то не удивился отказу. Даже взгляд его не утратил дружелюбия.

– Я не удивлён Вашим отказом. Напротив: я бы удивился, если бы Вы приняли моё предложение. Я даже скажу больше: я бы неприятно удивился.

Браилов, словно по команде «Вольно!», ослабил ногу в колене.

– Значит, проверяли «на вшивость», товарищ Сталин?

Сталин расщедрился на скупую улыбку.

– Не без того. И я рад, Семён Ильич, что Вы оказались без этих «компаньонов». Поэтому Вы не будете произведены в генералы государственной безопасности 2 ранга, что соответствует общевойсковому званию «генерал-лейтенант».

«Бог дал, Бог взял» – и Семён Ильич философски отнёсся к «отъёму эполет с лампасами». В этом ему помогло то, что и те, и другие он ещё и поносить не успел: генеральские причиндалы были всего лишь виртуальными.

– Вы будете произведены в генерал-полковники, – неожиданно компенсировал отъём Сталин. – И для Вас у меня есть работа, куда ответственнее моей охраны.

Браилов постарался не выдать волнения, но не смог: волнение само выдало его. И то, шутка ли: в генерал-полковники – из майора!

Не обращая внимания на тщетную борьбу собеседника с чувством, Сталин начал медленно вышагивать по залу, благо, ходить было, где. «Нагулявшись» вдоволь, он вернулся «на исходную позицию».

– Я хочу предложить Вам место советника. И не «тайного» а самого, что ни есть официального – с должностью и «мандатом».

Браилов оторопел: такого поворота он не ожидал. Но оторопел он недолго: предложение было из разряда тех, что делаются раз в жизни.

– Я согласен, товарищ Сталин.

– Вы даже не спрашиваете, чем Вам предстоит заниматься?

– Вы сами скажете, если сочтёте нужным. А не скажете – узнаю эмпирическим путём.

– Это хорошо, что Вы не пытаетесь соблюсти обряд, – усмехнулся Сталин.

– ???

– Ну, не говорите, что не справитесь, как это обычно делают в подобных случаях.

– А зачем кокетничать?

Браилов уже взял себя в руки и даже позволил себе двинуть плечом под лёгкую усмешку.

– Если бы Вы не рассчитывали на меня, то и не стали бы делать такого предложения.

– Верно, товарищ Браилов, – одобрил Сталин.

Закончив с одобрением, он медленно подошёл к шкафу, как бы «автоматом» снял с одной из его полок коробку с трубками, взял одну в руки – и тут же восстановил статус-кво. Ну, так, как если бы он был ужален. Хотя он и был «ужален» – взглядом Браилова. По этой причине Сталин «оперативно раскаялся» посредством виноватой улыбки. И небеспричинно: лечащий врач, он же будущий генерал-полковник, категорически запретил ему даже прикасаться к трубкам. Ну, чтобы не вызывать в себе ненужных воспоминаний, провоцирующих ещё более ненужные соблазны. Даже традиционное «холодное курение» возбранялось теперь Хозяину.

Смущение могло быть преодолено только «возвращением в русло», и Сталин решительно вернулся «к вопросу о персональном вопросе».

– Я много думал о Вас последнее время, Семён Ильич. Вы правы: я действительно рассчитываю на Вас. На Ваш ум. На Ваш опыт. На Вашу преданность.

Уже забыв о мимолётном конфузе, Сталин опять работал Сталиным: был спокоен и деловит.

– Начальник Особого бюро.

Как Браилов ни готовился к продолжению, но, услышав Сталина, вздрогнул. Одними глазами, незаметно для других, но сам-то заметил!

– Начальник Особого бюро при Совете Министров СССР.

Сталин был явно доволен впечатлением, которое произвели «на контрагента» его слова. «Отдрожав», Браилов наморщил лоб.

– Особого бюро? Что-то знакомое... Оргбюро уже было... Но оно занималось чистой канцелярщиной.

Сталин молча усмехнулся.

– ...Особое совещание пока ещё существует – не к ночи будь оно помянуто...

На месте Браилова любой другой мог бы горько пожалеть о своих словах – если бы успел – но Сталин опять только усмехнулся.

– Особое бюро...

Семён Ильич щёлкнул пальцами: вспомнил.

– Особое бюро тоже уже было. Как канцелярский орган при наркомате внутренних дел. И начальствовал над ним арестованный в прошлом году Петре Шария, один из соратников Берии. Если я не ошибаюсь, то Особое бюро готовило методические указания, пособия, разрабатывало проекты внутриведомственных документов. И, кроме того, Шария «помогал» Лаврентию Палычу в эпистолярном жанре: писал за него книги, статьи и доклады. Так сказать, «на добровольных началах».

Сталин рассмеялся.

– Память Вас не обманывает. Но предлагаемое мной Особое бюро не будет иметь ничего общего с «однофамильцем». Я хочу, чтобы Вы создали и возглавили рабочий орган, который будет иметь действительно консультационный характер.

Смех Хозяина уже давно «приказал» – и всем, и самому себе. Но по адресу Семёна Ильича он старался напрасно: момент и так не располагал будущего генерала к соучастию. Максимум, на что он сподобился – растянул губы. Да и то не слишком убедительно. Зато это должно убедить Хозяина в натуральном лице собеседника, и избавить его от подозрений на маску. Судя по удовлетворению в глазах Хозяина, он сделал и то, и другое.

– Вначале я хотел создать для Вас должность советника Председателя Совета Министров СССР. Потом решил: мелковато. И «переименовал» так: «для особых поручений при Совете Министров СССР». Но это звучало как-то старорежимно, вроде «поручик такой-то для особых поручений при Ставке Главнокомандующего». Да и не солидно это: «советник», «для поручений»! И масштаб не тот. Не соответствующий задачам. Вот я и подумал о рабочем органе. Название пришло на ум позже. И, по-моему, неплохое название. Солидное и по существу.

Браилов утвердительно кивнул головой.

– В части названия? – под усмешку уточнил Сталин. – Или по предложению в целом?

– В целом, товарищ Сталин. Полностью и безоговорочно.

По усам Сталина пробежало удовлетворение ответом. И хотя оно оперативно скрылось в зарослях, Браилов успел «отследить товарища и его маршрут».

– Тогда позвольте мне вкратце ознакомить Вас с тем, чем Вам предстоит заниматься.

Иосиф Виссарионович прошелся по ковру. Мягкий ворс делал его, и без того «кошачьи шаги», совсем неслышными.

– Именно вкратце: я и сам пока «не вижу» перечня. Да и вряд ли это возможно сейчас. Потому что критерий истины – практика. Она и определит круг обязанностей: что-то добавит, что-то убавит, что-то изменит. Согласны?

– Абсолютно, товарищ Сталин.

– Итак.

Хозяин зашагал по комнате так, как он много лет шагал у себя в кремлёвском кабинете.

– Я бы хотел получать от Вас дельные, основательно проработанные и подкреплённые фактами советы по вопросам внутренней и внешней политики. Слишком общо?

Иного вопроса реакция Браилова и не заслуживала: «сорвался»... нет, не работу пятернёй с затылком – ещё не хватало! – на озадаченный взгляд. Круг действительно оказывался широким. Но Хозяин неожиданно согласился с «уточнением». В последнее время он соглашался со многим из того, за что их авторы в прежние времена сами «приговорили» бы себя по образу героя Чехова из рассказа «Смерть чиновника».

– Согласен: общо и не вполне конкретно. Но в том-то и штука, что конкретизировать предстоит именно Вам, товарищ Браилов.

– ??? – комбинированно уточнил-изумился Семён Ильич.

– Да-да: именно Вам! И сделаете это Вы после того, как разберётесь с положением дел в народном хозяйстве и обществе в целом. Данные у Вас будут: Вы сможете требовать любую информацию у любых структур. Кроме того, Вы будете иметь право самостоятельно добывать нужную информацию, ездить по стране, встречаться с людьми. Словом, знакомиться с положением дел непосредственно на местах. Поездки эти, разумеется, не будут иметь ничего общего с традиционными визитами «высокого гостя из столицы». Это будут скорее, набег кровожадного ревизора, которого следует встречать не хлебом-солью, а покаянием и чистосердечным признанием!

– Ну, Вы скажете! – не выдержал Браилов. – Не советник правительства, а держиморда, какой-то!

– А лакировщиков у нас и без Вас хватает! – тут же парировал Сталин. И на этот раз – без тени усмешки. – Мне нужна объективная информация о том, что творится в стране. Мне нужны дельные предложения. И предложения масштабного характера, не связанные с тем, что в каком-то сельпо не хватает перловой крупы или где-то никак не починят канализацию.

По мере того, как Сталин «разворачивался картину», Семён Ильич всё больше «проникался» – и к финалу «проникся». «Проникся» не только пониманием задач, но и пониманием ответственности. Второе было не менее, а, может, и более существенным. Потому что такая работа не сулила увеличения числа друзей. Да, что, там, друзей: хотя бы симпатизантов!

– Мне кажется, что Вы меня поняли.

Сталин ободряюще улыбнулся Браилову: человек, занимающий должность «Сталин», не мог не прочесть души визави. По должности не мог.

– Я думаю, Вы будете при мне кем-то вроде Каллисфена при Александре Македонском.

– Насколько я помню...

Тщательно подбирая слова, Браилов осторожно покосился на Сталина.

– ... он плохо кончил. Его, если я не ошибаюсь, скормили хищникам... и совсем даже не в переносном смысле...

Выдержав паузу, Семён Ильич «упал грудью на амбразуру»:

– ... за чрезмерное усердие по службе...

– Так не будьте чрезмерно усердным!

Это был достойный ответ, на который у Браилова не нашлось возражений. И правильно «сделало», что «не нашлось». Потому что «нашлось» бы на голову, шею и филеи исключительно автора.

– Когда прикажете начинать?

– А Вы уже начали, – улыбнулся Сталин.

– Когда???

Браилов компактно изумился и обрадовался: если он до сих пор жив, то не так страшен чёрт, каким его намалевали они на пару с Хозяином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.